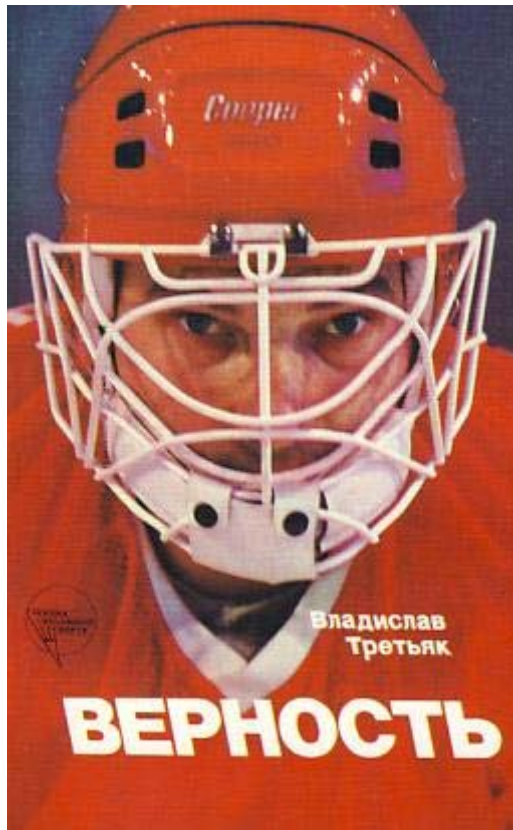

Владислав Александрович Третьяк Верность

Scan, OCR&Spekcheck Stanichnik <http://lib.aldebaran.ru>
«Верность»: Физкультура и спорт; Москва; 1986

Аннотация

Выдающийся советский хоккеист, трехкратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира, Европы, СССР, кавалер ордена Ленина Владислав Третьяк рассказывает о важнейших событиях своего двадцатилетнего спортивного пути, о друзьях, тренерах, соперниках. Эти события, сами по себе интересные, являются к тому же поводом для глубоких размышлений автора о спортивном характере, истоках высшего хоккейного мастерства, верности таким идеалам, как патриотизм, мужество, благородство.

Владислав Александрович Третьяк Верность

Предисловие

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР, кандидат педагогических наук

Определенно заявляю: мы ждали эту книгу, она нужна советскому хоккею и тем, кто прикипел к этой страстной и чертовски интересной игре, любит ее. Хотя о хоккее написано немало, биография великого вратаря, его воспоминания волнуют нас, мы хотим получить их из «первых уст».

Наш хоккей воспитал много, очень много – не побоюсь высокопарности – национальных спортивных героев. Прославляя своими делами Отчизну, они стали людьми, опередившими время. Во всем – и в уровне мастерства, и в общей культуре, и в патриотизме, и в отношении к делу. В ряду таких правофланговых спортсменов одним из первых стоит хоккейный вратарь

Владислав Третьяк.

Напомню читателям послужной список этого хоккеиста. Он родился 25 апреля 1952 года. В 1969 – 1984 годах играл за ЦСКА. Чемпион СССР 1970 – 1973, 1975, 1977 – 1984 годов. Провел 482 игры. В 1974 – 1976, 1981 и 1983 годах был признан лучшим хоккеистом сезона.

Олимпийский чемпион 1972, 1976, 1984 годов. Чемпион мира 1970, 1971, 1973 – 1975, 1978, 1979, 1981 – 1983 годов. Чемпион Европы 1970, 1973 – 1975, 1978, 1979, 1981 – 1983 годов. Провел в крупнейших международных турнирах 118 матчей. Лучший вратарь чемпионатов мира 1974, 1979, 1981, 1983 годов. Лучший хоккеист Европы 1981 – 1983 годов.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

Как видите, в этом списке что ни цифра, то рекорд. И рекорд вряд ли повторимый! Но играя – и как играя! – Владислав Третьяк установил и другой рекорд, о котором и помыслить не может ни один западный спортсмен: два высших учебных заведения окончил лучший вратарь всех времен – институт физкультуры и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Играя – и как играя! – он был на протяжении двух созывов членом ЦК ВЛКСМ, вел важную работу по пропаганде детского хоккея. На протяжении восьми лет являлся комсоргом сборной СССР и ЦСКА. Какая интересная, скажет читатель, жизнь. А я бы добавил: жизнь очень трудная, предельно насыщенная, приносящая много пользы людям.

С юных лет Владислав воспитывал в себе трудолюбие и любознательность. А позже он сам стал для себя тренером. Да-да, в 15 лет он уже знал все тонкости выполнения технических приемов. А через два года принялся за освоение принципиально нового подхода к тактике игры вратаря, подхода, основанного на интуитивном восприятии хоккея. Об этом Владислав достаточно подробно рассказывает на страницах своей книги.

Ни разу за 20 лет служения хоккею Третьяк не опоздал на тренировку. Ни разу я не видел у него перед занятиями кислую физиономию. Владислав всегда был бодр. Всегда весел. С ним приятно было тренироваться. С ним уютно жилось команде.

Сейчас, вспоминая прожитые в хоккее годы, за счастье почитаю, что мне довелось работать с Третьяком. С такими спортсменами нам, тренерам, не приходится тратить свою нервную энергию на административно-воспитательные меры, таким хоккеистам, как Владислав, мы можем без остатка передавать свои знания. И получаем мы от таких спортсменов не только радость успеха, но и многое для своего профессионального роста. Да и успеху этих выдающихся игроков мы всегда радовались по-особому – знали, были уверены, что такой спортсмен будет долго верой и правдой на любом – и не только хоккейном – поприще служить Родине.

В нашем атакующем хоккее главная роль зачастую отводится форвардам, особенно ценятся активные защитники. Все это в принципе правильно. Однако начало всех тактических начал зависит – в этом я убежден – от запаса прочности вратаря.

Здесь следует учесть несколько важных обстоятельств. Владислав Третьяк пришел в большой хоккей, когда наша сборная десять лет не знала поражений. Пришел на смену не слабым, а очень надежным, именитым вратарям. Победы сборной в те далекие времена были связаны с именами Николая Пучкова и Виктора Коноваленко. Представляю, как трудно было мальчишке преодолеть гипноз славы именитых ветеранов, стать таким же надежным и сильным, как его предшественники. Это первое. И второе: с осени 1972 года на его юные плечи легла огромная тяжесть встреч с канадскими профессионалами. Это сегодня мы так легко воспринимаем те результаты, гордимся ими, в свое удовольствие просматриваем видеозаписи тех матчей. А тогда... Выходить в то время на катки Монреаля, Торонто, Чикаго, завоевывать аудиторию, которая относилась к нашему хоккею с усмешкой, было не просто. Давайте, читатель, вспомним хотя бы некоторые детали тех встреч.

Разве могли канадские болельщики подумать, что уже в первом матче их любимцы проиграют советской сборной со счетом 3:7? Дьявольская гордыня преисполняла души любителей хоккея Канады и США: они не могли не то что говорить вслух, а даже подумать о возможности равного единоборства их кумиров с кем бы то ни было. Западные журналисты мне не раз говорили: «Зачем вы напрашиваетесь на встречи с канадскими профессионалами? Неужели вам не хватает славы?» Невдомек им было, что так воспитан советский человек – ему

всегда мало любой высоты, любой победы, он постоянно нацелен на новые вершины. Нас, тренеров и спортсменов, постоянно вела вперед мечта не только встретиться с профессионалами, но и непременно победить их. «Ваша команда проиграет все встречи с двузначным счетом, – говорили нам. – А если разозлите канадцев, то тренерам уже во втором периоде нечем будет заменять своих игроков».

О том, что получилось на деле, увлекательно рассказывает в своей книге Владислав Третьяк. Мы не раз побеждали канадцев – и клубы, и сборную. А в воротах советской команды неизменно стоял Третьяк. Если я не ошибаюсь, только дважды за все годы он не выходил играть против профессионалов. Один раз, когда победа в турнире была обеспечена, тренеры дали отдохнуть Третьяку, поставив в ворота Александра Сидельникова. И позже, в «Кубке вызова», на последнюю игру был однажды поставлен Владимир Мышкин. Менялись игроки, менялись и по-разному компоновались звенья, сборную доверяли разным тренерам, но в ее боевых порядках постоянно оставался игрок под номером двадцать. Главный вратарь.

Когда в финальном матче Кубка Канады 1981 года наша сборная разгромила (8:1) команду, составленную из всех звезд профессионального хоккея, за океаном раздалось немало принципиальных, честных высказываний специалистов и журналистов на сей счет. Общий тон их был таков: родоначальникам мирового хоккея надо срочно учиться у советских спортсменов. А многие игроки заявили буквально следующее: мы крепко боимся Третьяка, у пас при виде его трясутся руки, появляется неверие в собственные силы.

Вот оно как! А мы-то думали, что профессионалы никого не боятся. Мы-то думали, что укротить таких соперников – часто невыдержанных, свирепых – можно только могучими кулаками, профессиональными приемами бокса и дзюдо... А оказывается, их покорило, заморозило высочайшее мастерство Владислава Третьяка, и оно же сделало их слабыми, не уверенными в своих силах.

Несколько лет назад осенью встречаю Владислава, вернувшегося после серии матчей из-за рубежа. Спрашиваю:

– Как дела?

– Трудными матчи оказались... Оборона наша с провалами играла...

– Чудак ты! – говорю. – Твои тренеры поступили мудро: дали тебе возможность по осени вдоволь наиграться, укрепить мастерство, уверенность в себе. А если бы защитники не ошибались...

Я привык к тому, что меня считают человеком крайностей. Однако мои крайние суждения просто конечные звенья логической цепи, большую часть которой я, признаюсь, зачастую опускаю. Постараюсь восстановить для читателей то, что было недосказано в разговоре с Третьяком.

Дело-то в том, что если защитники не ошибаются и оборона очень надежна, вратарь принимает небольшое участие в игре и, как следствие, мастерство его не растет. Убежден, долю оборонительной работы страж ворот должен принять на свои плечи – тогда с форвардов и защитников можно снять часть их оборонительных функций, тогда можно воплощать в жизнь истинный атакующий стиль. Именно это и помогал мне делать Владислав. Впрочем, Третьяк был опорой тренеров во всем. В сознательной дисциплине, в постоянном совершенствовании знаний, в умении настроить ребят на каждый матч. Да что говорить, без таких выдающихся, честолюбивых, преданных хоккею, знающих цену коллективному труду спортсменов ни одному тренеру не под силу создать действительно классную команду! Владислав Третьяк очень помогал мне (и позже, верю, Виктору Тихонову) смело вводить в состав молодежь. Несколько лет назад в составе армейцев появилось много молодых, и хотя под рукой тренера была пятерка Ларионова – выдающиеся форварды и защитники, – выручал команду в трудные минуты все же Владислав Третьяк.

Не случайно и сейчас, когда Третьяк уже не выступает, по нему все равно сверяют мастерство и игроки, и тренеры. Пока эта сверка не слишком радует. К сожалению, ни один наш вратарь не начал осваивать интуитивный маневр. Я уже говорил, что Третьяк в единоборстве с любым противником владел инициативой. Было у него и множество других приемов, которым обязаны учиться наши вратари. Ну, например, такой. В ситуации, когда противник владел шайбой за воротами, Владислав следил за ним лишь боковым зрением,

главное его внимание было сосредоточено на тех, кто мог забросить шайбу. При этом он подсказывал партнерам кого, а то и как опекать. Маневр Третьяка в воротах был настолько отработан, что, по-моему, никто за всю жизнь не забросил Владиславу шайбу из-за ворот. Хотя я вспоминаю, что на тренировках Валерий Харламов, Анатолий Фирсов и многие другие выдающиеся форварды-армейцы пытались по многу раз добиться этого. Но не могли. К сожалению, Мышкину (о других я и не говорю) даже не столь выдающиеся форварды не раз забивали шайбу из-за ворот.

Вывод, по-моему, очевиден: тренеры, если у них есть творческое начало, обязаны использовать и развивать наследие Третьяка. Именно так выдающийся игрок, хотя он и закончил выступать, еще долго может служить нашему хоккею, приносить пользу молодым.

В 1984 году Владислав объявил о своем уходе из хоккея. Для многих это его решение было неожиданным – так свыклись мы с тем, что ворота ЦСКА и сборной всегда защищает только этот человек – всегда только он. Даже специалисты побаивались: сможем ли без Третьяка продолжать победную поступь? Просили Владислава остаться еще на год-два. Но он был непреклонен. Может быть, потому, что хотел уйти непобежденным? Остаться в памяти болельщиков сильным, красивым, самым лучшим? Мне кажется, что и в этом Третьяк был верен себе, он и здесь выглядит личностью гордой, неординарной, возвышенной.

Прекрасно и то, что, покинув лед, он ни дня не позволил себе отдыхать, как говорят – почитать на лаврах. Подполковник, замполит отдела спортивных игр ЦСКА, он много сил отдает воспитанию молодых спортсменов. Не забывает Владислав и своих вратарских привязанностей – ведет в армейском клубе тренировки со странами ворот различных возрастов.

Лет двадцать назад нам на Западе говорили: «Нет у вас в хоккее ярких личностей, выдающихся игроков, звезд». Это, дескать, результат коллективного воспитания. Людей, мол, у нас штампуют, они становятся безликими. Конечно, глупость! Обидно было слышать такую чушь. Так мог говорить только тот, кто не утруждал себя сколько-нибудь внимательным изучением нашего хоккея. Шли годы. И даже самые заклятые недруги вынуждены были признать: советский хоккей, коллективный по своей сути, состоит из ярких индивидуальностей. Получили мировую известность Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Анатолий Фирсов, Александр Рагулин, Валерий Васильев, Владимир Крутов, Сергей Макаров, Вячеслав Фетисов. О многих из них складываются легенды.

С удовольствием рекомендую читателям эту увлекательную, честную книгу, которая очень нужна всем любителям спорта, в особенности юным. Они при желании смогут извлечь из записок Третьяка множество полезных уроков.

Глава 1. Падая и вставая

Мама и хоккей

«Падая и вставая, ты растешь», – написал в своей книге знаменитый голландский конькобежец Кейс Феркерк. Мысль верная. Падая и вставая... Увы, как часто приходится видеть не в меру заботливых мам и бабушек, которые любовно сдувают пылинки с детей и внуков, ни на шаг не отпуская их от своих юбок! Где уж там падать и вставать... Просто споткнуться и то не дадут, сразу раскудахчутся: «Ах, беда, ах, мой бедный ребенок...» И растет дитя, не ведая о том, что в жизни – настоящей взрослой жизни – не бывает дорог без колдобин.

Я – за ободранные на футбольных площадках коленки, за синяки и шишки, заработанные на самодельном лыжном трамплине, за то, чтобы дети выросли, падая и вставая.

Мы с братом были избавлены от мелочной опеки (а как сильно она омрачала жизнь многим нашим сверстникам!). Над нами никто никогда не охал и не ахал, а если нас наказывали, то справедливо, хотя, возможно, подчас излишне сурово. Родители требовали, чтобы мы не просто выполняли их поручения, а все делали на совесть. Особенно суров был отец. Случалось, я обижался на него. Но потом, став взрослее, понял, что эта отцовская строгость в итоге обернулась для меня большой пользой. Сам того не подозревая, отец подготовил меня к будущей работе с Анатолием Владимировичем Тарасовым, чья

требовательность, как известно, вообще не знала границ. Именно благодаря отцу я сразу нашел с Тарасовым общий язык.

Мое раннее детство прошло в подмосковном городе Дмитрове. Однажды, когда мне было 5 лет, я нашел в доме старую деревянную палку с загнутым крюком. Подошел к маме: что это? Она бережно взяла ее из моих рук, погладила.

– Это, сынок, моя клюшка для игры в русский хоккей.

В тот день я узнал много интересного из биографии мамы. Оказывается, в юные годы она играла на первенство Москвы за команду «Металлург». Да, в 30-е годы в хоккей с мячом у нас играли и женские команды. Клюшку свою она бережно хранила, как хранила в памяти и воспоминания о своем спортивном прошлом. Когда эта клюшка попала мне на глаза, сразу были забыты все остальные игрушки. Я долго стучал клюшкой по полу, гонял ею камни во дворе и в конце концов сломал. Я испугался маминого гнева, но, к моему удивлению, она не стала сердиться, только сказала, вздохнув: «Ну что ж, если ты выберешь хоккей, я возражать не стану».

Пять лет подряд во время школьных каникул я, как и большинство моих сверстников, ездил в загородный пионерский лагерь. Спорт там занимал половину, если не больше, времени. Я бегал кроссы, часами играл в пинг-понг и волейбол. Все виды спорта мне нравились, я охотно выступал в школьных соревнованиях по легкой атлетике, баскетболу, футболу, лыжам. И везде хотелось стать чемпионом. Однажды я так и заявил маме: «Обязательно буду чемпионом». «Спортсменом», – поправила она. «Нет, только чемпионом!» Теперь мы вспоминаем об этом с улыбкой.

В бассейне «Динамо» я по примеру своего старшего брата пробовал заниматься плаванием, но почему-то все время мерз и из-за этого большую часть времени проводил не в воде, а стоя под горячим душем. Потом увлекся прыжками в воду. С полутораметрового трамплина прыгал запросто, а однажды забрался на пятиметровую вышку. Снизу она казалась не слишком высокой, но, когда я подошел к краю и посмотрел в воду, голова у меня закружилась и колени затряслись.

– Владик, смелей! – подбадривал тренер. – Ну, что же ты? Будь мужчиной.

– Вода мягкая, – кричали снизу ребята. – Не бойся, не ушибешься! Давай «солдатином»!

А я просто оцепенел от страха. Ноги стали ватными, сердце стучало часто-часто.

– Владик, на тебя девочки смотрят. Неужели ты не прыгнешь? Моя неуверенность с каждой секундой становилась все сильнее.

Высота казалась огромной, а вода – твердой, как асфальт. Наверное, это чувство знакомо каждому – трудно преодолеть страх. Эту науку я постигал впоследствии много лет, но начинать пришлось на той пятиметровой вышке...

У мамы в классе (она работала учителем физкультуры) были два мальчика, которые занимались в хоккейной школе ЦСКА. (Кстати сказать, через мамины уроки прошли многие ребята, ставшие впоследствии мастерами хоккея, например Бодунов, Лапшенков, Титаренко.) И вот однажды я увидел у них настоящую хоккейную форму. Смешно, но она меня просто поразила. Как я завидовал этим мальчишкам!

Вечером дома твердо сказал родителям:

– Я тоже хочу такую форму.

– Очередное увлечение, – скептически улыбнулась мама. – Ну что ж, попробуй.

На мое счастье, утром следующего дня в детской спортивной школе ЦСКА проходил набор юных хоккеистов. Спозаранку я с тремя приятелями пришел на Ленинградский проспект. Что тут творилось! Кажется, все московские мальчишки в это утро решили стать хоккеистами. Они приехали на каток с родителями, бабушками, старшими братьями – это было прямо вавилонское столпотворение... Держась поближе к своему соседу по парте Валерке Крохмалеву, я протиснулся во Дворец спорта. Мне казалось, что если кого-нибудь из нас и примут, то этим счастливым окажется именно Валерка. Я только накануне решил стать хоккеистом, а мой приятель уже давно видел себя в доспехах ЦСКА.

Экзаменовали нас строго, хотя особой выдумкой испытания, скажем прямо, не отличались. Тренеры выпустили на лед такого же, как мы, мальчишку в хоккейной форме и объявили: «Он занимается в ЦСКА один год. Кто его догонит, тот выдержал экзамен». По

свистку юный армеец Саша Волчков (впоследствии игрок сборной СССР) что есть сил помчался на коньках, мы за ним. Потом он испытал наше умение кататься задним ходом. Вот где мне пригодились наши воскресные семейные походы в Парк культуры и отдыха на каток – там я научился уверенно владеть коньками.

Экзамен кончился. Из всех претендентов четверых, в том числе и меня, попросили отойти в сторону. Я был убежден, что мы и есть неудачники. Оказалось, наоборот. Меня приняли в прославленный клуб! Я был счастлив.

Наверное, среди тех, кто не выдержал приемный экзамен, были и другие достойные ребята, возможно даже более способные, чем мы. К сожалению, критерии отбора в спортивные школы и по сей день остаются несовершенными. Сомневаюсь, чтобы тогда экзаменаторы сумели разглядеть в мальчишках какие-то особые задатки. Что же касается меня, то я прошел тот конкурс только потому, что был смелее других и чуточку развитее, ведь к тому времени я уже успел позаниматься разными видами спорта: и футболом, и гимнастикой, и лыжами...

Начались тренировки: три раза в неделю по полтора часа. Я был нападающим и старался изо всех сил. Мне нравился хоккей. Смущало лишь одно обстоятельство: время шло, а я все еще не получил настоящую хоккейную форму. Месяц уже миновал, а формы нет.

– Не хватает на всех, – объяснил мой первый тренер Виталий Георгиевич Ерфилов.

В то время у нас в команде не было вратаря. Никто не хотел играть в воротах. Тогда я и придумал. Подхожу как-то к тренеру:

– Если дадите мне настоящую форму, буду вратарем. Тренер внимательно посмотрел на меня и спросил:

– А не боишься?

– Чего же бояться? – простодушно ответил я.

Откуда мне тогда было знать, как больно бьет шайба и как тяжела доля вратаря?! Больше всего я хотел получить настоящую хоккейную форму. И вот получил ее.

...Да, шайба жалит больно. Но к синякам я привык быстро. А вот к неудачам привыкнуть так и не смог. Может быть, это оттого, что у себя в клубе, да и в сборной, вам чаще доводится побеждать, чем проигрывать? Неудачи прямо-таки физической болью отзываются во мне. Когда я был маленьким и случилось, что наша команда проигрывала, я не мог сдержать слез – так становилось горько и стыдно... Я рыдал, и вся команда успокаивала меня.

Первый раз это случилось через год после того, как мне дали хоккейную форму. Мы встречались с мальчишками из команды «Динамо», когда наш вратарь Саша Карнаухов получил травму и вышел из игры. Я был запасным. Тренер говорит: «Ну, давай, Владик, на лед!» Я встал в ворота и испугался. Этот страх был таким же сильным, как и тот, что я испытал на вышке в бассейне. Когда шайба летела в наши ворота, я закрывал глаза и шарахался от нее в сторону. К тому времени я уже знал, какая она тяжелая, эта шайба... Десять голов забили нашей команде в тот вечер.

После матча я сквозь рыдания сказал тренеру, что из меня никогда не получится вратарь. Ерфилов, как будто ничего не произошло, спокойно посмотрел на меня и произнес:

– Поздравляю тебя, Владик, с боевым крещением. Если будешь трудиться, у тебя все получится.

– Правда?

– Вытри слезы и завтра приходи на тренировку. Интересно, верил ли он действительно в то, что из меня когда-нибудь выйдет вратарь?

Не думайте, что Ерфилов и потом так же легко прощал мне ошибки. Помню, в том же сезоне у команды мальчиков 1950 года рождения не оказалось вратаря. Поставили меня, хотя я был на два года младше. Последний матч первенства Москвы мы играли с «Крыльями Советов». Победа выводила нас в чемпионы. Но встреча закончилась со счетом 4:4, причем все четыре шайбы я пропустил от синей линии, то есть самым бессовестным образом подвел команду. Тут уж и Ерфилов не выдержал:

– Эх, ты... За игру ставлю тебе единицу.

До сих пор храню в памяти то ощущение горя и обиды, которое испытал тогда. Правда, в тот день судьба все же решила смилостивиться: через полчаса нам сообщили, что «Спартак» свой последний матч проиграл, а это значит – мы чемпионы!

Я страстно желал убить в себе страх. «Надо убить его раз и навсегда», – думал я, еще не зная тогда, что это невозможно, что не бывает в жизни абсолютно бесстрашных людей. Весь вопрос в том, может ли человек подавлять свои отрицательные эмоции. Мне надо было научиться управлять собой. Нельзя бояться шайбы. Нельзя бояться соперников, которые с перекошенными в азарте лицами с бешеной скоростью мчатся на твои ворота. Только одно должно быть в голове у вратаря: не пропустить гол. Все остальное – мимо. Больно – терпи. Трудно – терпи. И думай. Все время думай, как сыграть лучше, надежнее...

Хоккей – суровая игра. И в первую очередь она беспощадна к вратарям. Порыв и ярость атакующей команды направлены в конечном счете на них. Запугать и ошеломить. Сбить с толку. Уложить на лед. И забросить шайбу. Шайба летит в ворота, словно снаряд. А голкипер должен поймать ее в ловушку. Или просто отбить. Ключкой, щитком, коньком – чем угодно. Отразить бросок. Обязательно отразить! Другим можно ошибаться. Если форвард теряет шайбу, он знает: выручит защита. Небрежность защитника исправит вратарь. Только вратарю ошибаться нельзя. Потому что его ошибка – это гол. Он – сам себе надежда. И сам себе – судья.

Мне нравится, когда вратаря сравнивают с пограничником. Действительно, вот он – твой рубеж, и ты должен грудью защищать его.

В 12 лет я впервые получил серьезную травму. Шайба угодила в голову. Я не заревел только потому, что боялся: увидят слезы – выгонят из команды. К тому времени хоккей для меня был уже не просто очередным увлечением. Я полюбил эту игру так беззаветно и пылко, как может любить только мальчишка. На следующий день после травмы меня словно подменили. На тренировке я думал только о том, как бы увернуться от шайбы. Я забыл все, чему успел научиться. И опять надо было начинать сначала... Снова была борьба с самим собой.

Нелегкая это наука – уметь побеждать страх...

Отец поначалу скептически относился к моему новому увлечению. Хоккей, как, впрочем, и футбол, был ему глубоко несимпатичен. В те годы, если по телевизору транслировали какой-нибудь матч, отец демонстративно уходил в другую комнату. Его любимой передачей был «Голубой огонек», где выступали самые лучшие эстрадные артисты.

– Подумаешь, вратарь, – шутливо поддразнивал он меня. – Что от тебя толку – стоишь с помелом в воротах... Смотри, двоек в школе не получай, а то живо распрощаешься со своим хоккеем, – уже вполне серьезно заканчивал отец.

Не сомневаюсь, что он привел бы свою угрозу в исполнение, если бы я не справлялся со школьными обязанностями, по учеба у нас с братом всегда стояла на первом месте.

Забегая вперед, скажу, что потом отец изменил свои взгляды на большой спорт. Сегодня он знает хоккей, что называется, вдоль и поперек. Его бывшие сослуживцы, встречаясь с отцом, не могут поверить: «Саша, неужели ты стал болельщиком?»

Однако самая неистовая болельщица в нашей семье – мама. Когда во время трансляции хоккейного матча она садится перед телевизором, отец вывешивает в комнате автодорожный знак, который означает: «Подача звуковых сигналов запрещена». Смысл ясен: болей, но не так бурно.

...Виталий Георгиевич не жалел времени, занимаясь со мной. Играет, скажем, во Дворце спорта московское «Динамо», он говорит:

– Сегодня идем на Чинова.

Это значит, что мы с Ерфиловым во время матча будем сидеть за воротами, которые защищает динамовский голкипер Чинов, и внимательно следить за всеми его действиями. Для меня это было хорошей школой. Так мы ходили «на Коноваленко», «на Зингера»... Заимствовали опыт, подмечали недостатки, учились.

А время шло. Я уже довольно шустро отбивал шайбы, с удовольствием после уроков в школе мчался на каток и был вполне доволен жизнью. Больше я не говорил маме о своем желании стать чемпионом: верный признак того, что мальчишка превращается в юношу. Я снова скажу ей об этом чуточку позже, когда мы начнем работать с тренером Тарасовым.

Летом 1967 года в команде ЦСКА было три вратаря: Виктор Толмачев, Николай Толстик и Владимир Полупанов. Старшему тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову потребовался четвертый – для того, чтобы плодотворнее проводить тренировки. Я в то время и не мечтал о том, чтобы играть в команде Тарасова. Тогда там были такие великие мастера, как Константин Локтев, Александр Альметов, Вениамин Александров, Анатолий Фирсов... Мог ли я, 15-летний мальчишка, думать о том, чтобы быть рядом с ними!

И вот представьте мое состояние, когда в один прекрасный летний день Тарасов говорит тренеру нашей юношеской команды: «Пусть мальчик приходит на занятия мастеров» – и показывает на меня. Я прямо оцепенел от неожиданности. Вот это счастье!

Так я стал тренироваться в знаменитой армейской команде, которая много раз становилась чемпионом страны, неоднократно выигрывала Кубок СССР и которая всегда поставляла больше всего игроков в сборную.

Как я старался! Во время игр бросался за каждой, даже самой безнадежной, шайбой. Наравне со всеми бегал и выполнял все упражнения. Возил своим новым друзьям яблоки из нашего сада. Я начал нарочно косолапить, подражая Евгению Мишакову. В разговоре я пытался ввертывать любимые словечки своих кумиров. Носил за ними клюшки. Хотел во всем быть похожим на них.

Я был горд тем, что живу в пансионате ЦСКА на Песчаной улице, что мне разрешают переодеваться в раздевалке рядом с легендарными хоккеистами. Дней пятнадцать продолжалось тогда это немыслимое счастье.

– Давай, мальчик, старайся, – одобрительно похлопывал меня по плечу Тарасов. И это звучало как высшая похвала. Тем более что я уже тогда знал, как скуп Анатолий Владимирович на хорошие оценки. Он и потом ругал меня гораздо чаще, чем хвалил. Наверное, боялся, что зазнаюсь.

– Не слушай похвал, – любил говорить Тарасов. – Когда тебя хвалят, тебя обкрадывают. А если я тебе делаю замечания, значит, ты мне нужен.

Но в середине июля праздник кончился. Команда уехала на юг, и, естественно, без меня. Я продолжал выступать в команде юношей. Мы стали чемпионами Москвы. В Новосибирске я впервые получил приз лучшего вратаря. Еще до этого тренеры сборной молодежной команды СССР брали меня вторым голкипером на чемпионат Европы в Хельсинки. Выступление наше было признано неудачным: мы заняли второе место, а ведь взрослая сборная уже успела приучить всех только к победам! Любое другое место, кроме первого, расценивалось как неудача.

Зато через год, на молодежном чемпионате в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ), мы добились победы! После этого чемпионата я пришел в наш армейский Дворец спорта, и тут меня снова окликнул Тарасов. «Наверное, хочет поздравить», – подумал я. Но тренер строго посмотрел и спросил:

– А вы, молодой человек, почему не на льду? А ну, живо...

В это время на площадке тренировалась взрослая команда ЦСКА. Еще не веря в свое счастье, я помчался в раздевалку.

С этого дня вся моя жизнь пошла по-новому. Тарасов поставил перед собой цель: сделать Третьяка лучшим вратарем. («Лучшим в стране?» – спросил я. Анатолий Владимирович с недоумением посмотрел на меня: «В мире! Запомни это раз и навсегда».) И мы начали работать. Сейчас мне порой даже не верится, что я мог выдерживать те колоссальные перегрузки, которые обрушились тогда на мои еще не окрепшие плечи. Три тренировки в день! Какие-то невероятные, новые, специально для меня придуманные упражнения. И еще МПК – «максимальное потребление кислорода». Это, если проще сказать, бешеная беготня по всей площадке. Быстрее, еще быстрее! Ребята говорили с состраданием:

– Ну, Владик, ты своей смертью не умрешь. Тебя эти тренировки доконают.

На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день: вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день строго вопрошал: «Что случилось?» Если виноват был я – а вратарь почти всегда «виноват», – то неминуемо следовало наказание: все уходило домой, а я делал, скажем,

пятьсот выпадов или сто кувырков через голову. Я мог бы их и не делать, – никто этого не видел, все тренеры тоже уходили домой. Но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову. Наказание ждало меня и за пропущенные шайбы на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой тренер хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как чрезвычайное происшествие.

В Архангельском, где находится загородная база ЦСКА, меня поселили в одной комнате с Владимиром Лутченко и Николаем Толстиком. Видимо, из-за длинной шеи и тонкого голоса они тут же нарекли меня Птенцом. Мама попросила присматривать за мной официантку Нину Александровну Бакунину, и та всегда подкладывала мне, «мальчонке», самые лакомые кусочки.

Тогда все это было как сон. Я, юнец, рядом с прославленными на весь мир хоккеистами. Помню, Рагулин, которого называли не иначе, как Александр Павлович, жил вместе с Кузькиным, и я, будучи дежурным, долго робел заходить в их комнату. А уж про Тарасова и говорить нечего – просто не смел попадаться ему на глаза. Тарасова, правда сказать, даже и ветераны крепко побаивались. По комнатам базы Анатолий Владимирович никогда сам не ходил – поручал это своему помощнику Борису Павловичу Кулагину. А уж если замечал какой-нибудь беспорядок, то пощады от него ждать не приходилось.

Мне его требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю это сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью – сделать советский хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики.

Валерий Харламов рассказывал такой случай. Однажды во время тренировки у него развязался шнурок на ботинке. Он остановился, нагнул, чтобы его завязать. Тарасов увидел это. Помрачнел и тут же обрушился на хоккеиста:

– Вы, молодой человек, украли у хоккея десять секунд, и замечу, что вы никогда их не наверстаете.

Помню, получив однажды новые щитки, я сидел и прошивал их толстой сапожной иглой. За этим занятием застал меня Анатолий Владимирович.

– Что, хочешь играть?

– Хочу! – вытянулся я перед ним.

– Вот и хорошо. Завтра в щитках на зарядку явишься. Утром шел дождь. Все рты разинули, увидев, что я вышел на пробежку в кедах и в щитках. А объяснялось все просто: тренер хотел, чтобы я быстрее размял жесткую кожу щитков, подготовил их к бою.

Все знали, что когда Тарасов обращается к хоккеисту на «вы», ничего хорошего это не предвещает. Осенью 69-го после календарной игры всесоюзного чемпионата – первого в моей биографии – он как-то говорит:

– Зайдите ко мне, молодой человек.

Я испугался. Вроде бы никаких грехов за собой не знал, по...

– Вы догадываетесь, почему я вас пригласил?

– Нет.

– Тогда идите и подумайте.

В смятении я закрыл за собой дверь, а через час снова зовут меня пред грозные очи.

– Ну что? Подумали?

В полном недоумении пожимаю плечами.

– Ладно, – вдруг сменил гнев на милость Тарасов. – Бери стул и садись. Да не бойся, ближе садись. Ты же вчера под правую ногу две шайбы пропустил, бедовая твоя голова. Почему? Ну-ка, давай разберемся.

Я постепенно вновь обретал присутствие духа. Тарасов требовал думать, он хотел, чтобы я научился анализировать каждый свой промах, каждую ошибку.

– Владька, а что, если ты станешь крабом? Понимаешь меня? Сто рук и сто ног! Вот так. – Он выходил на середину комнаты и изображал, каким, по его мнению, должен быть вратарь-краб. Я подхватывал идею. Так мы работали. Не было ни одной тренировки (ни

одной!), чтобы Тарасов явился к нам без новых идей. Он удивлял каждый день. Вчера – новым упражнением, сегодня – оригинальной мыслью, завтра ошеломлял соперников невиданной комбинацией.

– Ты думаешь, играть в хоккей сложно? – спросил меня Тарасов в самом начале нашей совместной работы.

– Конечно, – ответил я. – Особенно если играть хорошо.

– Ошибаешься! Запомни: играть легко. Тренироваться тяжело! Сможешь 1350 часов в год тренироваться? – Тут он повысил голос – Сможешь так тренироваться, чтобы тебя поташнивало от нагрузки? Сможешь – тогда добьешься чего-нибудь!

– 1350? – не поверил я.

– Да! – сказал, как отрубил, Тарасов.

На занятиях он умел создать такое настроение, что мы шутя одолевали самые чудовищные нагрузки. «Тренироваться вздохом», – требовал от спортсменов Тарасов. А о том, какие были нагрузки, вы можете судить по следующему факту: приезжавшие в ЦСКА на стажировку хоккеисты других клубов после двух-трех занятий поспешно собирали чемоданы и, держась за сердце, отбывали домой. «Не по Сеньке шапка», – смеялись мы. Однажды в ЦСКА приехал поднабраться опыта знаменитый шведский хоккеист Сведберг, но и его хватило ненадолго. На третий день после обода он, заметно побледневший, стал прощаться.

– Мы, шведы, еще не доросли до таких тренировок, – смущаясь, объяснил гость свой преждевременный отъезд.

Никогда мне не забыть уроков Тарасова. Теперь, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю: он учил нас не хоккею – он учил жизни.

– Валерка! – вдруг озадачивал Анатолий Владимирович юного Харламова в разгар тренировки. – Скажи мне, пожалуйста, когда ты владеешь шайбой, кто является хозяином положения?

– Ну как же, – простодушно отвечал хоккеист, – я и есть хозяин.

– Неправильно! – торжествовал Тарасов. – Ты слуга партнеров. Ты играешь в советском коллективе и живешь прежде всего интересами товарищей. Выброси в мусорный ящик свое тщеславие. Умей радоваться успехам товарищей. Будь щедр!

Он учил нас стойкости и благородству, учил трудиться, как умел это делать сам. У Анатолия Владимировича было такое выражение: «Идти в спортивную шахту», что по сути означало тренироваться по-тарасовски.

Тренер постоянно внушал мне, что я еще ничего собой не представляю, что мои удачи – это удачи всей нашей команды. И тут я безоговорочно верил ему. И думаю сейчас, что если бы было иначе, то ничего путного из меня бы не получилось.

Расскажу еще несколько эпизодов, раскрывающих суть тарасовской педагогики.

Анатолий Владимирович считал, что чем хуже погода, тем лучше для закалки характера. Однажды в день матча с нашим традиционно трудным соперником московским «Динамо» грянул 30градусный мороз. Надо на зарядку выходить, а боязно – как бы не простудиться! Столпились мы все в вестибюле, ждем Тарасова, надеясь на то, что он отменит сегодня зарядку. И вот появляется. Демонстративно никого не замечая, сразу ко мне, самому юному:

– Вы что стоите, молодой человек?

– Так ведь все стоят.

– Какое вам дело до всех! Вы давно должны разминаться с теннисным мячом.

Как ветром выдуло команду из вестибюля.

Что касается теннисного мяча, то Тарасов приучил меня не расставаться с ним никогда. Где бы я ни был, я должен был все время бросать-ловить теннисный мяч. Дело доходило до курьезов: купаемся мы в море во время разгрузочного сбора, а тренер спрашивает:

– А где ваш мяч, молодой человек?

– ?...

– Вы и в воде с мячом должны быть.

Думаете, шутил? Ничего подобного! Пришлось нам с Колей Толстиком к плавкам специальные кармашки пришивать – для мячей. Кому-то, возможно, покажется, что это уж слишком. Но как знать, не будь мяча, не будь других тарасовских придумок, сложилась бы моя

судьба столь счастливо?

Кстати, историю с мячом наши ребята впоследствии использовали для одной подначки. Дело было так. Мишаков и Фирсов поехали в институт физкультуры сдавать экзамен по анатомии. Преподаватель попался строгий. «Хорошо подготовились?» – спрашивает. Ребята замялись. «Так, друзья, дело не пойдет, – морщится профессор и показывает на скелет. – Вот вам учебное пособие – занимайтесь». «А можно мы его с собой на базу возьмем? – говорит Мишаков. – В свободное время по косточкам все разберем». Загрузили они это «учебное пособие» в машину и привезли в Архангельское. Я в тот момент в кино был. И вот, возвратившись к себе в комнату, вижу на своей кровати груды костей: на череп нахлобучили мою шапочку, а в руки вложили теннисный мяч. Дескать, в гроб вгонят тебя тарасовские нагрузки.

Наверное, это была не самая удачная шутка, но я смеялся вместе со всеми от души. Мишаков у нас считался мастером всяких розыгрышей. С его уходом в нашем доме стало гораздо тише.

Вдохновение было для Тарасова всего лишь одним из стимулов, а сама работа основывалась на твердых принципах, выработанных им за долгие годы. Он хорошо представлял себе, каким должен быть идеальный вратарь. Однажды мне довелось услышать по этому поводу рассказ самого Анатолия Владимировича. Приведу его здесь как запомнил.

Впервые я познакомился с вратарем международного класса в 1948 году. Им был чехословацкий хоккеист Вогумил Модрый. Незадолго до этого он как раз получил приз лучшего голкипера на мировом первенстве в Санкт-Морице. Ваши классные по тем временам вратари были небольшого роста, и, возможно, поэтому бытовало представление, что стражам ворот и положено быть невысокими. А тут вдруг – верзила под два метра, ручищи как лопаты. Модрый меня заворожил. Я сколько раз встречал его, столько раз обменивался с ним рукопожатием, чтобы получше разглядеть эти невероятных размеров ладони.

Парнем он оказался хорошим, доброжелательным, к тому же мог сносно объясняться по-русски. Богумил охотно показал мне свои технические приемы, познакомил со своей тренировкой. Все это было интересно, но, повторяю, больше всего меня поразила его фигура, его руки...

– *Через какую тренировку ты пришел к своей высокой технике? – спросил я.*

– *Играю в футбол, в теннис. Ну, и конечно, в хоккей, – улыбнулся Модрый.*

– *А атлетизмом занимаешься?*

– *Нет, просто играю...*

Он пришел в хоккей через хоккей и, обладая безусловной одаренностью, выбился в ряд лучших – все естественно и логично... для него, для Модрого, и для того времени. Но мы-то, русские, должны были обогнать и чехов, и шведов, и канадцев – другой задачи перед нами не ставилось, а это значит?... Это значит, что для нас такой путь не годился.

Не буду, однако, забегать вперед. Я внимательно присматривался ко всем выдающимся вратарям, с которыми меня сводила жизнь. Вот Харри Меллунс. Меня покорила в рижанине внутренняя серьезность, умение анализировать свою игру, критически относиться к ней. Григорий Мкртчян отличался стремлением к поиску, он в любой момент был готов пойти на эксперимент. Необыкновенным трудолюбием выделялся Николай Пучков, бесстрашный и к тому же чрезвычайно самолюбивый человек: зубы сцепит, и никак ему не забьешь. Приятно было работать с Виктором Коноваленко – он являл собою абсолютное спокойствие, надежность, мужество. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: я не помню, чтобы, пропустив в свои ворота гол, он хоть раз «полез в бутылку»; Виктор никогда не махал ни на кого клюшкой, не утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет забившему гол: «Перехитрил, перехитрил...»

Позже я познакомился с Жаком Плантом. Этот легендарный канадский хоккеист доказал, что эффективность игры вратаря резко возрастет, если действовать не в воротах, а на больших пространствах. Помню, в 1967 году сборная СССР встречалась с юниорами знаменитой профессиональной команды «Монреаль канадиенс». Раза четыре наши форварды выходили один на один с монреальским вратарем, и какие форварды! Александров, Локтев, Альметов, Майоров!... Но все их усилия были бесплодны, потому что ворота юниорской

команды защищал Плант. Это из-за него мы проиграли тогда со счетом 1:2. Четыре выхода. Чистых! Один на один! И... вратарь Плант победил всю нашу команду. После матча юные монреальские хоккеисты унесли его на руках.

Плант работал на откате: он выскакивал далеко навстречу сопернику, владеющему шайбой, и, уменьшив тем самым угол для попадания, начинал откатываться назад. «Ага, – подумал я, – этот прием надо взять». Меня также поразили в канадце безошибочное умение анализировать соперника, его изумительная интуиция.

Постепенно в моем сознании формировалась модель идеального вратаря, Я лепил ее, избегая автоматически заимствовать достоинства выдающихся голкиперов. Каждый подходящий прием я стремился усовершенствовать, критически рассматривал даже самые, казалось бы, незыблемые постулаты вратарской школы.

Я рассудил так. Плант – умница. Его дальние выходы, безусловно, грозное оружие. Но ведь если завтра соперник попытается сыграть поизобретательнее – скажем, не станет бросать шайбу, а передаст ее вовремя подключившемуся партнеру, – что тогда? Плант будет застигнут врасплох? Значит, надо сделать вратаря более маневренным, готовым ко всяким неожиданностям, воспитать, если хотите, вратаря-акробата. Владеть коньками лучше, чем Плант! Уметь играть в поле наравне с нападающими!

Модрый был хорош, но, ей-богу, напрасно чехословацкий голкипер пренебрегал атлетической тренировкой. Мастерство только тогда заблистает в полную силу, когда будет покоиться на прочном атлетическом фундаменте. Быстрота, выносливость, сила, ловкость требуются каждому хоккеисту, однако вратарь должен развивать эти качества не так, как, к примеру, форвард, а в соответствии со своей игровой спецификой.

Я решил, что абсолютно необходимо повысить общую культуру игры вратаря, укрепить его авторитет в команде, выработать у голкипера высокоразвитое чувство интуиции, умение быстро и четко анализировать действия соперников. Страж ворот должен не на словах, а на деле стать центральной фигурой в команде.

Вот тут-то мне и попался на глаза долговязый мальчишка Владик Третьяк. Я наперед влюбился в его внешние данные. Я сразу вспомнил Модрого: они были похожи – тот же могучий рост, те же ручки.

Этот парень был как раз тем, кого я искал. Мы начали работать.

...Однажды тренер озадачил меня вопросом:

– С какой скоростью летит шайба, брошенная, ну, скажем, Фирсовым?

– Сто километров в час, – не очень уверенно ответил я.

– Сто двадцать, – поправил Тарасов. – Но знаешь ли ты, что на шайбу, летящую с такой скоростью вблизи ворот, отреагировать невозможно?

– При упорной тренировке...

– Невозможно!

– Но ведь Плант берет такие шайбы...

– И Коноваленко берет. Но тут уже не в их реакции дело.

– Опыт, – догадался я, еще не ведая, куда клонит учитель.

– Это слишком общо – опыт. Думай! Я, откровенно говоря, был растерян. Что же получается? Зачем совершенствовать свою реакцию, если ее все равно не хватит, чтобы успешно соперничать с лучшими форвардами? Выходит, тренируйся не тренируйся, а в любом случае ты, вратарь, обречен на неудачу... Тарасов, насладившись моим замешательством, сказал:

– Знаешь, что поможет тебе разорвать этот заколдованный круг? Интуиция! Ты должен научиться читать мысли. Да, да! Еще до того, как соперник бросит шайбу, ты должен знать, куда будет сделан бросок. Ты должен предугадывать, как в следующий момент станет развиваться атака, кому нападающий отдаст пас, когда последует бросок по воротам... Ты должен все знать про нападающих! Все знать про защитников! Знать про хоккей больше любого хоккеиста!

Понимаете, куда клонил Тарасов? Если вам порой казалось, что шайбы сами летели в мою ловушку, не заблуждайтесь: я вовсе не фокусник, мне помогал выработанный за долгие годы дар предвидения – то, о чем когда-то говорил Тарасов. Бывало, нападающий еще только

замышляет бросок, а моя левая рука уже самопроизвольно идет на перехват шайбы.

Раньше, насколько я знаю, когда команда обсуждала вопросы тактики, когда тренер давал установку на матч, когда вспыхивали какие-то споры, вратари сидели и помалкивали. Их мнением интересовались редко, еще реже с ними считались. Тарасов в конце 60-х годов этот порядок поломал. Я с самого начала стал принимать самое живое участие во всех делах команды. Когда Анатолий Владимирович перед матчем приглашал к себе для беседы поочередно все пятерки, я шел на эти совещания с каждым звеном. Внимательно слушал товарищей, не стеснялся высказывать свое мнение, а ребята не забывали поинтересоваться им. Случалось, нападающие, придумав какой-нибудь новый тактический ход, спрашивают:

– Как ты считаешь – пойдет?

– Хорошо, – отвечал я. – Никакой вратарь это не разгадает.

Или, напротив, я подвергал идею безжалостной критике, и прославленные ветераны, иным из которых я годился по возрасту в сыновья, уважительно слушали вратаря-мальчишку. Согласитесь, эта деталь ярко характеризует климат в нашей команде.

Я рос, жадно впитывая в себя не только хоккейные премудрости, но и – это важнее всего – постигая суть таких понятий, как коллективизм, взаимовыручка, ответственность перед товарищами, мужество, смелость. С самого начала тренер приучал меня творчески относиться к своей роли, он хотел, чтобы я работал в первую очередь головой, а уже потом – руками и ногами. По вечерам на базе в Архангельском Тарасов частенько приглашал меня к себе в комнату.

– Садись, – говорил Анатолий Владимирович. – Ближе, ближе садись. Владька, не кажется ли тебе, что ты стал пропускать нижние шайбы чаще, чем следует? Давай-ка подумаем, что да как.

И вот сидим, думаем. А утром на тренировке Тарасов не преминет спросить:

– Ты новые упражнения придумал? Какие – покажи.

И попробуй я только не придумать...

...В августе 1969 года я впервые поехал с командой ЦСКА в Швецию. Команда участвовала в товарищеских матчах, а меня тренер привез в небольшой городок Вестерос, где шведы проводили учебно-тренировочный сбор своих вратарей. На сборе кроме меня было восемь лучших шведских голкиперов. Мы тренировались с утра до вечера. Я хотел доказать, что тоже не лыком шит, но, откровенно говоря, трудновато мне было тягаться со шведами. Хольмквист, к примеру, бегал в два раза быстрее. Я внимательно следил за всеми упражнениями шведов и кое-что брал себе на заметку.

Теперь шведы шутят, что именно они дали мне путевку в большой спорт. Насчет путевки, конечно, преувеличивают, но некий талисман, с которым связаны мои первые успехи, я действительно из Скандинавии привез. Это была майка, подаренная Хольмквистом. Я считал ее счастливой. Майка износилась до дыр, мама устала ее зашивать, а я все никак не мог расстаться с ней. Хотя, конечно, гораздо важнее майки был тот опыт, который я позаимствовал у лучших шведских вратарей. На всю жизнь пригодились мне упражнения, привезенные в 1969 году из Швеции.

...Вернувшись в Москву, наша команда приняла участие в турнире на приз газеты «Советский спорт». Сначала я сыграл в матче с «Трактором». Вышло довольно удачно – 3:2 в нашу пользу. Следующий матч был с чемпионом страны – «Спартак». Я был уверен, что теперь-то наверняка в ворота поставят нашего основного вратаря Колю Толстикова. Но за несколько часов до матча Тарасов объявляет: «Играть будет Третьяк». У меня колени затряслись. Ребята, заметив мое волнение, стали успокаивать, но я определенно видел, что и им тоже не по себе: мальчишка будет защищать их ворота в такой ответственной встрече...

Матч начался бурными атаками форвардов «Спартак». Однако удача в тот вечер была не на их стороне. Все шайбы летели прямо в меня. Зрители горячо аплодировали каждый раз, когда мне удавалось отразить даже легкий бросок. Они явно боялись за мальчишку, который защищал армейские ворота. Мы выиграли с преимуществом в пять шайб, и я был самым счастливым человеком на свете.

Потом снова были тяжелые тренировки и игры. Я изо всех сил старался доказать, что успех в матче со «Спартак» не случаен, что я и в самом деле – вратарь. Доказать это было не

так-то просто – многих смущал мой возраст. В мировой практике еще не было 17-летних вратарей.

Перед началом традиционного турнира на приз газеты «Известия», который собирает лучшие любительские сборные мира, А. В. Тарасов предложил тренерскому совету Федерации хоккея СССР включить меня в сборную. Его не поддержали: «Молод еще Третьяк. Разве можно на такого мальчишку надеяться?» Тарасов настаивал на своем.

Так осенью 1969 года я попал в сборную СССР.

В моем архиве хранится вырезанная из газеты заметка, которой я очень дорожу. В небольшом интервью А. В. Тарасов, пожалуй, впервые публично похвалил меня. Вот текст этого интервью:

«– Чем Вам понравился молодой вратарь?»

– Во-первых, своей старательностью и фанатичной преданностью хоккею. Трудолюбием. Незаурядными данными. Владик умеет анализировать свои действия, делать верные выводы, а его игра в высшей степени осмысленна.

– В чем отличие манеры Третьяка от других вратарей?»

– В его подходе к решению тактических задач. Владислав смело и широко маневрирует, все свои действия совершает обдуманно.

– Сможет ли он стать действительно выдающимся вратарем?»

– Теперь все зависит от него самого. Парню – 17 лет. Ему надо сейчас повзростеть. Тогда Владу будет легче решать все психологические и спортивные проблемы. Тогда он правильнее распорядится своей славой. Лично я полагаю, что он сможет это сделать. Я верю в Третьяка».

Конечно, мне очень повезло, что меня заметил Тарасов, что он начал заниматься со мной, терпеливо изо дня в день делать из мальчишки вратаря. «Учиться всегда – каждый час, каждую минуту, быть недовольным собой, не обольщаться успехами, извлекать правильные уроки из поражений... Идти и идти вперед!» – эти слова Анатолия Владимировича Тарасова я воспринимал как тренерскую установку на всю жизнь.

Этюд о мужестве

Собственно говоря, я никогда – до самого последнего матча – не считал свое, если так можно выразиться, хоккейное образование законченным. Совершенству предела нет, и из каждого прожитого дня я старался извлекать для себя какие-то уроки.

У журналистов, я слышал, есть такое правило: не удивишься – не напишешь. Иначе говоря, то, о чем ты берешься сообщить читателям, должно вначале взволновать тебя самого, заставить трепетать твое сердце – лишь тогда из-под пера выйдет что-нибудь путное. Наверное, это очень хорошее правило. Но вот о чем я подумал: удивляться незаурядным людям и их поступкам – ведь это, по сути дела, означает воспитывать себя. Могу сказать, что мне повезло на встречи с такими людьми. Повезло, вероятно, как никому другому. Меня учили владеть клюшкой, ловушкой и собственным хладнокровием прекрасные педагоги. В сборной СССР моим первым наставником был замечательный советский спортсмен Виктор Коноваленко. В родном клубе я рос среди легендарных мастеров советского хоккея. Перечислять их – значит назвать почти весь состав ЦСКА конца 60-х годов. Моим первым комсоргом в армейской команде был Игорь Ромишевский, а в сборной – Вячеслав Старшинов.

Я никогда не стеснялся перенимать все лучшее, что видел у других. Опытные хоккеисты, которые меня окружали, как правило, щедро делились своими знаниями, секретами своего мастерства, они не смотрели на новичка сверху вниз. /Как Плант как-то сказал мне, что он всю жизнь учился на собственных ошибках, помочь ему было некому. Я же в этом смысле могу считать себя счастливым. Мне всегда везло на хороших людей.

Ну, представьте себе, к примеру, такую ситуацию. Основной вратарь сборной СССР 60-х годов Виктор Коноваленко семь раз был чемпионом мира, дважды – олимпийским чемпионом. В свои тридцать авторитет он имел огромный. И вот Виктору говорят, что дублером у него будет 17-летний мальчишка. И он видит этого мальчишку – не очень складного, шупловатого, с длинной цыплячьей шеей. Что, по-вашему, должен подумать в такой ситуации прославленный

ветеран? Как он должен отнестись к своему новому партнеру? Коноваленко же при первой встрече оглядел меня с ног до головы, потом, как равному, пожал руку и произнес: «Ну, ну, не робей». Больше, по-моему, он тогда ничего не сказал, да это и не удивительно: Виктор был чрезвычайно неразговорчив.

О скромности этого человека ходили легенды. Он никогда и ничего не просил, ни на что не жаловался, старался всегда везде быть незаметным.

Едва познакомившись со мной, Коноваленко стал терпеливо раскрывать секреты вратарского искусства. Прославленный ветеран заботливо поднимал на ноги безусого мальчишку. Он спешил передать мне все, что знал, что успел постичь за годы своей славной карьеры, и наука эта для меня оказалась поистине бесценной.

А ведь к самому Виктору Коноваленко судьба не была так благосклонна. В 14 лет, чтобы помочь семье, он пошел работать на Горьковский автомобильный завод. Играл в футбол в детской команде «Торпедо». Потом записался в заводскую хоккейную секцию, стал вратарем. И хотя впоследствии с ним занимались известные тренеры, Виктору, особенно на первых порах, до многого приходилось доходить своим умом. Были у него и неудачи, порой тяжелые; наступали времена, когда в него переставали верить... Но ничто не могло сломить характер вратаря.

Коренастый, плотный, неповоротливый с виду, Виктор мгновенно преобразался, стоило ему занять место в воротах. Флегматичность уступала место молниеносной реакции, быстроте. У него была прекрасная интуиция. И никогда его не покидало хладнокровие – вот что особенно важно. Только по какому-то обидному недоразумению Виктора ни разу не признали лучшим голкипером мировых первенств. Ни один страж ворот в любительском хоккее в те времена не имел столько титулов, сколько было у него.

Не помню, чтобы ребята в нашей сборной кого-нибудь уважали больше, чем Коноваленко. Его уважали за верность родному клубу (Виктор всю жизнь играл за «Торпедо», хотя не раз получал предложения перейти в столичные команды). Его уважали за справедливость, за преданность хоккею, за мужество и стойкость. Он блистательно продолжал эстафету своих предшественников – замечательных советских вратарей: Николая Пучкова, Григория Мкртчана...

В 1970 году я впервые участвовал во взрослом мировом чемпионате, который проходил в Стокгольме. Основным голкипером был Виктор Коноваленко. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего вратаря. Особенно запомнился мне один эпизод из матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом 1:2. Вот какой-то шведский хоккеист рвется к нашим воротам, но слишком далеко отпускает шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. Л швед не может погасить скорость и мчитя вперед. Его конек врзается в лицо вратаря. Коноваленко увезли в больницу, а в ворота встал я. И пропустил две довольно легкие шайбы. Видно, очень сильно волновался... Мы уступили в этом матче со счетом 2:4.

На следующий день все газеты писали, что русский вратарь должен надолго забыть о хоккее. «Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели».

Пока обыватель переваривал всю эту информацию, Виктор... уже тренировался на льду «Юханесхофа». Вечером советская сборная вышла на свой очередной матч – с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже, кажется, значилось 10:0 в нашу пользу. Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: «Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря».

Судьба золотых наград чемпионата-70 зависела от исхода нашего повторного поединка со шведами. Выиграем – станем чемпионами мира, проиграем – займем только третье место. Трибуны взорвались аплодисментами, когда на лед, как всегда невозмутимо и неторопливо, выехал Виктор Коноваленко. Конечно, мы выиграли тот матч.

В московском аэропорту Шереметьево нас встречали сотни людей: родственники, друзья, любители хоккея, журналисты. Ко мне тоже подошел радиореporter:

- Скажите, что вы почувствовали, когда стали чемпионом мира?
- Еще никогда в жизни я не был так счастлив.
- Какие уроки вы извлекли для себя в Стокгольме?
- Уроки? Благодаря Виктору Коноваленко я знаю теперь, что такое настоящее мужество.

Настоящее мужество... В своей книге я часто буду употреблять эти слова – ведь речь у нас пойдет о хоккее. И потом мужество, отвага, стойкость – эти качества всегда привлекали и будут привлекать меня. Они очень нужны вратарю. Без них вратарь, каким бы талантом он ни обладал, просто немислим. Я часто задумываюсь над природой мужества, а случаи, связанные с проявлением столь прекрасного свойства человеческого духа, особенно те случаи, свидетелем которых мне самому доводилось быть, не забуду никогда.

«В хоккее играют настоящие мужчины», – справедливо поется в популярной песне, ставшей гимном ледовых арен. Да, в тот хоккей, который вы наблюдаете на экранах своих телевизоров, сегодня могут успешно играть только очень бесстрашные, очень отважные люди.

Ложиться под летящую со скоростью пули шайбу, перекрывая ей путь в ворота...

Идти на столкновения у хоккейного бортика...

Вести яростную силовую борьбу на «пяточке»...

Не обращать внимания на травмы и ушибы...

Быть в самом пекле хоккейного сражения и не терять головы...

Трусливых хоккеистов я не встречал. А вот таких мастеров, которые бы могли служить образцом храбрости, знаю сколько угодно.

...Рагулин десять раз завоевывал звание чемпиона мира. Был самым надежным защитником мирового любительского хоккея. Вратарям хорошо игралось за его могучей спиной! На Рагулина можно было положиться в любых ситуациях. Помню, в начале моего спортивного пути мы встречались с ленинградскими хоккеистами. Матч был, как говорят, рядовым, он ничего особенного для нас не значил, к тому же мы крупно вели в счете – 7:1, по-моему... Один из ленинградцев, оказавшись в удобном положении, неожиданно и сильно бросил по моим воротам. Ситуация была такова, что спасти нас от гола мог только Рагулин, собой прикрыв путь шайбе. И он без колебаний сделал это, причем шайба едва не разбила ему лицо. После матча я подошел к защитнику:

– Палыч, зачем ты рисковал? Ведь мы все равно выигрывали...

– А я тогда не думал, выигрываем мы или проигрываем. Важно было ворота прикрыть.

– Но ведь ты мог получить травму...

– Знаешь, Владик, – перебил он меня, – если ты будешь каждый раз взвешивать, когда надо проявить смелость, а когда не надо, ничего путного у тебя не выйдет. Надо всегда! А отвернешься от шайбы один раз, другой, и, глядишь, ты уже растерял всю свою храбрость.

...Наши армейские тренеры особенно любили ставить в пример молодым спортсменам Евгения Мишакова. И прежде всего потому, что этот хоккеист был удивительно самоотверженным и стойким. Женя, по-видимому, совсем не знал, что такое боль. Кажется, весь он был сделан из особо прочной стали. Однажды Мишаков перенес сложнейшую операцию мениска, после которой люди на многие месяцы выбывают из строя. А он уже через две недели приступил к тренировкам.

А в сборной таким «железным человеком» был динамовец Валерий Васильев. В 1976-м в Катовицах ему во время матча раздробили мизинец.

– В раздевалку, – коротко приказал Кулагин. – Лечиться.

– Нет, я могу играть, – упрямо возразил Валерий и остался на льду.

Момент был трудный, чемпионат, как вы помните, проходил для нас неудачно, и Васильев понимал, что он очень нужен команде. В раздевалке после матча Валера снял перчатку, и мы ахнули: она почти до краев была наполнена кровью.

Валерий Харламов первый раз попал в автомобильную катастрофу в 1976 году. Тогда он остался жив, но, боже мой, как же ему досталось! О том, что Харламов сможет когда-нибудь играть в хоккей, не было и речи. А он, когда мы его в больнице навещали, твердил: «Скорей бы па лед». И ему мы верили больше, чем докторам.

Едва встав на ноги, Валера пришел на тренировку. Хромал, морщился, но надел коньки. А знаете, что дальше произошло? По-моему, на первой же минуте Леша Волченков случайно

попал шайбой прямо в то самое до конца не залеченное место на ноге. Больше, чем тогда было Харламову, наверное, не бывает. Со льда его унесли. «Ну все, – с тоской подумали мы, – это надолго». Но на следующий день Валерий снова взял клюшку и вышел на площадку.

Ему и годы спустя те травмы напоминали о себе. Он чуточку прихрамывал – ему было больно, по никто не слышал от Харламова жалоб. И он всегда был в гуще атак.

Я убежден: настоящее мужество имеет под собой прочную нравственную основу. Подонки никогда не проявят смелости. Драчливость – да, ухарство – возможно, безрассудство – может быть, но ведь мы говорим о категориях подлинных. О проявлениях мужества ради большой победы, о смелости для других, об отваге во имя важной и благородной цели.

Мужество, стойкость, отвага для меня неразрывно связаны с такими понятиями, как патриотизм, верность традициям, честь флага, благородство, уважение к сопернику. Мне могут возразить: а как же тогда канадские профессионалы? Ведь они тоже смелые парни, но благородством и уважением к сопернику их действия порой совсем не отличаются.

Что на это ответить? Верно, парни смелые. Я слышал, что Бобби Браун решающую шайбу в финале Кубка Стэнли 1964 года забросил, играя со сломанной ногой. Но я бы сказал так: их смелость Другой, что ли, пробы или цены. Они – профессионалы, и работают, даже совершают подвиги за деньги, ради денег. В их мире на все есть такса, даже на смелость.

...Несколько лет назад я получил письмо от одного мальчика, который спрашивал у меня совета: как из труса сделаться храбрецом? Этот мальчик писал о том, что с ним не хотят дружить сверстники, его дразнят девчонки, а всему виной робость, которой он подвержен «от рождения». Да-да, так и написал мой юный корреспондент: мол, я трус врожденный, а поэтому, наверное, неизлечимый. Было там что-то и про зайца, которого не сделаешь львом. Словом, письмо дышало безграничным унынием и грустью. А я прочитал его и... улыбнулся. Вспомнил себя на пятиметровой вышке, свой страх и стыд.

Конечно же это ерунда – про врожденного труса. Я верю в то, что, одержав однажды хотя бы маленькую победу над собой, над собственной робостью, мой юный друг посмотрит на все иными глазами. Только надо с чего-то начать, и хорошо бы не откладывать это на завтра.

Кстати, я-то ведь прыгнул тогда с пятиметровой вышки. А как же!

В конце концов, человек сам делает себя героем или серым мышонком, храбрецом или трусом.

Но тут нельзя забывать об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Житейский пример: допустим, вы решили вступить за прохожего, которого обидели хулиганы, или хотите прийти на помощь ребенку, который попал в водоворот стремительной реки... Как человека честного и храброго, вас не остановит то, что при этом и вы можете пострадать. Вы без колебаний предлагаете свою помощь: сражаетесь с хулиганами, бросаетесь в реку. Но...

Но эта помощь только тогда будет во благо, когда вы не просто смелый, а еще обязательно – сильный человек. Когда у вас мускулы достаточно крепки, чтобы обратить в бегство шпану и победить бушующий поток. Иначе ваша храбрость может обернуться новой бедой.

Мой друг Герой Советского Союза Руслан Аушев свою золотую звезду получил в 27 лет, выполняя интернациональный долг. Он рассказывал, как трудно было в суровых афганских горах, где приходилось полагаться в основном не на мощь боевых машин, а на выносливость, закалку, стойкость людей, их умение переносить любые невзгоды. Руслан говорил об удивительных вещах. О том, как однажды его батальон больше недели шел по зимним горам, совершая обходный маневр. Солдаты по пояс в снегу карабкались над пропастями да еще несли с собой оружие, боеприпасы, паек – у каждого поклажа в 30 – 40 килограммов.

Я познакомился с Русланом в пору его учебы в Военной академии имени Фрунзе. Несколько раз он приезжал к нам на базу, рассказывал об Афганистане, о своих боевых друзьях. Потом я не раз видел его на трибуне Дворца спорта в Лужниках: болел он, естественно, за армейцев. Три раза в неделю Аушев по несколько часов занимался отработкой приемов рукопашного боя, бегал кроссы, играл в футбол. Он был постоянно в такой форме, которой могли позавидовать и спортсмены. А в августе 1985 года я узнал, что Руслан снова в Афганистане: закончил с отличием академию и попросил вновь направить его в родную часть. Как отличник учебы, орденосеца, он мог бы попроситься в любое место для дальнейшего

прохождения службы, однако майор Аушев убежден, что он – воин, защитник – более всего нужен сегодня там, где труднее и опаснее. Разве это не героизм?

Храбрость не всегда бывает увенчана наградами... На зимних Олимпийских играх 1976 года в Инсбруке нашим лыжникам на дистанции 50 километров не досталось ни одной медали. А я бы дал медаль – именную, за отвагу и дерзость, – лыжнику, занявшему 12-е место, комсоргу нашей сборной Василию Рочеву.

Он здорово начал ту гонку. Не убоившись олимпийских чемпионов, Рочев сразу вышел вперед. Он не скользил, а летел сквозь снегопад и ветер. После 15 километров у Василия был лучший результат. После 40 километров он в группе лидеров. Кажется, близка победа. Скоро финиш. Но слишком много сил отдано борьбе. Марафон – испытание не только мастерства, но и опыта, а опыта нашему лыжнику, наверное, не хватило. Видимо, не рассчитал он правильно своих сил. Незадолго до финиша Рочев едва не потерял сознания. Зрители видели, как лыжник в белой форме, преодолевая усталость, шатаясь и падая, упрямо шел по трассе. Зрители повскакали с мест, хотели как-то помочь Рочеву, поддержать его, но что они могли сделать? Правила соревнований запрещают оказывать всякую помощь участнику. Кругом были сотни людей, а он один боролся за победу.

Все было оставлено на лыжне, все до доньшка! От страшного напряжения он ничего не видел. Покачиваясь, не толкаясь палками, а скорее опираясь на них, Рочев медленно заканчивал дистанцию. Он мог бы сойти с трассы, как сошли, не выдержав этого испытания, 16 других олимпийцев, но он предпочел пересечь линию финиша. Презрев боль и усталость, закончить дистанцию. Он финишировал не на лыжах – на характере. И это была победа. Наверное, таким и должен быть настоящий комсорг.

Врач нашей хоккейной команды Борис Сапроненков тогда, в Инсбруке, работал с лыжниками. Он рассказывал мне, что впервые видел человека, который исчерпал все свои возможности. Все! Докторам несколько часов пришлось приводить в чувство лыжника, одержавшего в этот день большую победу, но не получившего никакой награды, кроме аплодисментов нескольких сотен зрителей.

Да, мужество не всегда бывает увенчано медалью, но уважения оно заслуживает всегда.

У наших тренеров всегда были и сейчас есть свои «фирменные» упражнения для выработки у игроков волевых качеств. Вспоминаю опять-таки Анатолия Владимировича Тарасова. Он включал в тренировки бокс, борьбу, заставлял пас прыгать с высоких стенок. И горе было тому, кто допускал при этом хотя бы маленькую слабость.

В 1971 году в Швейцарии Тарасов после «раскатки» оставил на льду Шадрина, Зимина и меня. Говорит нападающим:

– Один из вас бросает по воротам Третьяка шайбу, а другой в это время толкает вратаря, бьет его, мешает ему. Ясно?

Ребята засмутились:

– Как это мы будем Владика бить?

– Вы что, голубчики! – загремел Тарасов. – Нашлись тут кисейные барышни!!

Ох, и досталось мне тогда...

Я еще был юный, неопытный. После каждой тренировки уходил со льда весь в синяках и ссадинах. Бывало, как бросит кто-нибудь в упор, я с обидой на этого игрока клюшкой замахваюсь: ты что, мол, убить меня хочешь?

А Тарасов тут как тут:

– Ах, вам больно, молодой человек? Вам надо не в хоккей, а в куклы играть.

Потом отмякнет немного:

– Запомни: тебе не должно быть больно. Забудь это слово – больно. Радуйся тренировке.

Ра-дуй-ся!

Впоследствии много раз я с благодарностью вспоминал те уроки.

До сих пор в сборной, подобно легенде, рассказывают историю, как Анатолий Владимирович учил хоккеистов смелости. Однажды после длинной, утомительной тренировки он вдруг объявляет:

– Со льдом покончено. Бежим в бассейн.

Дело было в ЦСКА, бассейн там в двадцати метрах от Дворца спорта. Прибежали ребята,

разделись, ждут, что дальше делать. Тарасов показывает на Бориса Майорова:

– За славным капитаном команды все на пятиметровую вышку бегом марш! А оттуда – головой вниз! Ну-ка, Боря!

Майоров поднимается и нерешительно идет к вышке, а Сологубов ему шепчет:

– Ты попроси Тарасова – пусть он вначале сам покажет. Борис мгновенно сориентировался:

– Анатолий Владимирович, а мы не знаем, как надо прыгать вниз головой. Просим показать.

Все сидят на скамеечке, с интересом смотрят. А тренер, как он потом говорил, ни разу в жизни не нырял и вообще высоты побаивался. Пошел он на вышку. Хорошо, что навстречу ему попался один настоящий прыгун. «Вы, – говорит, – не отталкивайтесь, а просто падайте на воду головой вниз».

Тарасов смело встал на краю мостика, задумался на минуту и прыгнул. И, конечно, плашмя ударился о воду. Но зато вслед за ним прыгнули все остальные. И не по одному разу. На вышку полез даже хоккеист, который не умел плавать. Его отговаривают: тебе, дескать, нырять не обязательно, посиди. А он:

– Еще подумает тренер, что я трус.

Всей командой потом его выуживали из бассейна.

А как наши наставники учили защитников ловить на себя шайбу! Они ставили игрока в ворота – в полной амуниции, но без клюшки и с синей линии его «расстреливали». Защитник должен был отбивать шайбу своим телом. Все через это прошли. А почему, вы думаете, так отчаянно смело ложились под шайбу Рагулин, Давыдов, Ромишевский, Кузькин, Брежнев, Зайцев?...

Хоккей – занятие само по себе суровое, а если соперник попался, мягко говоря, невоспитанный, то здесь уж надо уметь и постоять за себя.

В далеком 71-м году мы проводили за океаном серию товарищеских матчей с любительской сборной США. Американцы подобрались драчливые. Что ни игра – лезут на рожон, затевают стычки, пускают в ход кулаки. Однажды, в тот момент, когда на льду остались трое наших хоккеистов и четыре соперника, они в очередной раз затеяли побоище. Судьи были такие нерешительные! Вижу я – дело плохо, достается нашим. А у вратарей есть неписанный закон: что бы ни происходило на площадке, стой в воротах и не вмешивайся. Обе команды в полных составах могут выяснять отношения, голкиперов же это как будто не касается. Поглядывают себе издали, настрой берегут. Вы, наверное, обратили внимание: я этого правила придерживаюсь строго. Да и по натуре своей никогда драчуном не был. Но тогда, каюсь, не выдержал, вступился за своих. Зачинщик драки капитан американцев Кристиансен, наверное, долго будет помнить тот матч. Отбил я ему охоту кулаками размахивать.

Конечно, случай из ряда вон выходящий. Больше я такого не припомню. И хорошо.

Умение терпеть боль, преодолевать страх требуется, конечно, не только хоккеистам. Да и не только спортсменам вообще. Жизнь на каждом шагу проверяет нас на прочность. Кстати, хоккеистам в трудные минуты, может быть, даже легче, чем представителям других видов спорта. И знаете почему? Нам помогает славное прошлое советского хоккея. Оно как благодатная, хорошо удобренная почва для корневой системы могучего дерева. Когда ты помнишь о блестящих победах твоих предшественников, когда ты воспитан на доблестных традициях, тогда силы и отвага словно удваиваются.

Аттестат зрелости

«Падая и вставая, ты растешь», – справедливо заметил великий спортсмен Кейс Феркерк. Я не могу сказать, что, попав в ЦСКА, «падал» и «ушибался» слишком часто. Рядом были надежные друзья, они заботливо опекали меня, поддерживали, щедро делились опытом, не давая унывать в трудные минуты. Для ветеранов клуба я стал кем-то вроде сына полка. И это тоже был урок – доброты, товарищества, армейской сплоченности.

Я могу смело утверждать: другой такой команды, как наша, в мире нет. И дело не только в том, что из завоеванных хоккеистами ЦСКА наград можно составить целый музей. У нас всегда

царила какая-то особая атмосфера – по-военному требовательная и в то же время удивительно доброжелательная, творческая.

Особенно усердно шефствовал над юным вратарем мрачноватый на вид, но мягкий по натуре человек – Владимир Брежнев.

– Владика не обижать, – говорил он ребятам, – а не то будете иметь дело со мной.

Разумеется, никто и в мыслях не держал меня обижать – просто Брежневу нравилось быть опекуном зеленого новичка.

– Как дела, сынок? – каждый день обращался он ко мне. – Уроки-то выучил?

– Все в порядке, дядя Володя.

По рекомендации Игоря Ромишевского меня включили в состав комсомольского бюро команды. Это сразу заставило внутренне подтянуться, стать взрослее, серьезнее.

В 1969 году я закончил школу. Как-то в Архангельском Ромишевский спрашивает:

– Ну, а что дальше? Думаешь продолжать учебу или нет?

– Хотелось бы, – ответил я, но, видимо, мои слова прозвучали не очень твердо, потому что наш комсорг тут же взялся за мое воспитание.

– Ты никогда не сможешь стать хорошим хоккеистом, если не будешь постоянно расширять свой кругозор, – энергично говорил он. – Если ты остановишься в своем интеллектуальном развитии, если круг твоих интересов сузится до размеров шайбы, то неизбежно перестанет расти твое спортивное мастерство. Имей в виду, у нас в ЦСКА все учатся – кто в вузах, кто в техникумах.

– Я тоже хочу учиться. Только вот не знаю, справлюсь ли. И хоккей, и институт...

– Справишься, – заверил меня комсорг. – Да и мы рядом. Поможем.

Той же осенью я успешно сдал приемные экзамены на заочное отделение института физической культуры, а через пять лет успешно закончил его.

Игорь Ромишевский был прав, говоря о том, что сегодняшней большой спорт немислим без интеллекта, без глубоких, разносторонних знаний. Кстати, сам он закончил хоккейную карьеру в нашем клубе, защитил диссертацию на степень кандидата технических наук, заведовал кафедрой. Другой прославленный хоккеист, Вячеслав Старшинов, стал кандидатом педагогических наук. Владимир Юрзинов – один из тренеров сборной, а в прошлом ее игрок и комсорг – успешно закончил факультет журналистики Московского университета и институт физкультуры. Таких примеров немало.

Конечно, учиться мне было нелегко. После тренировок устанешь, случалось, так, что книжки из рук валяются. Но пересиливаешь себя: черный кофе, холодный душ – и за учебники.

Уроки, уроки... Наблюдая изо дня в день за своими старшими товарищами, я старался перенять у них безоглядную, самозабвенную любовь к хоккею, привычку трудиться до седьмого пота.

Даже просто находиться в одной раздевалке со взрослыми мастерами ЦСКА было для меня радостью, я испытывал ощущение праздника, своей причастности к чему-то волнующему, большому. По ночам я, бывало, просыпался и думал: скорее бы утро – снова оказаться рядом с новыми товарищами, снова окунуться в атмосферу праздника. Очень долго не проходило это ощущение.

Великий труженик хоккея Анатолий Фирсов был для меня примером отношения к тренировке. Никто не работал больше него. Он весь состоял из упругих мышц. А каким неудержимо яростным Фирсов был в игре! Выходил он на площадку, и трибуны сразу начинали гудеть в предвкушении гола. Фирсовского «щелчка» смертельно боялись вратари. Шайбу он посылал с такой силой и скоростью, что уследить за ней было невозможно. Мы особенно ценили Анатолия за то, что в трудные минуты он умел повести за собой команду, сплотить ребят. Он был капитаном ЦСКА, играющим тренером. Как жаль, что не удалось ему встретиться на льду с канадскими профессионалами... Какая бы захватывающая это была дуэль – Фирсов против Эспозито! В 1972 году Анатолий, по моему мнению, вполне заслужил включения в сборную СССР – он тогда играл великолепно, а в начале года стал трехкратным олимпийским чемпионом, но, увы, сложилось так, что за океан Фирсов не поехал...

Свои первые шаги в спорте Анатолий делал как игрок хоккея с мячом в команде завода «Красный богатырь». Было ему тогда 12 лет. Затем играл в московском «Спартаке», а в 1961

году пришел в ЦСКА, где под опекой А. В. Тарасова и расцвел его необыкновенный талант. Вот как сам Тарасов говорил о достоинствах этого великого форварда 60-х годов: «В игре Анатолия поражает скорость. Прежде всего скорость мысли. Порой мне кажется, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений: в горячей напряженной обстановке, мгновенно ориентируясь, он находит самые неожиданные решения. Второе – это скорость исполнения того или иного технического приема, паса, обводки. И третье – скорость бега. Три скорости, взятые вместе и перемноженные».

Он первым в нашем хоккее освоил новый финт „конек-клюшка“. В ходе игры охотно принимал жесткую борьбу. И дело, конечно, не только в одной его одаренности. Успехи Фирсова объясняются его жадностью к хоккею, от него чаще всего я слышал просьбу позаниматься с его звеном дополнительно. У него даже дома есть штанга, и надо сказать, что у штанги не бывает выходных дней».

На чемпионате мира 1971 года в Швейцарии Анатолий сильно простудился и слег с температурой 39 градусов. А дела складывались так, что нашей команде обязательно требовалась победа в очередном матче. Фирсов сумел убедить врача в том, что он уже вполне здоров, и вышел на площадку. Виданное ли дело – играть с такой температурой? А он играл! Не о себе думал – об интересах команды.

Допускаю, что кто-то, прочитав это, скривится: стоит ли, дескать, так рисковать своим здоровьем ради спортивного успеха? Вопрос спорный, и однозначного ответа на него нет. Но вот что для меня абсолютно ясно: Фирсов в любой ситуации поступит так же – он думает вначале не о себе, а о своих товарищах, он человек коллективный, ради других людей он готов на все. А так жить и нужно – уж это-то бесспорно.

У меня иногда спрашивали: «И как это тебе удается быть таким покладистым парнем? Вечно ты улыбаешься, ко всем добр... Откуда это идет?» Все оттуда же – из тарасовской школы. Да и чего тут удивляться, если я веду себя нормально, по-человечески? Разве популярность и награды дают кому-нибудь основание на то, чтобы быть высокомерным, капризным и считать, что тебе все дозволено? Напротив, слава обязывает меня тщательно взвешивать каждый свой поступок, каждое сказанное слово. Она как увеличительное стекло, которое позволяет людям рассматривать тебя с ног до головы. Будь начеку!

Порой с горечью видишь такую картину. Идет известный спортсмен к автобусу после матча, а к нему, набравшись храбрости, со всех сторон с мольбой тянутся мальчишки:

– Дайте, пожалуйста, автограф.

Но наш спортсмен, едва замечая их, сквозь зубы цедит:

– Отстаньте.

Но это же абсурд! Для кого же ты играешь в хоккей, как не для наших мальчишек? И для кого ты побеждаешь, как не для них? Мы воспитываем ребят своим хоккеем. Они видят в чемпионах кумиров и хотят быть похожими на нас. А тут «отстаньте». Для мальчишек – катастрофа, горе. Во что же ему верить теперь? В кого?

Увы, есть такие спортсмены.

Про себя скажу: я всегда стараюсь быть доброжелательным к людям. Не изменяю своему стилю даже в крайних случаях.

...Прошло некоторое время, и ко мне пристало другое прозвище – «Дзурилла». Наверное, потому, что у меня и у блиставшего тогда чехословацкого вратаря были похожие имена – Владислав, Владо. Я ничего против не имел, моему самолюбию даже льстило, что армейцы хоть и косвенно, но ставят меня рядом с великим голкипером. Первым вратарем ЦСКА тогда был Коля Толстикова, и «Дзурилла» с удовольствием носил не только свою, но и его клюшку. Коля меня многому научил. Ученик же в итоге оказался «неблагодарным» – вытеснил коллегу с первых ролей.

До сих пор у меня осталось какое-то чувство вины перед Колей, перед Лапшенковым, перед Адониным я невольно загораживал им дорогу наверх. Психологически им было трудно заставить себя работать в полную силу, зная, что Третьяк почти наверняка останется первым вратарем. Хотя если объективно рассуждать, то какая тут вина? Разве стал бы я мешать, если бы кто-то вдруг заиграл лучше меня?...

Я уже был первым вратарем ЦСКА, а Колину клюшку все равно носил, и никто этому у

нас не удивлялся. В армейском коллективе привыкли уважать всех, кто старше.

За эти годы у меня в клубе и в сборной было много товарищей вратарей, и каждый меня чему-то научил.

В 1971-м в Швейцарии состоялось мое «утверждение на должность» основного голкипера сборной СССР. Приехал я на предварительные игры чемпионата мира в Берн вторым номером, а уезжал из Женевы две недели спустя первым.

До сих пор храню в памяти ощущение силы, свежести, уверенности, которое не покидало меня весь тот сезон. Все получалось! В чемпионате страны, в неофициальных международных матчах, в главных турнирах – везде... Вот был сезон!

В конце декабря меня взяли в составе взрослой сборной за океан, а юниоры отправились на европейское первенство в Женеву. Вратарем у них был спартаковец Виктор Криволапов. Неожиданные обстоятельства потребовали от Виктора срочно вернуться домой. Руководители хоккея решили, что заменить его должен я.

31 декабря я прилетел из Северной Америки в Москву, 1 января отправился в Женеву, а 2-го вышел на лед.

Помню вытянутые от удивления, ошеломленные лица чехословацких юниоров, когда они увидели меня в столовой: «Вот так сюрприз!» А я про себя подумал: «Фора за нами!»

За команду юниоров тогда играли Лебедев, Анисин, Бодунов, тренером команды был Н. Эпштейн.

До этого я трижды участвовал в молодежных чемпионатах континента: в 1967 году мы заняли второе место, а затем привозили на родину только «золото». Не стал исключением и женевский турнир.

А спустя два с половиной месяца – снова Альпы, опять знакомые, уютные катки. Основным вратарем был, как и прежде, Виктор Коноваленко. Однако в тот раз у него не заладилась, не пошла игра. Кстати, оба матча с нашими главными соперниками – чехословацкими хоккеистами – тогда сложились неудачно: первый завершился вничью (3:3), а второй сборная СССР проиграла (2:5). Мне доверили матч с финнами (10:1) и с ФРГ (12:2).

И вот настал черед решающих поединков. Тарасов меня предупреждает: «Будешь играть с американцами».

А я бы рад, да не могу: накануне простудился, температура поднялась почти до 40 градусов. Играть больным в воротах – не всегда подвиг. Можно и подвести команду: пропустил шайбу, вторую, и ситуацию, глядишь, уже не исправить.

Ох, и отругал меня тогда тренер! Следить за своим здоровьем, тщательнейшим образом беречь его – это тоже долг спортсмена, неперемное условие его жизни – такова в нескольких словах суть той тарасовской гневной речи. «Кстати, профессионалов за такие вот болезни (если доказана оплошность спортсмена, его вина) беспощадно штрафуют», – добавил он.

Но что там тренерский гнев... Я и без того переживал, глаза поднять боялся.

Наконец наступает кульминационный момент – матч со шведами. Надо было обязательно побеждать. Выиграем – мы чемпионы мира, уступим – главный приз уедет в Прагу. Я к тому дню уже почти поправился. И накануне матча Тарасов меня предупреждает:

– Завтра будешь играть.

Честное слово, всю ночь не сомкнул глаз. Казалось, решается судьба. Сегодня или никогда. Но более всего страшила перспектива подвести товарищей, не оправдать надежд тренеров. Мне еще не исполнилось и 19 лет...

По правде сказать, шведы тогда выше третьего места подняться уже не могли. Перед матчем они даже не вышли на «раскатку». Но в психологическом плане преимуществом владели наши соперники. Они могли себе позволить играть свободно, без оглядки, на их плечи не давил груз огромной ответственности.

Мы сначала повели в счете – 2:0, и работы у меня было не очень много. Но, кажется, рановато успокоились наши форварды. Шведы вовсе и не думали сдаваться без борьбы. Две шайбы почти подряд влетают в мои ворота, потом еще одна. Вот тебе раз!

Перерыв. В раздевалке Тарасов устроил такой разнос... Всем досталось, даже прославленным ветеранам. И только меня пощадил разгневанный наставник. Похлопал по плечу:

– Ничего, мальчик, все нормально. Терпи.

После Анатолия Владимировича за команду взялся А. И. Чернышев. Аркадий Иванович почти никогда не повышал голоса, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения – уравновешенная, мудро-спокойная, уверенная – благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по-моему, ничто не могло вывести из себя. Забегая вперед, вспомню эпизод из олимпийского турнира в Саппоро. Однажды один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-то нас раздражить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменял позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили.

Столь непохожие во всем, Тарасов и Чернышев прекрасно дополняли друг друга, являли блистательный сплав мудрости, опыта, темперамента, педагогического таланта, преданности делу. Такого тренерского дуэта не знал и, возможно, никогда не узнает мировой спорт...

Так вот, в тот раз, в Женеве, Аркадий Иванович нашел какие-то веселые слова, растормошил нас, заставил улыбаться.

– Вы же сильнее, черти непутевые! Вам же тут равных нет...

Но и Тарасов, оказывается, еще не все сказал. Уловив перемену в нашем настроении, он перед самым выходом на лед сел на скамейку и будто бы для себя запел: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Так запел, что у нас глаза влажными сделались. Нам уже ничего не требовалось говорить. Мы рвались на лед.

6:3! В девятый раз подряд советские хоккеисты стали чемпионами мира. И еще один рекорд был зафиксирован в Женеве: в девятый раз чемпионами провозгласили Александра Рагулина, Вячеслава Старшинова и Виталия Давыдова.

– Ну вот, Владислав, – как-то по-особенному пожал мне руку Тарасов, – ты теперь основной вратарь сборной Советского Союза. И из Москвы есть приятная новость: коллегия Спорткомитета присвоила тебе звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Помню, как будто это случилось вчера. А случилось это 3 апреля 1971 года.

Потом был первый олимпийский турнир. Саппоро, 1972 год.

Та Олимпиада оказалась последней без колючей проволоки, высоких заборов, жесткого режима охраны – словом, без всего того, что стало затем появляться в связи с угрозой террористических актов. Игры в Саппоро благополучно обошлись без сторожевых собак, им сопутствовала атмосфера и дружбы, и доброты. Правда, вначале были серьезные опасения, что Белая олимпиада будет белой только по названию: снега до февраля на острове Хоккайдо не было. Однако накануне открытия Игр небеса над островом буквально разверзлись, снег валил несколько суток подряд. А стоило Играм закончиться, как на следующий день резко потеплело, пошел дождь, и за несколько часов весь снеговой покров исчез, будто его и не было.

Моим дублером в предолимпийском цикле подготовки был 30-летний Виктор Зингер из «Спартака», но незадолго до начала Олимпиады на тренировке он получил тяжелую травму. Виктора надолго поместили в больницу. Вторым вратарем тренерский совет утвердил 27-летнего динамовца Александра Пашкова.

Что запомнилось в Саппоро? Матч со шведами был единственным, в котором мы потеряли очко (он закончился вничью – 3:3). Перед хоккейным турниром новый наставник «Тре крунур» бывший профессионал Билл Харрис самоуверенно пообещал сделать шведов чемпионами. После этой ничьей многие решили, что Харрис, быть может, сдержит свое слово. Но надежды питали шведов недолго: они проиграли командам ЧССР и Финляндии. Затем заставили о себе говорить задиристые парни из команды США, которые со счетом 5:1 одолели сборную Чехословакии. Журналисты писали в том духе, что эти забияки еще покажут себя и что даже русской команде следует опасаться остроты их зубов. «Осторожно, они кусаются» – так прямо и назвала свой репортаж одна местная газета. Преувеличивали, однако, возможности американцев. Мы без особого напряжения выиграли у них – 5:2.

С таким же счетом закончился и наш последний матч на олимпийском турнире – с командой ЧССР. Вначале трижды подряд ошибся Дзурилла (редкий случай!), и мы повели – 3:0. Затем, особенно в третьем периоде, соперники предприняли ряд ожесточенных попыток

переломить ход борьбы. Но им это уже не удалось.

В составе той команды, в третий раз подряд завоевавшей олимпийское золото, плечом к плечу на лед выходили Александр Рагулин, Анатолий Фирсов, Евгений Мишаков, Виталий Давыдов, Александр Мальцев, Валерий Харламов, Александр Якушев...

Мне в Саппоро удалось стать самым результативным голкипером, то есть пропустить шайб меньше всех других вратарей.

Глава 2. Мои вратарские университеты

Развеванный миф

Для всех болельщиков хоккея 1972 год – особенный. Он знаменателен тем, что наконец-то после долгих переговоров, сомнений, споров сильнейшие хоккеисты-любители встретились с лучшими хоккеистами-профессионалами. Без всякого преувеличения можно сказать, что 1972 год открыл новую эру в истории мирового хоккея.

Не знаю, как для других, а для меня те осенние дни – самые памятные в жизни.

Монреаль, 2 сентября 1972 года. Вспоминаю – и озноб по коже.

...Точности ради надо сказать, что впервые советские хоккеисты встретились на льду с профессионалами еще в 1954 году, на мировом чемпионате в Стокгольме. Тогда в составе канадской команды были два бывших профессиональных игрока из «Бостон брюинс» – Шилл и Унгер. Сборная СССР выиграла у Канады со счетом 7:2. В 1955 – 1958 годах наши играли в Великобритании, Франции, Швеции и Голландии с командами, в которые входили бывшие канадские профессионалы. Шестнадцать раз победу тогда одерживали спортсмены СССР.

Что касается истории встреч с канадскими любительскими командами, то здесь дело обстояло так: до 1961 года любители из Страны кленового листа играли в хоккее ведущие роли (только на зимней Олимпиаде 1956 года они уступили советской сборной), а затем канадцев потеснили хоккеисты СССР, Чехословакии и Швеции. До 1969 года канадцы выступали почти на всех чемпионатах мира, однако потом долгое время игнорировали эти соревнования. Почему? Не потому ли, что в 69-м канадские любители испытали потрясение, от которого долго не могли оправиться? Во время турне по Канаде сборная СССР одержала десять побед в десяти матчах. 24 января в Оттаве встреча закончилась со счетом 10:2 в пользу советских спортсменов, причем шесть шайб забросил тогда Анатолий Фирсов.

...Еще задолго до серии игр 1972 года многие пытались предсказать исход поединка СССР – НХЛ. Анализировали, разлагали игру на различные компоненты, сравнивали, строили догадки. Вопрос, как правило, не ставился так: *кто сильнее?* Обычно специалисты высчитывали, *насколько* профессионалы сильнее любителей, с каким преимуществом они добьются победы. Лично я знаю только два противоположных прогноза. Первый из них родился так. Хоккейный обозреватель ТАСС Владимир Дворцов летом 1968 года обратился к шестикратному чемпиону мира Борису Майорову с предложением «сыграть» на бумаге матч СССР – «Монреаль канадиенс». Майоров выставил свои оценки по тринадцати компонентам игры, взяв за основу пятибалльную систему.

Он отдал преимущество советским хоккеистам в физической подготовленности (5:3), командном умении контролировать шайбу (5:4), осуществлении передач (5:3), реализации численного преимущества (4:3). Канадцы, по его мнению, были сильнее в бросках (4:3), силовой игре (5:4), игре вратарей (5:3), обороне (4:3,5). Равные оценки Майоров выставил в технике катания на коньках (4:4), индивидуальном контроле шайбы (4:4), игре в меньшинстве (4:4), нападении (4:4), в общем характере игры (5:5). Общий итог сопоставления мастерства получился таким – 53,5:51 в пользу сборной СССР.

Обратите внимание на следующее обстоятельство: Б. Майоров тогда отдал безоговорочное предпочтение канадским голкиперам. Он объяснил это так: «Вратари за океаном феноменальные, поистине фокусники. В числе лучших из них ветеран „Монреаль канадиенс“ Л. Уорсли и его юный дублер Р. Вашон».

Я в то время играл за юношескую команду, еще и не ведая о том, что будет в 1972-м...

Пожалуй, самый меткий прогноз сделал профессионал Карл Бревер из Торонто, который в том же, 1968 году заявил, обращаясь к советским хоккеистам: «Если бы вы приехали на серию матчей в Канаду, то в первых встречах победили бы канадцев. Позже канадцы победили бы вас. Профессионалы, пока не будут биты, ни в ком из любителей серьезного противника не видят. Значит, вероятна их неполная мобилизация в начале серии».

Но, повторяю, таких голосов было мало, они тонули в хоре других пророчеств, предсказывавших любителям неминуемый разгром.

Перед началом серии чуть ли не все канадские газеты писали, что самое слабое место в советской команде – это вратарь Третьяк. Для этого у них были веские основания. Дело в том, что наблюдатели из НХЛ в августе приезжали в Москву и присутствовали на товарищеском матче сборной СССР с ЦСКА. Я в этот день играл хуже некуда и пропустил немисливо много голов – девять. Почему так произошло, скажу позже. А специалисты из Канады записали в свои блокноты: «Третьяк, кажется, еще очень молод, чтобы выстоять против НХЛ. В трудных ситуациях он проявляет нерешительность. Вратарь – самое ненадежное звено в советской команде». Эти слова затем и появились в канадских газетах.

Кроме этого в газетах было еще немало интересного. Журналисты Канады и США словно соревновались между собой: кто сильнее запугает сборную СССР. В одной статье утверждалось, что канадские суперзвезды своими бросками пробивают хоккейные борты. В другой корреспондент обещал съесть номер своей газеты, если мы забьем профессионалам хоть одну шайбу. Известный канадский обозреватель писал в эти дни: «Величайшая хоккейная команда Канады готова к матчам. Все считают, что она будет ослепительна как никогда. Мы приготовились зажечь свечи по русским игрокам».

Мне не хочется строго судить такую очевидную самоуверенность. Канадцы всегда считали своих (и только своих!) хоккеистов абсолютно непобедимыми – с этой мыслью жило не одно поколение. Нас же они никогда не принимали всерьез и никогда не интересовались тем, что же такое – хоккей по ту сторону океана. Во всей Канаде не было, по-видимому, ни одного человека, который бы сомневался в победе профессионалов. Да что в Канаде... Почти все наши болельщики тоже отдавали предпочтение канадцам, о которых ходило столько легенд...

Единственный канадский хоккеист, которого я видел в игре, – вратарь Кен Драйдэн. Он в 1970 году был вторым голкипером в любительской сборной Канады. Тогда (кажется, в Ванкувере) Драйдэн пропустил во встрече с нами девять шайб.

Итак, 2 сентября 1972 года... В день первого матча мы приехали в «Форум» на утреннюю тренировку. На льду увидели своих будущих соперников. Показалось, что шайбы после их бросков так и свистят в воздухе. По площадке они не катаются – летают. У нас до тренировки оставалось еще какое-то время. Сидим на трибуне, притихли, смотрим. Каждый думает: ну и ну, достанется нам... Тогда наш тренер Всеволод Михайлович Бобров говорит:

– Выше головы, ребята! Это они фасонят перед нами. Ишь, какие легкомысленные! На этом-то мы их и поймем, а?

Мы будто очнулись.

Незадолго до начала матча к нам в раздевалку пришел Жак Плант. Да-да, он самый – знаменитый «укротитель шайб», лучший канадский вратарь всех времен. Плант пришел вместе с переводчиками и очень удивил нас тем, что стал подробнейшим образом объяснять, как мне, вратарю, следует играть против Маховлича, Эспозито, Курнуайе, Хендерсона...

– Будь внимателен, – сказал Плант, – когда на льду Фрэнк Маховлич. Он бросает по воротам непрерывно, с любых дистанций, из любых положений. Подальше выкатывайся ему навстречу. Учти, Иван Курнуайе – самый быстрый нападающий в НХЛ, а Денис Халл может забросить шайбу с красной линии. И помни: самый опасный игрок в нашей команде – Фил Эспозито. Этот парень посылает шайбу без подготовки даже в малюсенькие щели ворот. Не спускай с него глаз, когда он на «пяточке». Здесь защитники сладить с ним не могут.

Чтобы было нагляднее, Плант показал мне все это на макете, попрощался и ушел. Так до сих пор я и не знаю, чем руководствовался канадский вратарь, «играя» против своих. Может быть, он чувствовал жалость ко мне, мальчишке, которого собрался растерзать Эспозито? Не знаю... Только спасибо Планта, его советы мне очень помогли.

– Потом началась игра. Я разминался так тщательно, как никогда. Представили игроков. Наши фамилии были встречены молчанием, а когда стали называть канадцев, трибуны взревели так, что у меня колени затряслись. Я почувствовал даже что-то вроде испуга. Но встал в ворота, и все прошло. Что было дальше? Свой рассказ я, так сказать, для наглядности попробую «иллюстрировать» цитатами из книг, вышедших в Канаде после той незабываемой серии.

Вот что пишет в книге «Вбрасывание века» Ж. Терру: «Когда Третьяк пропустил первую шайбу на 30-й секунде, все стали кричать: „Мы съедем их сырыми! Какого черта они здесь делают?!“»

Да, так оно и было. Шум тогда поднялся чудовищный. Мне показалось, что на трибунах началось какое-то всеобщее безумие. Рев, треск, свист.

– О'кэй, – покровительственно похлопал меня рукавицей Фил Эспозито, открывший счет. Мол, не переживай, паренек. Вспомни, с кем играешь.

– О'кэй, – скорее по инерции пробормотал я в ответ.

Были сирены, вспыхивали мигалки, электроорган играл «Подмосковные вечера». До сих пор удивляюсь, как нас это все не сбilo с толку... Еще более яростное ликование захлестнуло трибуны, когда Хендерсон на 6-й минуте забил мне вторую шайбу. Орган заиграл похоронную музыку.

Но затем все встало на свои места. Мы освоились и выиграли со счетом 7:3, повергнув своих соперников в состояние шока. На них просто жалко было смотреть. Зрители бурно аплодировали нам.

На следующее же утро Валерию Харламову предложили миллион долларов за то, чтобы он перешел в НХЛ.

– Без Петрова и Михайлова согласиться на переход не могу, – в шутку ответил Харламов.

Канадцы приняли его слова за чистую монету.

– О, мы все уладим. Они получают столько же.

Пришлось тому журналисту, который пообещал съесть свою статью, выполнять обещание. В Торонто перед отелем, где мы остановились, он уселся на ступеньки лестницы, поставил рядом с собой тарелку супа и попросил, чтобы я бросил ту злополучную газету в его суп. Мне было неудобно. Я отказался. Он настаивал. Откуда-то появились операторы телевидения. Стать героями такого сомнительного представления отнюдь не входило в наши планы, и мы решили уйти. Тогда корреспондент сам мелко покрошил кусок газеты в суп и все это съел с плохо скрываемым отвращением.

После нашей победы газеты резко изменили тон. Теперь уже они на все лады расхваливали советских хоккеистов и последними словами ругали своих любимцев. Ж. Терру, рассказывая об этом матче в своей книге, отметил: «Третьяк несколько раз спасал ворота от верных голов. Ф. Маховлич не мог скрыть своего восхищения этим молодым голкипером. Он сказал мне: „Каждый раз, когда я пытаюсь атаковать его ворота, мне кажется, что Третьяк наперед знает любое мое движение. Словно мы с младенчества играем друг против друга“».

Кстати, Фрэнка Маховлича я тоже запомнил очень хорошо. Позже, в Ванкувере, когда канадцы проигрывали нам три гола, я чуть было не сцепился с этим канадцем. Соперники тогда очень нервничали. В мою сторону скользила шайба, за ней мчался Маховлич, но я успел раньше, отбил. Тогда Маховлич сбил меня с ног и уселся сверху. А свистка нет, игра продолжается. Ну, думаю, забьют нам сейчас. Из всех сил пытаюсь встать, но он здоровый парень. Решил: поднимусь и отделаю канадца. Но тут публика начала свистеть, и Маховлич освободил меня.

Никто больше не писал, что вратарь – самое слабое звено в советской команде. Однажды ко мне подошел один из тех канадских наблюдателей, которые присутствовали в Москве на матче сборной СССР и ЦСКА.

– Отчего же в тот день вы пропустили девять шайб? ~ спросил он. – Наверное, это была хитрость? Вы хотели нас сбить с толку?

– Нет, – рассмеялся я, – просто на следующий день у меня должна была состояться свадьба. Я думал об этом и не мог как следует настроиться на игру.

– О, поздравляю, – с изумлением ответил мой собеседник. – Тогда все ясно.

Специалистов профессионального хоккея в те дни чрезвычайно удивляло, что наши

ребята не уступают канадцам в силовой борьбе, которая, как известно, считалась традиционным преимуществом североамериканского хоккея. Мы у себя в ЦСКА тем летом специально готовились к жесткой игре. Тренеры придумали множество разных упражнений для отработки силовых единоборств. Они учили нас не бояться столкновений, мы устраивали «петушьи бои» и даже тренировались в боксе.

Напомню, что в Торонто, во втором матче серии-72, победили хозяева – 4:1, в Виннипеге мы сыграли вничью – 4:4, в Ванкувере успех снова сопутствовал сборной СССР – 5:3.

В Ванкувере канадские болельщики стали впервые освистывать своих любимцев. Сразу после игры Фил Эспозито давал интервью телевидению. Честное слово, мне было его жаль. Весь мокрый, растерянный, с запавшими глазами, он обиженно говорил в протянутые ему микрофоны:

– Я работал на двести процентов, а вы недовольны. Я еще никогда не слышал упреков в свой адрес. Кто же знал, что русские так сильны? Нам всю жизнь вдалбливали в голову, что они – сосунки, а на деле с каждым из этих парней может подписать контракт любой клуб НХЛ...

Зато мы были счастливы. Пожалуй, мы радовались даже чересчур. Ведь еще предстояли четыре встречи в Москве, а кое-кто в команде уже уверовал, что мы сильнее канадцев. Рассуждали примерно так: «Ну, если за океаном наша сборная выиграла два матча, то дома она должна победить во всех четырех». А ведь известно, что любая, даже самая маленькая, самоуверенность в спорте наказывается немедленно.

13 сентября, за неделю до первого ответного матча в Москве, канадцы прилетели в Стокгольм, чтобы в двух играх со шведской сборной акклиматизироваться и привыкнуть к большому катку. Первый матч они выиграли 4:1, а во втором ушли от поражения лишь за 47 секунд до финальной сирены (4:4). Шведские газеты ругали гостей за грязную игру, шведы были ошарашены тем, что профессионалы устроили побоище даже во время перерыва – у входа в раздевалку хозяев.

Б. Майоров, специально направленный в Стокгольм, чтобы понаблюдать за этими встречами, вернувшись, сказал: «Канадцы едут к нам очень сердитые».

В первом ответном матче победа была за нами – 5:4. В двух других, отличавшихся необыкновенно упорной, я бы даже сказал ожесточенной борьбой, победили канадцы – 3:2, 4:3. Причем эти встречи дали возможность московскому зрителю увидеть «изнанку» профессионального хоккея: грязные приемы, удары, запугивание судей, оскорбительные выкрики в адрес соперников – все это канадцы демонстрировали не стесняясь. Наши болельщики, привыкшие к другой манере спортивного соперничества, были попросту шокированы. Многие требовали раз и навсегда прекратить контакты с профессионалами.

Драматично сложился для нас последний матч в Москве. После второго периода мы были впереди – 5:3, и исход встречи уже почти не вызывал сомнений. Но Эспозито и Курнуайе сумели сравнять счет. Ничья? Остается всего семь минут до финальной сирены. Да, скорее всего, будет ничья, и тогда по разнице забитых и пропущенных шайб (она у нас лучше) мы сможем считать себя победителями всей серии. Наверное, так подумали наши игроки, подумали и... изменили своему обычному стилю, перешли к обороне. «Вместо постоянного наступления, которое их никогда не подводило, русские стали откатываться назад, – писал в своей книге „Хоккейное откровение“ тренер канадцев Г. Синден. – Это предоставило нам лучшие возможности... Теперь более чем когда-либо раньше мои парни были настроены победить. Наши соперники стремились сохранить ничью. Мы – нет...»

И за 34 секунды до конца матча (за 34!) Хендерсон вывел профессионалов вперед – 6:5. Этот гол я всегда буду считать самым обидным из всех пропущенных.

На этом серия была закончена. Но еще долго не утихали страсти, вызванные матчами 1972 года.

«Сыграна блестящая серия! – писала в редакционной статье американская „Крисчен сайенс монитор“. – А ее заключительный матч был одним из тех редких моментов в спорте, когда все прежние рекорды, стратегия и хвастливые утверждения отбрасываются в сторону и соперники сражаются вплоть до финальной сирены. Это высший момент в спорте, и он требует от игроков интенсивных усилий – большой сосредоточенности и энергии, подкрепленных огромным эмоциональным настроем. Канада изменила ничейный счет буквально за секунды до

окончания матча. Победа осталась за ней.

Но и престиж советского хоккея очень выгадал от этой серии матчей. С точки зрения общефизической подготовки советские игроки уже в самом начале показали свое превосходство. Их замечательное мастерство проявлялось на всех этапах игры. На сотни миллионов зрителей, наблюдавших за этими матчами по телевидению в Северной Америке, Европе и на других материках, оно произвело большое впечатление.

А что еще более важно, эти матчи, несомненно, будут способствовать сближению народов СССР и Северной Америки...»

Два года спустя состоялась новая серия встреч с канадскими профессионалами, только на этот раз представлявшими не НХЛ, а недолго просуществовавшую Всемирную хоккейную ассоциацию (ВХА). После этой серии в Москве был выпущен документальный фильм, названный «Владислав Третьяк против Бобби Халла». Авторы фильма не случайно сделали акцент на моей дуэли с Халлом. Именно Бобби Халл был самой большой опасностью для наших ворот.

Но расскажу обо всем по порядку.

В Монреале у нас была пересадка на рейс до Квебека. В аэропорт нагрянули журналисты. Со всех сторон на меня посыпались вопросы:

- Готовились ли вы специально к матчам с профессионалами?
- Конечно. Так же, как и профессионалы к матчам с нами.
- Как вы оцениваете команду Билла Харриса?
- Никак. Мы абсолютно не представляем, что это за команда и в какую силу она играет.
- Каким, по-вашему, окажется итог этих встреч?
- Успешным для сборной СССР.

Сказав это, я внимательно смотрю на канадских журналистов. Два года назад мои слова вызвали бы у них саркастические ухмылки. Теперь же лица репортеров остаются совершенно бесстрастными, будто я сказал нечто само собой разумеющееся. А ведь фактически я заявил следующее: мы побьем сборную ВХА. Позже, в Квебеке, мы узнали из канадских газет, что профессионалам дружно предрекают чуть ли не разгром. Куда, мол, вам против русских, если даже сборная НХЛ не Могла против них устоять...

Из отеля «Хилтон», где нас разместили, едем на тренировку. Зрелище – необыкновенное! Наш автобус без остановок мчится по всему городу в окружении полицейских на мощных «Харлеях». Ревут сирены, крутятся мигалки. На всех перекрестках нам дают зеленую улицу. Никто не может нас обогнать. Люди машут нам руками с тротуаров и из машин.

Дворец спорта во время тренировки забит почти до отказа. Сборная ВХА в полном составе пришла взглянуть на сборную СССР. Старший тренер Борис Павлович Кулагин показывает нам: вон знаменитый бомбардир Бобби Халл, а вот неуязвимый 46-летний Горди Хоу. Некоторых мы узнаем сами: Фрэнка Маховлича, Хендерсона, Степлтона... Встречались с ними два года назад. Канадцы невозмутимо жуют свою резинку, молча смотрят на лед.

– А ну, покажем им, что мы умеем делать, – говорит Борис Михайлов.

Ну и тренировка! Стараемся вовсю! Я стою в воротах так, словно идет решающий матч. Знай, мол, наших. Настроение у ребят прекрасное. Только бы не расплескать боевой запал!

17 сентября, в день первого матча, «Колизей» по самую крышу был забит публикой. Матч еще не начался, а трибуны уже бушевали. Играл электроорган, пронзительно вскрикивали трубы, гремели кастрюли и барабаны. Это напоминало настоящую психическую атаку. Но если два года назад мы были ошарашены такой немислимой какофонией, то теперь спокойны. Гремите себе на здоровье. Лично я люблю играть, когда болельщиков много. Когда страсти на трибунах накалены. Я чувствую при этом какую-то особую окрыленность, прилив сил, вдохновение.

Матч начался атаками хозяев. Они повели – 1:0. В перерыве мы получили такую установку: «укатать» соперников. Темп, темп, темп! Итог встречи – ничья 3:3. Работать мне пришлось так много, что если спросить, как проходила игра, то я вряд ли смогу обстоятельно рассказать о ней: весь матч для меня слился в почти непрерывающийся обстрел. Будто на площадке была не одна, а по меньшей мере с десятков шайб, которые канадцы непрерывно швыряли в мои ворота. Думаю, впрочем, что похожее чувство испытал и канадский вратарь

Джерри Чиверс. Он играл блестяще!

Запомнилось несколько эпизодов. Бернье из выгоднейшей ситуации бросает по воротам, я отбиваю шайбу, а соперник в досаде ломает о борт свою клюшку. Будто клюшка виновата. За 34 секунды до финального свистка кто-то из канадцев, кажется Ф. Маховлич, неожиданно выходит со мной один на один, но я по своему обыкновению стремительно выкатываюсь ему навстречу, Маховлич теряется и мажет. Два гола забил мне Бобби Халл. Не зря про него рассказывают легенды. Вот это бросок! Я почти не видел шайбы. Очень надежный защитник – Трамбле. А у нас лучшим, безусловно, был Харламов. Его стремительные проходы надо было снимать на киноплёнку и как наглядное пособие показывать во всех хоккейных командах – от «Золотой шайбы» до высшей лиги.

Валерий Харламов... Вы знаете, мне кажется, что в чем-то он был очень похож на Юрия Гагарина. Такой же простой, светлый, скромный. Популярность совершенно не отразилась на его характере – он остался доброжелательным, открытым для всех, веселым. И улыбка...

Тот и другой рано ушли из жизни, оставив о себе яркую память: космонавт – у людей всей земли, хоккеист – у тех, кто любит спорт, кто неравнодушен к проявлениям таланта.

Харламов был заметной звездой даже на фоне целого созвездия выдающихся мастеров нашего хоккея начала 70-х годов. При всем желании его ни с кем нельзя было перепутать. Собственный почерк Валерия проявлялся во всем: в обводке, владении шайбой, бросках, отношении к партнерам. Такие неповторимые индивидуальности появляются раз в сто лет, а то и реже.

Хоккейная судьба Харламова складывалась примерно так же, как и у меня. В 1962 году, когда ему было 13 лет, Валера с ватагой мальчишек впервые пришел во Дворец спорта ЦСКА. Из всей компании в спортшколу приняли только его одного. Юных хоккеистов тогда отбирал Кулагин. А Тарасов довершил высшее хоккейное образование Харламова.

Мы начинали с Валерой еще в юношеской команде – он и там был ярче всех. Его талант, как говорят, от бога. Сколько раз я с восхищением наблюдал за тем, как легко он обводит соперников. Харламову удавалось буквально все: и скоростной маневр, и хитроумный пас, и меткий удар. И все это будто играючи – легко, изящно. Недаром канадцы, эти искушенные ценители хоккея, сразу, после первой же игры 2 сентября 1972 года, выделили Харламова среди всех наших игроков. Для многих канадцев он стал кумиром.

«Люблю сыграть красиво», – часто повторял Валера. Что верно, то верно: хоккей в исполнении Харламова был подлинным искусством, которое приводило в изумление миллионы людей. Когда он появлялся на льду, вратари трепетали, а зрители бурно выражали свой восторг.

Какой-то злой рок преследовал Харламова. В 1976 году, возвращаясь ночью домой на автомобиле, он не смог справиться с управлением и... Машина разбилась вдребезги, а Валеру и его жену доставили в госпиталь. Плохи были дела у Харламова: переломы лодыжек, ребер, сотрясение мозга. Только женился человек, и вот на тебе – «свадебное путешествие» в армейский госпиталь. Долгое время врачи не были уверены в том, сможет ли Харламов снова играть в хоккей. Два месяца он провел на больничной койке.

Только в августе Харламов встал и сделал первые самостоятельные шаги по палате. Но чтобы выйти на лед – до этого ему было еще ох как далеко...

А спустя пять лет – опять автомобильная катастрофа. И на этот раз с трагическим исходом. Весть о гибели Валерия застала нас в канадском городе Эдмонтоне перед началом второго розыгрыша Кубка Канады. Никогда не забыть: каток в Эдмонтоне, минута молчания в память о выдающемся советском спортсмене. Обнажив головы, стояли напротив нас профессионалы. Скорбно замерли на трибунах 18 тысяч канадских зрителей. Наверное, в этот момент люди испытывали одно и то же чувство: Харламов с его неповторимым талантом принадлежал всему человечеству. Всем, кому дорог спорт.

И потом, все дни, что мы были за океаном, канадцы подходили к нам на улицах, выражали свое искреннее соболезнование. Телевидение по нескольким программам показывало видеозаписи голевых моментов с участием Валерия Харламова. Все понимали, что это утрата невозполнимая.

Если уж я начал рассказывать про Харламова, то должен отметить следующее: Валерию помогли раскрыть свой талант его замечательные партнеры по тройке – Борис Михайлов и

Владимир Петров. Вообще, говорить об этих хоккеистах по отдельности очень трудно, да и, пожалуй, неправильно. В разные годы по разным причинам первое звено пытались «разбавлять» другими спортсменами, но не знаю, как вам, а мне в его игре тогда чего-то не хватало.

Кажется, они родились для того, чтобы встретиться и стать лучшим в мире хоккейным звеном. Лично я в трудные минуты верил только в них. Сколько раз, бывало, они переламывали ход неудачно сложившегося матча, брали игру на себя, забрасывали решающие шайбы... Они были лучшими много лет.

Самый старший среди них – Борис Михайлов. В команде он всем бойцам боец. Его излюбленным местом во время атаки был «пятак», где играть больше всего, где соперники в жаркие моменты обычно не церемонятся. Канадский форвард Эспозито тоже считался большим любителем добивать шайбы, но он-то здоровенный парень, его с места трактором не сдвинешь, ему самой природой велено дежурить на «пятке», а Михайлов отнюдь не атлетического сложения, зато по характеру, по волевому запалу канадцу с Михайловым не тягаться. Далеко ему до нашего капитана.

Не обладая техникой Харламова, скоростью Балдериса, мощью Петрова, он тем не менее был чрезвычайно полезен команде. Он – вожак. На него равнялись, за ним тянулись, ему подражали.

Человека учат не только родители, детский сад и школа. Самый полезный университет – сама жизнь. Как жаль, что сплошь и рядом нам встречаются люди, считающие себя в 20 лет уже вполне и навсегда сформировавшимися, знающими все и вся. По мне, так до старости надо быть вечно недовольным собой и, жадно впитывая в себя жизнь, учиться и учиться у нее. Михайлов и здесь мог быть примером для молодых хоккеистов.

Став капитаном сборной, он заметно изменился: еще требовательнее и ответственнее относился теперь к себе, к своим словам и поступкам, терпимее – к другим.

Помню, когда-то, пропусти я легкую шайбу, Борис мог не сдержаться:

– Ты зачем сюда поставлен? «Пенки» давать? Теперь же подьедет, стукнет клюшкой по моим щиткам:

– Ничего, мы им сейчас на одну двумя шайбами ответим. Есть такие хоккеисты, которым все равно, что о них думают окружающие. Эти спортсмены не дорожат своим именем – сегодня они могут сыграть хорошо, завтра плохо. Ну и что? Их это не волнует. Борису Михайлову, Владимиру Петрову и Валерию Харламову их имя было очень дорого. Как всякие большие мастера, они ревниво относились к результатам своей игры. Схалтурить, сыграть вполсилы – нет, они не знали, что это такое.

На сборах и турнирах Борис всегда жил в одной комнате с Володей Петровым. Они мало похожи друг на друга. Петров – горячий, самолюбивый, вспыльчивый, любит в глаза резать все, что думает. Бывает, проходишь мимо их комнаты и слышишь – опять спорят. Но эти споры гасли так же быстро, как возникали.

Друзья есть друзья. Их и на льду, и на отдыхе водой не разольешь. Если Михайлов делал дома шашлык, то, будьте уверены, рядом с костерком возился Петров.

Я считаю, что Петров был самым сильным центрфорвардом в мире. Он атлет и всегда крепко держался на коньках. Я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы кому-нибудь удалось свалить Петрова на лед.

Всю эту троицу отличала совершенно неутолимая жажда гола. Им было не важно, кто из них забьет, на кого запишут шайбу и пас, – важно забить. Они просто физически не переносили поражений, даже если играли в футбол или бильярд. Им обязательно надо было побеждать, и только побеждать! Обычно их тактика заключалась в том, чтобы ошеломить, смять, закрутить соперника в бешеной карусели, посеять в его рядах панику и, воспользовавшись этим, красиво забросить шайбу. Каждый из них был уверен в товарище, как в самом себе, и действовали они все без оглядки. Даже на тренировках наше первое звено не любило уступать. Надо было видеть эти тренировки! Даже льду становилось жарко. Скорость, натиск!

Погиб Харламов. Стали тренерами Михайлов и Петров. Нет больше этого звена. И хотя на смену ему пришли молодые талантливые ребята, хоккей стал беднее.

...Матч окончен. Мы сидим в раздевалке, расслабленные и опустошенные. Абсолютная

тишина. «Ну и баня! – думаю я. – Похоже, эти встречи будут потруднее прежних. Кто говорил, что в Канаде нас ждет легкая прогулка?»

Пришли запасные игроки. Они во время игры сидели на трибунах, среди зрителей. Вид у них чрезвычайно возбужденный. Вратарь Володя Полупанов изумлен до глубины души:

– Вот это матч! Это... – Он никак не может подыскать слова, способные выразить все его чувства. – Это фантастика какая-то!

А мы сидим и молчим. Дай отдышаться, Володя.

– Я еще никогда не видел такого хоккея! – кричит с порога Юрий Сапелкин.

– Ну, Владик, сколько раз ты спасал команду! – Это мой дублер Саша Сидельников подошел.

А мы сидим и молчим. Сил нет.

Вечером Бобби Халл выступал по телевидению:

– У русских хорошая команда. Она, как взвод в армии, дисциплинированна и дружна. Каждый знает, за что он в ответе. А мы сегодня слишком нервничали. Маккензи признался мне, что перед выходом на площадку у него от волнения дрожали колени. Но уж теперь-то мы возьмем себя в руки. Наши парни выиграют эту серию.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Сидельников, выключая телевизор.

По обыкновению, мы снова живем с ним в одном номере. Говорим мало. Не потому, что нам не о чем поговорить. Нет, причина в другом. Я вообще перед матчами замыкаюсь в себе, становлюсь молчаливым и отрешенным. Саша знает об этом и старается не докучать мне досужими разговорами.

Второй матч состоялся в Торонто – хоккейной столице Канады. Хоккей здесь – божество, которому поклоняются все, независимо от возраста и пола. Хоккей! Хоккей! Хоккей!

В Торонто, как и два года назад, мы потерпели поражение со счетом 1:4. Я так до сих пор и не пойму, отчего же все-таки не заладилась игра у наших защитников, что с ними случилось? Конечно, условия были непривычными: площадка уж больно маленькая. Наши ребята привыкли действовать широко, они любят за воротами побегать, в пас поиграть. А здесь никакой свободы для маневра: пространство между воротами и задним бортом всего в метр шириной – не очень-то разбегаешься. Да и тактически, по-моему, наши защитники сыграли неверно. Васильев и Гусев почему-то совсем не страховали друг друга.

Ох, и устал же я! Два периода отстоял, в перерыве говорю тренерам:

– Не знаю, хватит ли сил... А они мне:

– Потерпи, Владик. На тебя вся надежда.

Я вышел на лед, чувствую: совсем не успел отдохнуть. И что вы думаете? На первых же секундах Маккензи, как разъяренный бык, прорывается к моим воротам. На первых же секундах!... Я сразу включился, сразу забыл обо всем. Я видел только Маккензи и по его замаху, по его глазам старался понять, куда он бросит. Отбил... И пошло, и поехало. Бросок, еще бросок, еще... Справедливости ради надо сказать, что большинство канадских атак завершалось как-то бестолково. Выходят к воротам и бросают. Нет чтобы обмануть меня, обвести, выманить из ворот... Нет, выходят и лупят изо всех сил. Будто хотят пробить меня насквозь. Это и есть то, что называется прямолинейностью канадского хоккея.

И куда только подевалась усталость! Я играл словно в каком-то забытии. На меня нашло нечто такое, что не объяснить словами. Вдохновение, может быть. Да, наверное, лучше всего это назвать вдохновением. Все во мне было обострено до предела. Я не мог себе позволить даже секунды передышки, но, вероятно, это было к лучшему: расслабься я хоть на мгновение, и мог напрочь улетучиться мой настрой, мое вдохновение.

В третьем периоде мы заработали буллит. Смотрю: выходит против меня какой-то долговязый парень. Не Халл, не Хоу, а совершенно мне неизвестный канадец. Как потом выяснилось – Уолтон. Ну, думаю, раз ему доверили, значит, это у них самый техничный игрок, большой мастер обводки. Обычно в таких случаях я себя спрашиваю: возьму или не возьму? А тут не думаю ни о чем. Все погасло. Вижу только соперника и шайбу... И ничего больше. Пока атакующий игрок не пересек синюю линию, я не могу двигаться с места. Но вот Уолтон прошел синюю линию, я сразу выскакиваю ему навстречу, чтобы закрыть как можно большую часть ворот, Выскакиваю так резко, что канадец от неожиданности робеет и явно торопится с

броском. Ну, такие-то шайбы я беру... Трибуны взревели непонятно от чего – то ли от досады, то ли от восторга. Уолтон ко мне подъехал:

– Гуд гейм! (Хорошая игра!) Я ему:

– Сэнк ю. (Спасибо.)

Когда мы вернулись в раздевалку, ноги у меня подкосились, и в полном изнеможении я рухнул на скамейку. Все прошло, и осталась только одна смертельная усталость.

Десятки вопросов роились в голове. Смогу ли я и дальше выдержать столь жестокий штурм? Найдут ли наконец свою игру защитники? Неужели канадцы все матчи проведут в таком ураганном темпе? Как справиться с Халлом? Почему канадский арбитр Браун не засчитал гол, забитый Петровым?

В самолете, когда мы летели из Торонто в Виннипег, я спросил судью Брауна, отчего ему изменила объективность.

– Не напоминайте, пожалуйста, об этом, мистер Третьяк, – горестно покачал головой канадец. – Мне так плохо. Из 20 тысяч человек, которые присутствовали в зале, я один не увидел этого гола.

Наши хоккеисты очень достойно пережили столь явную несправедливость. Мы привыкли к тому, что слово судьбы – закон. А интересно, как бы реагировали канадцы, случись с ними такое?

Сильны были наши соперники. Пока они играли явно лучше нас. С подъемом. Самоотверженно. Каждый из них был готов грудью отражать шайбы, даже ветеран Горди Хоу. Удачной казалась мне и тактика канадцев – действовать от обороны, на контратаках. Та самая тактика, которую мы успешно применяли в Канаде два года назад. Но мне не верилось, что наши соперники выдержат до конца такой ураганный темп, что они и впредь будут играть на такой высокой ноте.

Ажиотаж, который царил перед третьим матчем, не поддается описанию. Десятидолларовые билеты шли с рук за 200 долларов. Тон выступлений в печати резко переменялся. Канадцы, кажется, серьезно поверили в то, что сборная ВХА победит нас.

Виннипег – родина Бобби Халла, одного из самых великих хоккеистов Канады и одного из самых добродушных людей, которых я только встречал. Халла можно считать образцом выдержки и спокойствия. Его вторая после хоккея профессия – фермер, он разводит коров. Халлу было 35 лет, но его игра все еще не утратила свежести и задора. Он умел в хоккее все. Еще бы не уметь! Ведь Бобби Халл впервые взял в руки клюшку, когда ему исполнилось всего четыре года. В 18 лет стал профессионалом. Интересно, что Халл, в отличие от своих коллег, приходил на все тренировки сборной СССР и очень внимательно наблюдал за нами. И он, и другой великий хоккеист из команды «Канада-74», 46-летний Горди Хоу, жили в таких же скромных номерах, как и все остальные канадские игроки. Халл и Хоу первыми выходили на лед во время тренировок, Своим подчеркнuto скромным поведением они словно постоянно напоминали молодым игрокам: смотрите, как должны вести себя настоящие хоккеисты, Мы вышли на третий матч в своем обычном сильнейшем составе. Кулагин сказал запасным игрокам, которые тоже рвались г, бой: «Потерпите, ребята. Вот победим пару раз соперников, докажем, что мы сильнее, тогда сыграете все». Не знаю, как остальные, а наш тренер был твердо уверен в победе. Харрис поставил в ворота запасного вратаря Дона Маклеода. В газетах было написано, что Чиверс взял себе передышку. Видно, Джерри тоже несладко приходилось.

Лед был безобразным, – весь в каких-то буграх и лужах. Кстати, пусть вас не обманет вид голубого, матово-белого или зеленоватого льда, который с высоты трибун всегда кажется безупречно гладким. Секретом идеальной заливки хоккейных полей владеют, увы, немногие. А ведь даже маленькая выбоина или едва заметный бугорок могут повлиять на исход матча.

С первых же минут встречи я понял, что наши форварды, как говорится, в ударе. Они смяли канадцев. Соперники, как я и предполагал, не смогли вытянуть до конца свою слишком высокую ноту, они начали сбавлять темп.

Во втором периоде Уолтон так сильно бросил шайбу мне в живот, что я скривился от боли. К горлу подступила тошнота. Сел на лед. Голова кружится. А игра идет. И Хендерсон рвется к воротам. Держись! В перерыве наш доктор дал мне какие-то пилюли, чтобы боль унять. Счет к третьему периоду был 7:2 в пользу сборной СССР. Ну, думаю, раз игра сделана,

значит, теперь в ворота поставят Сидельникова. Но нет, вышло опять мне... Десять минут промучился, ни одной шайбы не пропустил. Потом подъехал к нашей скамейке – там доктор уже нашатырь приготовил. Понюхал я ватку, посмотрел украдкой на тренеров: может, теперь заменят? Нет, мне доигрывать. А самочувствие у меня совсем скверное. Вот-вот потеряю сознание. В той последней десятиминутке я пропустил сразу три шайбы.

Первую забил Хендерсон. Интересно получилось. Он в том матче несколько раз выходил к воротам и тут же самым примитивным образом делал бросок. Хендерсону бы «подергать» вратаря, не торопиться, переправить шайбу партнеру... Он же бросает себе, как заведенный. А я без особого труда парирую шайбы. И вот он снова мчится на мои ворота. Смотрю: защита наша очень некстати «вздремнула», значит, надеяться надо только на самого себя. А справа от Хендерсона летит другой канадец, и его положение для атаки еще более удобно. Ну, думаю, теперь-то Хендерсон уж точно отдаст шайбу партнеру. Нельзя не отдать! Глупо не отдать! И я стал смещаться в сторону второго канадца, «приоткрыв» ближний угол. А Хендерсон, оказывается, и теперь не думал никому пасовать. Опять бросил сам. И как раз попал в тот самый угол.

Снова больше всего волнений доставил мне Бобби Халл. Бывало, после его бросков я вообще не видел шайбу – он выстреливал ее, словно пулю. Но это еще не все. Обычно, когда хоккеист бросает или щелкает шайбу, он делает замах, по которому опытный вратарь может определить многое: и направление полета шайбы, и силу броска. Долю секунды длится замах у классных мастеров, но я вполне успеваю прикрыть то место в воротах, куда целит форвард. Халл же швырял шайбу без замаха. Свой страшный бросок он совершал одной кистью, как бы небрежно. Он забивал много голов. Но вот что любопытно: все остальные играли только на Халла.

Вот Маккензи и Лякруа рвутся вперед. Они действуют напористо, быстро, смело. Но, откровенно говоря, я почти не обращаю на них внимания. Я ищу глазами Халла. Где он? Ага, Халл, как обычно, медленно крадется к моим воротам. Маккензи и Лякруа перекидывают шайбу друг другу, но, ручаюсь, никому из них и в голову не придет бросать по воротам. У них какая-то магическая вера в Бобби Халла. Бить должен он, только он. Вот Халл наконец выходит на ударную позицию, и тут шайба адресуется ему. Бросок...

Это в Москве он забьет только одну шайбу – там Бобби будут очень зорко сторожить, – а в Канаде на его счету шесть голов. От матча к матчу я пытаюсь найти контрманевр против канадца и в конце концов прихожу к такому выводу: надо выходить на Бобби Халла не тогда, когда он уже в нашей зоне, а сразу, лишь только шайба попала к нему. Так я и делал в последних играх.

Пятый гол забил в мои ворота Уолтон. Бросок был очень сильный. Я поймал шайбу, но она каким-то непостижимым образом выскользнула из ловушки и, как живая, впорхнула в сетку.

В Виннипеге мы одержали победу. Убедительную. Красивую. Трудную. Счет – 8:5.

Из канадских газет: «Просто дурак тот, кто сомневается, что мы играем с хорошей командой. Мы не видели пока ни одного русского, который бы не мог играть за лучшие профессиональные клубы». Приятно, конечно, слышать высокие оценки, приятно сознавать, что канадский хоккей, считавшийся еще недавно тайной за семью печатями, ныне был разгадан нами. Его традиции, его тактика – все это теперь поддавалось пониманию. Мы нашли его уязвимые стороны и, как мне кажется, временами неплохо пользовались этим. И канадцы, что называется, на лету схватывали преподанные им уроки. Большинство хоккеистов сборной ВХА старались играть в комбинационной манере, тактика у этой команды была куда разнообразнее, чем у той, с которой мы встречались два года назад. Харрис научил своих подопечных и хитроумным перемещениям, и коллективной игре. Пожалуй, только Халл и Хендерсон остались верны прежнему стилю.

Несколько любопытных наблюдений, сделанных в ходе той серии.

Почему-то многие канадские игроки предпочитали играть без шлемов. Однажды я спросил об этом у кого-то из профессионалов.

– Это легкомысленная и глупая привычка, – ответили мне. – Отчасти именно из-за нее в нашем хоккее случается много травм. Вот уже несколько лет мы даем себе зарок: играть в

шлемах. Но приходит сезон, и все остается по-старому.

Беда в том, что профессиональные хоккеисты никогда не носили шлемов, и это стало своего рода отличительным знаком профессионалов, традицией, сломать которую было очень трудно. Я, однако, и тогда не сомневался, что в конце концов здравый смысл возьмет верх. Так и случилось...

...Мне нравился вратарь Джерри Чиверс. Хорошо он играл: храбро, умело, спокойно. Очень сильный вратарь. И человек на редкость славный. Перед матчем обязательно подъедет, постучит клюшкой по моим щиткам: мол, желаю всего хорошего. Но вот я никак не мог принять того, что Чиверс курит. Даже перед самой игрой его можно было встретить у раздевалки с толстой сигарой в зубах. Однажды я спросил:

– Джерри, зачем ты куришь?

– Это помогает мне снять волнение, – ответил он.

А в контракте у Чиверса оговорено, что во время перерывов между периодами он может пить пиво. Удивительно! По-моему, это так же безрассудно, как и выходить на площадку без шлема.

Или вот еще... Почему так откровенно грубо играет Маккензи? Он так и ищет, с кем бы сцепиться, кого бы толкнуть. Маккензи и не пытается скрывать этого.

– Да, я играю грубо, – говорит он. – Но я не буду возражать, если и против меня будут играть грубо.

Лично мне не по душе такая «философия». Не по душе мне и сам забияка Маккензи. Все бывает на льду. Но вот матч окончен, страсти улеглись, мы рукопожатиями приветствуем друг друга и мирно расходимся в разные стороны. Я протягиваю Маккензи руку, а он демонстративно отворачивается и будто бы невзначай больно цепляет меня клюшкой.

Четвертый матч, в Ванкувере, мы сыграли вничью – 5:5.

Затем состоялись четыре встречи в Москве. Не буду рассказывать о них подробно, напомним только, что успех был целиком на нашей стороне.

В те дни я с особым удовольствием вспоминал предсезонную подготовку, которую мы прошли. В основе нашей работы, как и прежде, оставались атлетические упражнения. Посторонний человек вполне мог почувствовать усталость, даже со стороны наблюдая за нашими тренировками – так они были тяжелы.

Зато теперь, в ходе серии матчей с профессионалами, нам было легче, чем соперникам. Мы выиграли пятый матч – он был переломным. Мы чувствовали себя все увереннее, а канадцы, напротив, выдохлись и теперь лишь изредка показывали прежний хоккей.

Перед седьмой встречей до тренеров сборной СССР дошли слухи, что канадцы якобы хотят «убрать Третьяка». Иначе говоря, нанести мне такую травму, после которой я уже не смогу защищать ворота.

– Берегите Владика, – наказали наши тренеры ребятам перед выходом на лед. – Если кто из соперников до него хоть пальцем дотронется, спуску не давать.

Но все обошлось... А в последней встрече я не участвовал. Сидел с женой на трибуне, в третьем ряду, впервые смотрел матч не из ворот. И вы знаете, у меня даже сердце заболело: так волновался за ребят, и особенно за вратаря Сашу Сидельникова. Наша молодежь была на голову сильнее профессионалов. Если бы не Чиверс, который стоял превосходно, победа могла быть еще более убедительной.

Итак, наша сборная одержала четыре победы, три матча сыграла вничью и потерпела только одно поражение. Соотношение забитых и пропущенных шайб – 32:27 в пользу советской команды.

На площадках Канады и Москвы встречались не просто две сборные – встречались два разных хоккея. Две совершенно непохожие школы. Победили мы. Значит, наш хоккей был более современен. Значит, все эти годы мы шли по правильному пути.

В этих матчах нам пришлось выкладываться полностью, да еще и сверх того. Мы проявили лучшие качества, присущие советским спортсменам: коллективизм, самоотверженность, сплоченность, волю к победе. На мой взгляд, советские хоккеисты выглядели лучше соперников во всех компонентах игры, а особенно в скорости. Канадцам явно не под силу оказался тот темп, который с самого начала им предложили наши ребята.

Профессионалов к тому же часто подводила излишняя прямолинейность, тактическая ограниченность. Наш хоккей оказался более творческим, артистичным.

После этих памятных матчей Центральный Комитет комсомола наградил сборную СССР памятным вымпелом, побывавшим в космосе.

А три месяца спустя наш клуб ЦСКА снова поехал за океан... Правда, на сей раз играть нам предстояло не с профессионалами, а с любителями, но я не случайно вспомнил об этом турне. По правде сказать, все мы смотрели на поездку в Канаду как на некую передышку. Мы намеревались сыграть с заокеанскими любителями, не затрачивая много сил, а что получилось на самом деле? Все наши соперники, словно сговорившись, лезли из кожи вон, чтобы победить ЦСКА. Мы поначалу даже опешили. Что ни матч, то прямо-таки битва за каждую шайбу. Только потом нам рассказали, чем все это объясняется. Оказывается, победа над нашей командой имела огромное значение для престижа каждого из канадских клубов. Она повышала их реноме в тысячу раз. А если учесть, что играли в этих клубах 18 – 19-летние парни – кандидаты в профессионалы, – их рвение станет еще понятнее.

Первую встречу мы провели в Гамильтоне. Площадка там была настолько маленькая, что на ней бы не шайбу гонять, а детям в песочек играть. Тесно, непривычно... Нам удалось победить с перевесом всего в один гол. На следующий день ко мне подошел тренер известной профессиональной команды «Торонто Мейпл Лифс».

– Ну, как вы чувствовали себя вчера во время матча? – спросил он.

– Плохо, – огорченно махнул я рукой.

– Сочувствую вам. Легче играть в телефонной будке.

В Торонто у местной любительской команды мы тоже выиграли с большим трудом. Канадцы сражались так, словно на карту был поставлен по меньшей мере миллион. Зрителей пришло видимо-невидимо. Газеты писали, что русские спортсмены дают хорошие уроки хоккея, показывая красивую, грамотную, современную игру.

И снова вся основная тяжесть борьбы легла на плечи нашего первого звена...

В Торонто мы посетили Музей хоккейной славы. Прекрасный музей! Здесь о хоккее можно узнать буквально все. В экспозиции представлены и наши известные спортсмены, тренеры... Одно из центральных мест занимает огромный восковой макет, воспроизводящий ситуацию последних секунд восьмого матча сборной СССР со сборной НХЛ – того самого матча, в котором при счете 5:5 они забили в наши ворота шестую шайбу, решившую исход всей серии в их пользу. Мы увидели среди экспонатов стенд, посвященный А. В. Тарасову, клюшку с автографом А. Якушева и мой свитер, загадочно пропавший в сентябре 72-го из раздевалки в Ванкувере.

Семь встреч провели мы в Канаде, во всех семи победили и, вконец измотанные, вернулись домой. Вот тебе и передышка...

...Как-то у дверей раздевалки перед нашей тренировкой уже в Москве меня остановил человек, отрекомендовавшийся работником издательства «Прогресс». Он протянул мне пакет.

– Здесь книга канадского вратаря Кена Драйдена, которую мы издали на русском языке, – сказал он. – Нам бы хотелось услышать о ней ваше мнение.

Книга называлась «Хоккей на высшем уровне» и была посвящена серии встреч 1972 года. Я с удовольствием проглотил ее, еще раз пережив волнующие события трехлетней давности. Один абзац в этой книге заставил меня словно споткнуться, я еще и еще раз перечитал его:

«Совершенно очевидно, что русские – интересные ребята. Было бы здорово потолковать с ними о хоккее. Да вообще о чем угодно. Но никак не получается. Я бы хотел узнать у них, что они думают о канадских профессиональных хоккеистах. Произвели они на них впечатление или нет? Чем именно? Печально, что я не могу этого узнать. На пресс-конференциях можно услышать лишь дипломатичные ответы, лично мне они ничего не дают. Вот сидят парни, которых мы стали уважать, сидят всего в двадцати ярдах от нас, и мы не можем даже поговорить с ними, хотя и общаемся чуть-чуть при помощи пальцев».

Все верно, Кен. Такие же чувства, я знаю, переживает и каждый из нас. Жаль, что пока наше общение, по сути, ограничено бортами хоккейной площадки. А ведь мы могли бы рассказать друг другу немало интересного. Спорт призван сближать людей – я никогда не считал это просто красивой фразой. Но будем откровенны до конца, Кен. Тогда, в 1972 году, не

только языковой барьер мешал нам. Многие твои товарищи не могли перешагнуть через уязвленное самолюбие, ведь мы для вас все еще оставались «жалкими любителями», «цыплятами». Вы смотрели на нас свысока. Потребовалось время, чтобы вы действительно стали нас уважать, как ты пишешь в своей книге.

Что мы думаем о канадских профессиональных хоккеистах? Мои записки в какой-то степени отвечают на вопрос Драйдена. Мы думаем о них, что это превосходные мастера и, за редким исключением, отличные парни. Мы также думаем, что с ними вполне можно играть на равных, что в регулярных контактах двух школ хоккея залог прогресса как любителей, так и профессионалов.

Из какого теста делают вратарей

Чемпионат мира 1974 года проходил в Хельсинки. Начался он с того, что мы крупно проиграли команде ЧССР – 2:7. Настроение было ужасное. Помню, после какой-то игры местный репортер спросил меня:

– Скажите, мистер Третьяк, стали бы вы вратарем, доведись вам снова начать свою хоккейную карьеру?

Я пожал плечами, застигнутый этим вопросом врасплох.

– Не знаю.

– Но все же, – настаивал репортер.

– Подумал бы, – уклонился я от прямого ответа.

Я действительно не мог с абсолютной уверенностью ответить на этот вопрос. К тому времени я уже вдоволь нахватал синяков и шишек, через край хлебнул вратарской доли. Скажи мне кто-нибудь тогда, что играть предстоит еще десять лет, – ни за что бы не поверил.

Когда я выступал за юношей, в нашей команде неожиданно заболел один форвард. Это случилось накануне важных игр, а заменить его было некем. Тогда попросили меня, вратаря, надеть форму этого парня и сыграть на его месте и под его фамилией. В двух матчах я забил две шайбы. Нехорошо, конечно. Каюсь, ведь это была самая настоящая подставка. Но надеюсь, что за давностью лет буду прощен. Мне тогда очень понравилось атаковать чужие ворота. Однако захотел ли бы я всегда быть форвардом? Нет, не уверен...

В 1971 году Жак Плант подарил мне свою книгу «Школа вратаря». Он написал на обложке: «Мне кажется, Вы с удовольствием прочтете эту книгу, поскольку мы подружились во время Вашей последней поездки в Канаду. Вы – один из самых лучших молодых вратарей, которые когда-либо приезжали к нам. Желаю Вам играть еще в течение многих лет и стать самым лучшим вратарем в мире». Я действительно с большим удовольствием и пользой для себя прочитал эту книгу, и кое-что даже выписал оттуда. Например, такую любопытную цитату:

«Напряжение – вот имя игре вратаря... Никогда люди не смогут понять, насколько велико оно, это напряжение. Уилф Кыод (знаменитый профессиональный вратарь. – В. Т.) однажды перед матчем был в таком нервном напряжении, что за обедом швырнул бифштекс в свою жену... Вскоре после этого он решил, что с него хватит, и вышел из игры. Я часто задумываюсь над тем, какой была бы его реакция на изогнутые клюшки и броски с ходу, которые применяют сегодня. А вспомните „мистера Вратаря“ – Тленна Холла. Его все еще можно встретить на стадионе – смертельно больного, постоянно сглатывающего слюну. Нервная система Тленна Холла была настолько подорвана, что часто он не мог сдержать тошноты и остаться в воротах до конца игры».

«У вас может разболеться желудок, – пишет далее Ж. Плант. – Вас может трясти как в лихорадке, будто вы продрогли до костей. В большинстве случаев эти ощущения проходят, стоит только начаться игре. Но если они остаются или повторяются слишком часто, вы должны бросить хоккей, как это сделали до вас многие вратари, которых перенапряжение привело к язвенной болезни».

Может быть, Плант несколько сгущает краски, но в общем он правдиво рассказывает о доле вратаря. В последние годы моей вратарской карьеры я испытывал многие из тех неприятных ощущений, которые описывает Плант. Тошнота, бессонница, боль... Кажется, на

теле не осталось ни одного живого места.

Читаем дальше: «Временами, сидя в раздевалке, вы будете в недоумении спрашивать самого себя, как вы здесь оказались, зачем избрали долю вратаря. Другие игроки станут смеяться и подшучивать над вашими переживаниями. Они не способны думать об игре так, как вы, они не испытывают такого напряжения. Если полевые игроки совершат ошибку, они, возможно, извинятся перед вами, но это будет слишком поздно. Вы не сможете сказать ни слова в свое оправдание в тот момент, когда судья примется выковыривать шайбу из ваших ворот и все взоры будут прикованы к вам, как бы говоря: „Это твоя ошибка. Почему ты пропустил шайбу?“ Болельщики могут освистать вас – будьте готовы и к этому. Такова уж ваша работа».

Канадец справедливо утверждает, что большинство тренеров не имеют ни малейшего представления об игре вратаря. О хоккеистах и говорить нечего. «Никто из них, – с горечью замечает Ж. Плант, – не в состоянии понять, что испытывает голкипер перед матчем и в ходе матча. После финального свистка вратарей вынуждают объяснять, почему им были забиты голы. Как правило, они берут вину на себя. Когда же они пытаются указать на ошибки других игроков, их обвиняют в желании найти оправдание своим промахам».

Или вот еще одно мнение – оно принадлежит Бобби Халлу: «Я бы сказал, что всякий вратарь – играет он в высокочемпионской команде или в команде начинающих – сделан из особого теста. Даже при моей любви к хоккею я рад, что мне ни разу не пришлось испытывать свое мужество игрой в воротах. Каждый тренер ценит хорошего защитника и хорошего нападающего на вес золота, но хорошему вратарю вообще цены нет».

Однажды мне на глаза попала газетная заметка, повествующая о том, что один канадский журналист, задавшись целью написать книгу о судьбе хоккейных вратарей, вышел на лед катка в форме голкипера. Этот 50-летний человек в течение пяти минут защищал ворота команды «Бостон Брюинз» в товарищеском матче с «Филадельфией». Заметка сообщала, что за пять минут журналист пропустил одну шайбу, зато отразил буллит и парировал три броска. Недурно, особенно если учесть, что тренировался он всего две недели...

Но суть не в этом. Интересен сам факт, свидетельствующий о том, что ремесло хоккейного вратаря является загадкой даже для таких всезнающих людей, как спортивные журналисты. Один из них даже решился подвергнуться пятиминутному «обстрелу», чтобы хоть чуточку понять, каково же приходится во время матчей нам, голкиперам. Вряд ли ему пришло бы в голову выйти на лед, задумай этот журналист написать книгу о жизни форвардов.

Все привыкли: начинается матч, и места перед воротами занимают два спортсмена, уже своим внешним видом резко отличающиеся от остальных. Их тела закованы в непробиваемые (якобы непробиваемые!) щитки, лица закрыты масками, а в руках клюшки таких размеров, что кажется – их и ото льда-то не оторвать. Все привыкли, а ведь если подумать: что может быть абсурднее зрелища, когда пять человек изо всех сил швыряют тяжелую, будто булыжник, шайбу в шестого, а этот шестой – вот чудак-то! – вместо того, чтобы увертываться, наоборот, ногами, руками, телом ловит шайбу.

Но попробуйте-ка сегодня не выставить на матч вратаря – нет, это невозможно. Голкипер стал едва ли не самой главной фигурой в команде. Его оберегают от нападения слишком азартных соперников, его, как живой талисман, окружают перед матчем, постукивая клюшками по вратарским щиткам (на счастье!), на него с надеждой смотрят, если конкурент силен и меток, – выручай, вратарь! Никому сегодня и в голову не придет вспомнить о том, что когда канадцы придумали хоккей, то вратарей попросту не существовало. Нападающие были, защитники тоже, а место в воротах оставалось пустым. Вот, наверное, результативные матчи были в те годы!

О нашей вратарской доле ходит много всяких досужих разговоров. Правда в них густо перемешана с легендами. Я, к примеру, однажды прочел, что будто бы в одной из канадских профессиональных команд был вратарь, который за 110 матчей не пропустил ни одного гола, а на его лице было свыше 400 шрамов. Наверное, это вымысел. Зато точно знаю другое: мой знакомый голкипер Джерри Чиверс из ВХА на свою маску наносил изображения швов, которые бы «украшали» его лицо, играй Чиверс без маски. Говорят, за восемь лет канадец нарисовал 120 швов. Между прочим, не только он разрисовывает свою маску. В Канаде я видел вратарей, лица

которых были скрыты за изображениями рычащих львов, кобр, клубных эмблем, флагов...

Конечно, та роль, которую голкиперам исправно приходится играть каждый день, накладывает отпечаток на их характер и образ жизни, но не настолько, чтобы всех, кто стоит в воротах, считать чужаками. Однако могу сказать откровенно: я не встречал среди вратарей плохих людей. Человек неуравновешенный, ненадежный, злой, каким бы талантом он ни обладал, никогда не сможет защищать ворота.

Говорят: вратарь стоит в воротах. Неправда, он не стоит, а играет в воротах. Играет! Бессменно, в течение всего матча, он ловит и отбивает шайбы, его толкают и мешают ему, он совершает спринтерские рывки и немислимые выпады, он весь – внимание и порыв. И он хорошо помнит о том, что вратарю, единственному из всей команды, нельзя ошибаться.

Лев Яшин утверждал, что нет в спорте более благородной должности, чем вратарь. И более трудной, добавлю я.

Быстрота, ловкость, безупречная координация движений, выносливость и сила – вот что требуется вратарю. Некоторые спрашивают: а сила зачем? Не забывайте: голкипер все свои стремительные движения совершает в амуниции, которая весит 15 – 20 килограммов. Вратарю также нужны особая наблюдательность, умение мгновенно ориентироваться, смелость, уравновешенность, интуиция, сильная воля.

Бывает, что за весь период до шайбы дотронешься всего несколько раз, а напряжение такое, что к перерыву еле волочишь ноги. Жак Плант абсолютно прав: напряжение – одна из особенностей вратарской доли, и успешно справляться с ним можно лишь в том случае, если правильно тренируешься и строго соблюдаешь режим.

Бывший вратарь сборной Чехословакии Ладислав Горский подсчитал, что футбольный голкипер вступает в игру в среднем 10 – 15 раз за матч, а хоккейный – более 40 раз!

Да, игра безжалостна к вратарю. А если шайба скользнула в сетку и за спиной, как сигнал бедствия, зажегся красный фонарь, то к вратарю безжалостны бывают и болельщики, и даже его товарищи по команде. Такая уж это должность в хоккее. Вот почему не спится после поражений нам, вратарям.

В нашем деле нельзя добиться успехов за один день. Мало будет и целого года. Несколько лет напряженного труда, неудачи, боль, страх, победы и поражения – только пройдя длинную и трудную дорогу, где больше ухабов, чем ровного пути, вы сможете сказать: я – вратарь. Вы должны отчетливо сознавать это, выбирая из груды клюшек ту, которая тяжелее всех.

...Но вернемся в Хельсинки на чемпионат мира 1974 года.

18 апреля состоялся второй матч со сборной Чехословакии. Перед встречей тренеры «перетасовали» все тройки. Владимира Петрова, который получил травму, заменил Александр Мальцев, а Сашино место занял Лебедев. Мы удивились таким смелым перестановкам (как же сыгранность?), но в общем-то они оказались удачными.

Прямо передо мной, по другую сторону площадки, занял свое место чехословацкий вратарь Иржи Холечек. Не вижу из-за маски его лица, но по тому, как беспокойно Холечек переминается с ноги на ногу, чувствую, что он сильно волнуется. Холечек – великолепный вратарь. Он гораздо старше меня и знаком со всеми тонкостями нашего ремесла. Забить ему шайбу в ближнем бою почти невозможно. У него феноменальная реакция, он смел и расчетлив. Только один недостаток знаю я за Холечеком: пропустив шайбу, он вдруг может разнервничаться и наделать затем кучу ошибок – тут ему и забивают.

Однако первую шайбу в этой игре пропустил не он, а я, когда на пять минут был удален Цыганков. Я посмотрел на скамью штрафников, выгребая шайбу из сетки: Гена сидел весь зеленый от волнения и досады. Лишь во втором периоде после длительной осады Якушев сравнял счет. Холечек, как я и ожидал, после этого расстроился и вскоре снова допустил ошибку. Мальцев вывел нас вперед.

Больше в этом матче шайб мне в ворота не забивали. Но как рассказать, чего это стоило?... Чехословацкие хоккеисты заставляли меня в дикой пляске метаться от штанги к штанге. Их броски были точными и сильными.

Вот шайба у Мартинца. Он еще далеко, почти у красной линии, но я уже «включился» на 98 процентов, я знаю этого хоккеиста – он без промаха бросает с любых дистанций. Вот его партнер с шайбой стремительно накатывается на мои ворота. Бросит сам или сделает передачу?

Я слежу за его глазами. Если он посмотрит на меня, значит, будет бросок; если же отведет взгляд вправо, значит, отдаст шайбу Мартинецу, а уж тот не замешкается. Так и есть: мгновенный пас вправо – держись, вратарь...

Второй перерыв. Пот катит с меня градом, хотя во время матча, в отличие от других, я совсем не пью воды. Я тяжело дышу и, наверное, со стороны выгляжу сейчас довольно жалко. Подходит тренер Борис Павлович Кулагин:

– Потерпи, Владик. Неожиданно он говорит:

– А помнишь, как ты по стадиону двадцать кругов бежал?

Я улыбаюсь (надо же, оказывается, могу еще улыбаться). Вспоминаю, как когда-то, давным-давно, меня, еще совсем мальчишку, пригласили на сбор юношеской команды ЦСКА. И вот в виде наказания за плохо сделанную зарядку заставил нас Кулагин бежать 20 кругов по стадиону. Все ребята были на четыре года старше меня, они без труда справились с таким заданием, а я десять кругов пробежал и больше не могу. Умру сейчас, упаду без сил. Ребята говорят Кулагину:

– Пожалейте Владика. Молод он еще...

– Вот если выдержит Третьяк, будет из него хоккеист, – отвечает им невозмутимо тренер.

Все-таки я добежал тогда до конца. Ума не приложу, как смог.

Значит, не забыл Кулагин тот случай. Я опять неизвестно почему улыбаюсь. Пора вставать, кончился перерыв.

Наша сборная победила в этом матче со счетом 3:1.

В последнем матче чемпионата мы играли со сборной Швеции. Установка была такая: атаковать и атаковать, любыми путями сломить оборону соперников, разбить их защитный вариант. Это нам удалось. Мы забили три шайбы, пропустив лишь одну. Счет мог быть и большим, но вратарь Абрахамссон творил чудеса. Михайлов «расстреливал» его ворота почти в упор, тот брал шайбы. Кристи Абрахамссон – добродушный парень, но на льду он становился неузнаваем, превращался в этакого задиристого петуха: только задень его – сразу бросается в драку, кричит и размахивает клюшкой. По мне, вратарь должен свои эмоции держать глубоко внутри. Зачем же так распалиться?

В шведском хоккее накоплены хорошие традиции подготовки вратарей. Насколько мне известно, голкиперы «Тре крунур» трепетали только перед одним форвардом любительского хоккея – перед нашим Анатолием Фирсовым. После его знаменитого «щелчка» вратари и мигнуть не успевали, как в их ворота влетала шайба. Я иногда думаю: как же мне-то повезло, что Фирсов играл именно в нашей команде и никогда не «щелкал» по моим воротам! Знаю, что некоторые вратари, видя один только его мах, закрывали глаза, капитулируя заранее.

Сразу после этого матча мы поехали в свой отель, чтобы подготовиться к заключительному торжественному приему. Я зашел в соседний номер, где собрались наши игроки. И вот тут-то сказалось все чудовищное напряжение последних дней: закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Я быстро вышел из комнаты...

Заклучительный прием был устроен в концертном зале «Финляндия». Мне вручили приз лучшего вратаря чемпионата.

Мне всегда хотелось быть лучшим. Сначала в своей команде. Потом на чемпионате Европы среди юниоров. Потом в сборной страны. Можно назвать это честолюбием. Ну и что? Мое стремление стать первым не расходилось с интересами коллектива. Напротив, оно было целиком подчинено задачам команды, ее главной цели. И в том, что я наконец добился своего, заслуга моих товарищей по команде, тренеров, и в первую очередь Анатолия Владимировича Тарасова.

Возвращаясь вечером в отель, я думал: нет, теперь-то меня не надо спрашивать, согласен ли я променять свою вратарскую долю на что-то иное.

Суперсерия, или руки вверх перед русскими

Новый, 1976 год мы, как обычно, встретили далеко от дома. Во всем мире Новый год и рождество считаются семейными праздниками. У нас на Родине – тоже. И только мы, хоккеисты, регулярно нарушаем эту традицию. Когда все сидят за столом в окружении родных

и близких и, поднимая бокалы с шампанским, поздравляют друг друга, мы обязательно находимся где-нибудь за тридевять земель, и лишь телефон позволяет нам услышать голоса своих жен, детей и родителей. Что поделаешь, такова спортивная жизнь... Конец декабря – это период длительных зарубежных турне.

Как и всем людям, на финише года мне хотелось обернуться назад, подвести итог прожитому за двенадцать месяцев.

1975 год получился вовсе не плохим. Я мог считать свою спортивную программу выполненной на сто процентов. В Кремле мне вручили орден «Знак Почета». Спортивные журналисты снова, во второй раз подряд, назвали меня лучшим хоккеистом сезона в СССР. Мой сын Дмитрий уже научился всю орудовать клюшкой и теперь требовал, чтобы я с ним играл в хоккей. Мне по-прежнему приходили письма с почтовыми штемпелями разных городов мира. В этих письмах были поздравления с победами, напутствия, просьбы, но больше всего в них было вопросов о хоккее.

Случались и забавные эпизоды, связанные с моим именем. В Детройте, например, прошел слух, что будто бы я собираюсь подписать контракт с клубом «Ред уингс». Там действительно обнаружили человека, выдававшего себя за Третьяка и якобы говорившего с русским акцентом. Проверка показала, что фамилия этого самозванца Тарлифф и что к хоккею он имеет такое же отношение, как я к игре на арфе. Не знаю, что дальше стало с этим мошенником, но говорят, будто до своего разоблачения он сумел крупно заработать, эксплуатируя чужую фамилию.

Другой похожий случай произошел в Бирмингеме. Там, как я слышал, некий «Третьяк» почти месяц жил в доме биржевого маклера, развлекая его историями о своих подвигах на льду.

Приходится только удивляться простодушию американцев, так легко позволяющих себя одурачивать.

Итак, конец декабря 1975 года. Мы приехали в Канаду для участия в матчах с профессионалами на уровне клубных команд. Суперсерия – так и только так называли за океаном эти матчи, в которых два наших клуба – ЦСКА и «Крылья Советов» – должны были встретиться с сильнейшими командами НХЛ.

Канадцы в то время не без оснований утверждали, что клубы у них сильнее, чем сборная.

...Перед самым отъездом в Канаду я почувствовал, что наконец-то обрел боевую форму. До этого игра часто не клеилась, а тут все встало на свои места, и шайба теперь была у меня как дрессированная. Я чувствовал себя великолепно. Даже ветераны нашего клуба удивлялись:

– Ну, Владик, ты будто заново родился.

Как-то на тренировке я защищал ворота, играя за звено Владимира Петрова... Мы вели в счете.

– Конечно, – с обидой сказал Петрову лидер наших соперников Владимир Викулов. – У вас Третьяк стоит, а ему не забить.

– Поменяемся, – с готовностью предложил Петров. – Дело не в Третьяке. Играть надо лучше, вот и все.

Поменялись. Я встал в ворота команды Викулова, и теперь уже она уверенно повела в счете.

Простите за нескромность. Но этот эпизод вспомнился мне в связи с рассказом о суперсерии. В конце 75-го я постоянно испытывал то, что, вероятно, можно назвать хоккейным вдохновением.

Как хорошо, что это случилось именно в декабре...

В Монреале мы вначале почувствовали себя очень неудобно. Во-первых, было страшно холодно. Мороз стоял просто убийственный. Разница во времени сказывалась очень остро. Все тело ломало. Постоянно хотелось спать. И почему-то всех одолевала мучительная жажда. Видимо, виной тому была непривычная для нас пища. Все красиво, аппетитно, но безвкусно или с каким-то непривычным привкусом. Даже картошка и та казалась странной.

Поселили нас в отеле «Элизабет». Как и раньше, команду дружно осадили канадские журналисты – их вопросам не было конца.

Фанатичная любовь канадцев к хоккею общеизвестна. Но если раньше кумирами для них были свои и только свои звезды, то теперь все изменилось. Мы чувствовали это на себе. Любой полисмен приветливо улыбался, узнав нас на улицах Монреала. Даже Гарри Синден, бывший

тренер сборной НХЛ, враждебно настроенный к нам после серии 1972 года, теперь сменил тон. Вот что мы прочитали в одной из газет за его подписью: «Русские сильны не только коллективной игрой, тщательно разработанной тактикой и до дюйма выверенным пасом. Оказывается, у них к тому же есть способные смело и инициативно сыграть хоккеисты. Кроме того, они фантастически меткие. У нас кое-кто сравнивает Харламова с Риком Мартином, но кроме Харламова у русских немало других индивидуально сильных форвардов. А сколько у нас Мартинов?»

Впрочем, к этим похвалам мы относились сдержанно и не принимали их всерьез. Мы знали, что недостатков у нас тоже хватает.

В канадских и американских газетах теперь уже никто не писал, что «хозяева съедят нас сырыми», но все же большинство обозревателей отдавало предпочтение профессионалам. Каково же было наше удивление, когда, открыв «Журнал де Монреаль», мы прочли в этой газете вот такой заголовок: «Руки вверх перед русскими». А чуть ниже хоккейный обозреватель спрашивал читателей: «Хотите мой прогноз? Я отдаю предпочтение советским хоккеистам. Они одержат пять побед при двух поражениях и один матч сведут вничью. Я, конечно, хотел бы ошибиться, но...»

Насколько мне известно, этот журналист оказался едва ли не единственным человеком в Канаде, правильно предсказавшим итоги суперсерии.

Хозяева устроили прием в монреальском «Форуме» для ЦСКА и «Крыльев Советов». Оттуда мы сразу направились па тренировку, и все игроки «Монреаль канадиенс» потянулись за нами – смотреть. Ничего похожего на прошлые серии: «профи» внимательно наблюдали за каждым советским спортсменом, что-то записывали, на лицах – смесь уважения и восторга. Я опять не мог не вспомнить сентябрьские дни 1972 года – сколько спеси, высокомерия и презрения демонстрировали нам тогда и игроки, и руководители НХЛ! Куда все это подевалось?

Потом паша команда вылетела в Нью-Йорк для встречи с «Нью-Йорк рейнджерс».

Встретили нас там неважно. Долго не могли разместить в отеле. Не очень-то торопились накормить ужином. Ребята нервничали: «Они что, специально нас хотят разозлить?»

Когда начался матч, мы оказались в положении догоняющих, но это лишь раззадорило армейских форвардов: «Ах так? Ну, держись, Эспозито!» Противникам был навязан быстрый, темпераментный хоккей. Мне кажется, соперники временами просто не успевали понять, что происходит на площадке. Даже их вратарь был в смятении и ничем не смог помочь своей команде.

– О, эти круговые комбинации!... Я смотрю по сторонам, когда они начинают свою карусель, и не могу сообразить, где же наши игроки, – сказал после матча Пит Стемковски.

В одной из газет я прочитал: «А может быть, это вовсе не мы, а русские изобрели хоккей? Во всяком случае, так могло показаться вчера на льду „Мэдисон сквер гарден“. Не кто иной, как Борис Александров, показал „рейнджерам“, как надо играть в хоккей».

Но вернемся к матчу. На лед возле меня упало тухлое яйцо. Игра была остановлена. Я посмотрел на трибуну. Там полицейский держал за шиворот какого-то зрителя с оттопыренными карманами. Потом полисмен принялся лупить своими кулачищами по этим карманам. Оказывается, этот тип принес полные карманы тухлых яиц. Хорошая там у них получилась «яичница»...

В конце матча в меня бросили бумажным стаканчиком. Повернувшись в сторону трибуны, я показал рукой на табло: «Лучше посмотри на счет, хулиган». А счет был 7:3 в нашу пользу.

У соперников, как мы и ожидали, лучше всех выглядел Эспозито. Он и три года назад был сильнейшим. Тогда его называли «забияка Фил». Похоже, в той серии Эспозито так и не смог примириться с тем, что советские хоккеисты на равных играли с профессионалами. Фил играл превосходно, но иной раз выходил «за рамки», и нельзя сказать, чтобы мы тогда расстались друзьями.

Теперь Эспозито стал сдержаннее. Признал за нами право на большую игру. Хозяева «Бостон брюинз» перепродали Эспозито клубу «Нью-Йорк рейнджерс». Мы в Бостоне спросили, чем это было вызвано, и с удивлением услышали в ответ, что в «Бостон брюинз» считают совершенную сделку чрезвычайно выгодной для себя.

– Важно вовремя избавиться от стареющего игрока, – пояснили нам. – Еще немного, и Эспозито уже никто бы не купил.

Да, изменился наш старый приятель. На коньках он бегал уже не так быстро, как раньше, и из-за этого не успевал вернуться к своим воротам. Но блестящая техника, мощная игра на «пяточке» и поразительное чутье по-прежнему были верными козырями Эспозито. После игры в Нью-Йорке он скажет:

– Я предупреждал своих партнеров, что с русскими надо быть начеку, но они смеялись надо мной...

На следующий день мы вернулись в Монреаль и прямо из аэропорта в хорошем настроении поехали на каток – тренироваться. Мы понимали, что главные, самые трудные матчи впереди. Нашим следующим соперником был «Монреаль канадиенс» – именитейший клуб в НХЛ, законодатель мод, поставщик звезд, 18 раз владевший к тому времени Кубком Стэнли.

Без всяких преувеличений скажу: вся Канада жила этим матчем. Ажиотаж достиг невероятного накала. Считалось, что «Монреаль канадиенс» должен дать решительный бой советским хоккеистам.

– Мы обязаны заявить миру, что лучшие хоккеисты играют в этих стенах, – сказал хоккеист НХЛ Лапойнт журналистам, показав на своды «Форума».

Да, «Форум» на своем веку видел немало выдающихся мастеров, великолепных матчей. Снаружи этот хоккейный дворец ничем не примечателен. Построен он, прямо скажем, без особой архитектурной фантазии. Бетонный куб среди множества таких же, довольно безликих, домов. Вы можете пройти мимо и даже не понять, что это тот самый «Форум» – святая святых канадского профессионального спорта, главный храм хоккея, куда стекаются тысячи паломников. Красотой он не вышел, зато внутри там есть все для того, чтобы спортсмены, зрители, судьи, журналисты могли с комфортом поклоняться своему божееству – Хоккею.

Несколькими годами позже генеральный менеджер «Монреаль канадиенс» Серж Савар – тот самый, кто в 1972-м был игроком сборной НХЛ, могучий, с карими глазами и красиво очерченными губами канадец французского происхождения – показал мне весь «Форум» от чердака до подвала. Его рассказ, по-моему, будет интересен и вам.

– Наши трибуны насчитывают 16 076 сидячих мест и еще 2 тысячи человек могут смотреть хоккей стоя, – говорил мне Савар, показывая на ряды кресел, круто уходящих под самую крышу. – Впрочем, когда в 72-м году мы с тобой встретились на этом льду, сюда набилось 22 тысячи зрителей. «Форум» был построен в 1924 году, но его трибуны тогда вмещали только 5 тысяч мест. Он выдержал три реконструкции. Последняя, в 1968 году, сделала здание таким, каким его видят сегодня.

Савар хитро улыбается:

– Если бы кто-то из великих советских хоккеистов согласился год-другой поиграть за «Монреаль», мы бы снова перестроили «Форум», сделав его в два раза вместительнее.

Здесь проходит 50 хоккейных матчей за сезон, а кроме того – цирковые и эстрадные представления, ледовые ревю, выставки автомобилей, концерты рок-музыки, соревнования по гимнастике, волейболу, баскетболу. Во время летней Олимпиады-76 «Форуму» доверили финальные поединки боксеров.

– Мы продаем два миллиона билетов в год, – добавляет менеджер по административным вопросам и, как я понимаю, правая рука Савара, остроумный Джерри Грудман. – На этой арене мы могли бы проводить даже бои быков.

Савар затягивается сигарой, добровольно уступая инициативу своему помощнику, а тот охотно принимает обязанности гида:

– Это буфеты и бары. Их ровно столько, чтобы за девять минут успеть накормить всех зрителей.

– Почему за девять?

– Перерыв длится пятнадцать минут – так? Три минуты болельщику даем, чтобы выйти в фойе, три – чтобы войти обратно. Остается девять. Все двери, – с гордостью говорит Грудман, – у нас можно открыть одновременным нажатием кнопки на пульте. Почти 20 тысяч зрителей спокойно покидают помещение всего за двенадцать минут.

Из рассказа Джерри Грудмана я понял, что посещать хоккейные матчи в Монреале – увлечение накладное. В среднем билеты стоили по шесть долларов, но чтобы сидеть на хороших местах, надо было платить 17,5 доллара. Две с половиной тысячи человек являются обладателями постоянных сезонных абонементов на матчи – это так называемые члены клуба «Монреаль канадиенс», элита канадских болельщиков. Вступить в клуб почти так же трудно, как стать членом английского парламента. Места передаются по наследству, юридически завещаются ближайшим родственникам. Некоторые состоят в клубе по 35 – 40 лет. Им отведены в «Форуме» специальные, с комфортом оборудованные помещения, а на трибунах – застекленные угловые галереи.

Вообще, как и во всяком солидном заведении, традиции здесь чтут очень строго. Скажем, эмблема «Монреаль канадиенс» остается неизменной почти семь десятилетий.

Для журналистов в «Форуме» предназначена галерея прессы. Это что-то наподобие металлического балкона, подвешенного под самым потолком, где каждое место персонально закреплено за ведущими хоккейными обозревателями. Вот кресло с пюпитром № 57, на нем металлическая табличка – «Жан Беливо». Напротив, по другую сторону площадки, – такая же галерея, предназначенная для корреспондентов телевидения и радио.

В пресс-центре «Форума» стоят телетайпы, телефоны. Есть табло, которое показывает счет матчей, проходящих на других катках лиги. Стены украшены портретами капитанов команды: Сержа Савара, Анри Ришара, Боба Гейни, Ивана Курнуайе, Жана Беливо, Мориса Ришара... За стеклами витрин пожелтевшие от времени газеты с репортажами о триумфах «Монреаль канадиенс», другие реликвии.

Вообще, надо сказать, во всем том, что касается уважения к своим верным болельщикам и хоккеистам, у канадцев можно поучиться. Савар показал мне помещение, которое специально предназначено для ветеранов команды. Это своеобразный клуб, членом которого становится каждый, кто сыграет за «Монреаль канадиенс» не менее ста матчей. Сюда он может приходить с членами своей семьи, отдыхать, встречаться с коллегами, общаться с журналистами.

– Ни одна команда НХЛ до этого еще не додумалась, – с гордостью сообщил Савар.

На стене раздевалки – большие, прекрасно выполненные фотографии ветеранов. Над ними – крупная надпись: «Из своих уставших рук мы передаем вам эстафету, которую вы должны с честью нести дальше». Другая стена раздевалки сплошь увешана черными досками, на которых золотом выведены все составы «Монреаль канадиенс» за многие годы. Мелочи? Я бы так не сказал. Это те самые детали, которые и делают атмосферу по-настоящему «клубной», приучают игроков дорожить именем и честью команды.

Вплотную к раздевалкам примыкают разминочный зал, кабинет скорой медицинской помощи, включая операционную, сауна, бассейн, холлы для совещаний игроков, оборудованные видеоаппаратурой. Есть даже комната, в которой коротают время в ожидании финального свистка жены хоккеистов. Она небольшая, но очень уютная.

В вестибюле мы увидели галерею бронзовых бюстов.

– Это те, кто внес наибольший вклад в развитие монреальского хоккея, – пояснил Савар. Он стал перечислять имена и профессии: тренер, архитектор, писатель, журналист, игрок, комментатор... Откуда-то из-за широкой спины Сержа вновь показался Джерри Грудман.

– Следующий бюст должен быть моим, – лукаво сказал он. – Потому что я начинал в «Форуме» с должности мальчика на побегушках, а теперь, – он выпятил свою хилую грудь, – мистер Савар не может без меня шагу шагнуть.

– О'кей, Джерри. – Добродушие генерального менеджера было непробиваемо. – Но для начала ты поможешь мне три раза подряд завоевать Кубок Стэнли.

...Итак, нам предстоял решительный бой со знаменитым клубом НХЛ в главной цитадели канадского хоккея. Не только стадион – весь город был в этот вечер словно наэлектризован. Желание победить у канадцев было настолько велико, что даже заливщики льда, как нам потом говорили, постарались «подыграть» своим: они специально сделали лед вязким и бугристым, чтобы испортить нашу игру в пас.

Появление хоккеистов на льду трибуны «Форума» встретили таким ревом, какого я еще никогда не слышал. По сравнению с ним реакция нью-йоркской публики могла бы считаться мертвой тишиной. Во время игры я всегда стараюсь подсказывать что-то своим партнерам,

давать какие-то советы. Здесь же делать это было абсолютно бессмысленно – я не слышал собственного голоса.

Сначала канадцам удалось сломить нашу оборону, и они повели в счете. 2:0 – так закончился первый период. Нашим форвардам долго не удавалось наладить контратаки, не получались игра в пас и коллективные действия. Соотношение бросков по воротам – 10:4 в пользу соперников. Одним словом, первый период был проигран нами вчистую.

Но, к счастью, никто из моих друзей не поддался панике. В раздевалке тренеры рекомендовали игрокам быстрее кататься по всему полю, точнее адресовать друг другу шайбу. «И дело пойдет», – уверенно сказал Локтев. Очень хорошо, что наши тренеры в самых критических ситуациях никогда не кричат на игроков, не осыпают их бранью. Если даже они раздражены и взвинчены, то все равно вы не услышите от тренеров резких или грубых слов. Накричать на игроков во время матча – значит окончательно сбить их с толку.

Второй период мы начали в меньшинстве: двухминутное наказание отбывал Жлуктов. Вот где мне пришлось потрудиться! Канадцы, кажется, превзошли самих себя. Броски следовали один за другим, и все сильные, точные. Но мы выстояли, а через некоторое время Михайлов сократил разрыв в счете.

Потом были удалены Солодухин и Гусев. Ребята втроем отчаянно оборонялись, но шайба после сильнейшего броска Курнуайе влетела-таки в мои ворота. Я, честно признаться, ее и не видел – такая там передо мной была свалка. И снова канадцы атакуют...

Я люблю играть, когда трибуны полны и зрители не щадят ладоней. Более того, мне иногда кажется, что играть интереснее, если зрители болеют против меня. Существует такое понятие (хорошо знакомое преподавателям и артистам) – «контакт с аудиторией». Так вот, наилучшим образом я ощущаю этот контакт, приподнятость, вдохновение, когда многотысячный зал не отрываясь следит за моими воротами, жаждет увидеть в них черный каучуковый кругляш, а я ловлю его, отбиваю его, грудью падаю на него. Нет, не видать вам, голубчики, шайбы в моих воротах! Из-под груди тел я в очередной раз поднимаюсь со льда и, подсознательно отмечая, что цел и невредим, разжимаю ладонь – ловушку. Вот она, ваша шайба... И все начинается сначала.

Знакомый канадский журналист однажды спросил, почему я все лучшие матчи провел против профессионалов.

– Именно потому, что они профессионалы, – ответил я. И добавил, ничуть не шутив: – Чем сильнее соперник, тем уверенней я чувствую себя в воротах.

В этом матче, как, впрочем, и в других, почему-то было очень много затяжных пауз. Хоккеистов и болельщиков во время задержек развлекал орган, а местное телевидение тоже не дремало: своих зрителей в ходе трансляции хоккея оно умудрялось накормить фантастическим количеством разной рекламы. Мне показалось, что эти паузы были на руку канадцам. Ведь высокий темп – это наше оружие, мы можем провести весь матч вообще без перерывов.

Харламов забил гол-красавец! Он со сверхзвуковой скоростью проскочил между двумя защитниками, хладнокровно обыграл вратаря Драйдена и завершил свой потрясающий рейд точным броском.

В третьем периоде канадцы снова бросились на штурм. Здорово они играли, ничего не скажешь. И Пит Маховлич, и Лефлер, и Курнуайе сражались азартно, смело, честно. Матч в Монреале оставил у всех нас самое прекрасное впечатление. В моем понимании это и есть настоящий хоккей – скоростной, комбинационный, жесткий (но не грубый), с увлекательным сюжетом. Я был бы не против сыграть этот матч еще раз.

Последний гол в этот новогодний вечер забил Борис Александров. 3:3!

Пита Маховлича, Ивана Курнуайе и меня назвали лучшими игроками встречи. Нас оставили на льду и втроем сфотографировали на память. Трибуны безумствовали. Когда сейчас, спустя несколько лет, я смотрю на эту фотографию, то до мельчайших деталей вспоминаю замечательный вечер в Монреале.

На следующее утро я прочел: «Скотти Боумен – тренер монреальцев – утверждает, что ни в одном матче этого сезона его команда не имела столько возможностей для бросков по воротам, как во встрече с ЦСКА. Он же говорит: „Любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своей кожи осколки пропущенных шайб, как шрапнель. Любому другому, но

только не Третьяку. Этот русский лейтенант украл у нас победу“». Если быть справедливым, то это не совсем точно. Не я украл победу у «Монреаль канадиенс». Я просто добросовестно сделал то, что мне полагалось, а все остальное хорошо сделали другие.

Канадцы считали открытием суперсерии Бориса Александрова. Ну, для нас-то он не был никаким открытием. Еще года два назад на тренировках Борис забивал мне больше шайб, чем даже Харламов. Он «леворукий» – к такому форварду нам, вратарям, очень трудно приспособиться. Кроме того, он, безусловно, одарен от природы и настойчив. На льду Александров беспрерывно импровизировал, все время «гнул» свою хитроумную линию, а заметив малейшую щель в воротах, бросал без промаха. Этот хоккеист мог бы стать достойной заменой Валерию Харламову. Мог бы... Но увы. Постоянные нарушения дисциплины помешали развиться его таланту.

После матча мы поехали в советское генконсульство на встречу Нового года. По-моему, все остались довольны итогом матча: и наши соперники, и мы, и зрители. За несколько минут до полуночи я подошел к телевизору. Повторяли наиболее острые моменты встречи, а потом комментатор в восторге посыпал свою голову конфетти и крикнул: «Ура! Ничья! С Новым годом!» Так закончился этот незабываемый вечер.

Назавтра все канадские игроки заявили, что сыграли лучший матч своей жизни. Большинство экспертов и зрителей говорили о том, что ничего подобного они не видели уже много лет. Однако некоторые рассуждали примерно так: «Раз монреальцы сделали 38 бросков по воротам, а ЦСКА всего 13, то значит, преимущество было на стороне хозяев льда, а стало быть, они больше заслуживают победы». Однако этот довод нельзя признать состоятельным. Весь фокус – в различии игрового стиля советской и канадской команд. Профессионалов с детства учат не задумываясь швырять шайбу по воротам, едва только появляется возможность. Наши же игроки обстреливают ворота только наверняка, они любят «повозиться» с шайбой, поиграть в «кошки-мышки» с защитниками и вратарем соперников. Трудно сказать, чей стиль лучше. Скорее всего, гармония где-то посередине.

Во всяком случае, после матча с «Бостон брюинз» тренер Дон Черри заявил:

– Теперь количество бросков по воротам вряд ли останется критерием оценки наших хоккеистов. Какой же, в самом деле, прок в том, что в третьем периоде матча с ЦСКА игроки «Брюинз» стреляли по воротам соперника 13 раз, но ни разу не добились успеха?! А вот русские сделали только 6 бросков и забили 2 шайбы.

Но я забежал вперед.

5 января наша команда прилетела в Бостон. Здесь должен был состояться решительный матч суперсерии. «Бостон брюинз» – это тоже один из самых именитых и сильных клубов.

Тренировались мы вначале не на главном катке – там сломалась холодильная установка, – а далеко за городом. Хоккейный стадион в Бостоне очень старый. Если не ошибаюсь, он был построен еще в 1926 году. Это огромное и мрачноватое здание. Есть у него, правда, одно преимущество перед другими (для нас, во всяком случае): ледяная площадка там не такая тесная.

Бостонские хоккеисты, воодушевленные победой «Буффало» над «Крыльями Советов», страстно хотели обыграть нас. Гарри Синден – бывший тренер сборной НХЛ, а теперь менеджер «Бостон брюинз» – по пятам ходил за нашей командой. На одну из тренировок ЦСКА он привел всех своих парней. Они уселись поближе к бортику и сосредоточенно наблюдали за каждым советским хоккеистом. Это пристальное внимание заставило каждого из нас подтянуться, стать собраннее, еще раз прочувствовать важность предстоящего поединка.

Но до матча еще оставалось несколько дней. Очень важно сейчас было не перегореть, не спалить попусту в переживаниях ту нервную энергию, которая ох как могла понадобиться 8 января. После тренировок мы много гуляли по городу. Погода здесь, не в пример монреальской, стояла теплая, снега совсем не было. Охотно приняли предложение хозяев сходить на концерт современной музыки. С удовольствием посмотрели баскетбольный матч с участием профессиональных команд.

Когда я остаюсь один, то обычно мысленно готовлюсь к предстоящей встрече, анализирую действия соперников, нахожу в них сильные и слабые стороны. На этот раз я рассуждал так: «Бостон брюинз» – команда, с которой нам предстоит встречаться впервые, но

если иметь в виду, что она яркий представитель традиционной канадской школы, то можно выстроить воображаемую модель игры. Конечно, они сразу бросятся на штурм. Ошеломить, смять соперника, выбить его из равновесия, забросать шайбами – профессионалы еще в 1972 году не без успеха демонстрировали такой хоккей. Значит, особенно серьезно надо настраиваться на первые минуты встречи – они могут стать решающими.

Нас очень интересовало, выйдет ли на лед Бобби Орр. Это, как утверждали, самая яркая звезда профессионального хоккея и очень славный парень (в чем мы сами могли убедиться не один раз). Наша команда начинала свои тренировки в десять часов утра, а «Бостон Брюинз» – в одиннадцать. Бобби же появлялся на катке еще раньше нас. Он сам тщательно готовил свою клюшку, долго и терпеливо разминался. Орр уже три месяца не участвовал в матчах: его левое колено плохо заживало после травмы.

Если верить газетам, то каждый матч с участием Бобби Орра – это целое событие в канадском хоккее. Нам, правда, так и не удалось увидеть его в деле: травмы роковым образом преследовали канадца.

У нас было время подружиться с этим невысоким, крепким парнем, у которого на лице почти всегда самая искренняя и добрая улыбка. Только однажды я видел его печальным.

– Тут говорят, что я просто испугался советских хоккеистов и, чтобы не уронить свой престиж, отказываюсь участвовать в матче, – с обидой и недоумением сказал нам Орр. – Но это неправда. Я долго мечтал об этой встрече. Кто же знал, что так получится!

Бобби посмотрел на свое колено, а мы постарались успокоить его, сказав, что впереди еще много матчей.

– Приезжай к нам. Мы тебе за месяц ногу починим, – вполне серьезно добавил врач нашей команды Игорь Силин.

...Как я и думал, матч начался яростными атаками хозяев. И без Орра бостонцы были очень сильны. С первых же секунд они применили свой излюбленный вариант игры – бешеное давление по всему полю. Темп был такой, что казалось – сил игроков хватит ненадолго. В первом периоде хозяева 19 раз бросали по моим воротам. Серией острых атак ответили Валерий Харламов и Борис Михайлов. А счет так никто и не открыл.

«Это была не просто игра – такой, какой она должна быть; это была поэма движений – именно так ее воспринимали те, кто до тонкостей разбирается в хоккее», – напишут утренние газеты.

Второй период начался с того, что я совершил грубую ошибку. Форбс бросил издали, и шайба, попав в край щитка, отскочила прямо в ворота. Стоило чуть-чуть ослабить внимание, упустить из виду шайбу, и вот пожалуйста, она уже трепыхается в сетке. Давно я так не ошибался... Но соперники, кажется, уже выдохлись. Харламов, Мальцев, Цыганков, Александров точно бьют по воротам. Борис Александров так хладнокровно обыграл вратаря Жильбера, что зрители загудели от восторга. Отлично сыграл наш капитан Борис Михайлов. Шайб он забил меньше, чем его партнеры, но зато с какой отдачей, как самоотверженно и ярко провел Борис все четыре встречи!

После игры в Бостоне один канадский корреспондент спросил меня, как, по моему мнению, сложится четвертый, заключительный матч суперсерии – с «Филадельфией Флайерс».

– У нас хорошее настроение, – ответил я. – Вы же видели! Если филадельфийцы не станут грубить, то результат у нас будет не хуже, чем сегодня.

Увы, последний матч испортил наше хорошее настроение.

Я думаю, хозяева льда все отрепетировали заранее. Еще на приеме, за два дня до игры, они дали нам понять, что не намерены церемониться с советскими хоккеистами. Обладатели Кубка Стэнли продемонстрировали свое если не враждебное, то откровенно недружественное отношение. Никто не подошел к нам, не поздоровался. Даже местных журналистов покорило такое явное негостеприимство.

Что было дальше – даже вспоминать не хочется. Хоккея не получилось. Игру «Филадельфии Флайерс» нельзя считать чистой, а победу – заслуженной.

Кстати, примерно таким же образом высказались после этого матча и многие заокеанские хоккейные авторитеты. Например, Бобби Халл сказал, что он возмущен игрой филадельфийцев.

– Клюшки даны нам не для того, чтобы устраивать побоища, а чтобы доставлять зрителям

удовольствие игрой, – справедливо заметил Халл.

Газета «Нью-Йорк таймс» назвала встречу «триумфом террора над стилем». А ведь эту газету никак не заподозришь в симпатиях к русским!

И только тренер «Филадельфии флайерс» Фред Шеро, когда-то приезжавший в Москву учиться хоккейной методике, изо всех сил старался представить дело так, будто победа досталась его питомцам вполне заслуженно. В его рассуждениях абсолютно отсутствовала объективность. «Игроки команды „Филадельфия флайерс“, – писал он, – это не банда головорезов. Мы – лучшая хоккейная команда мира. Нас критиковали... за то, что мы самая лучшая команда... Просто у нас больше храбрости, чем у любой другой команды».

Такой откровенно хвастливый монолог Ф. Шеро произнес не в какой-нибудь теплой компании. В таком тоне выдержана вся его статья, напечатанная в то время в одной из крупнейших американских газет. В ней есть и еще масса забавных строк.

«Мы мастерски провели матч с русскими. Он показал, из какого материала сделаны наши игроки. Мне эта игра принесла большее удовлетворение, чем выигрыш Кубка Стэнли...»

В последние несколько недель я разъяснял игрокам, как следует играть с русскими, основой была выдержка... Наша выдержка была вознаграждена, и я думаю, это сбilo русских с толку. Именно потому, мне кажется, они покинули поле в первом периоде...»

Ну уж нет, увольте, мистер Шеро. Что же такое в вашем понимании выдержка? Удары исподтишка, пинки, подножки, грубые столкновения? Вы пишете, что «русские были в полном смятении» потому, что филиладельфийцы играли «дисциплинированно и очень терпеливо». Да, мы действительно не понимали того, что происходит. Но совсем по другой причине. Просто раньше никто из нас не знал, что кучка головорезов, надев коньки, на глазах тысяч зрителей безнаказанно может охотиться за хоккеистами.

Когда тренеры в первом периоде увели нашу команду с катка, не считая возможным продолжать матч в таких условиях, мы были уверены, что больше не выйдем на лед. Ни один хоккеист из ЦСКА не хотел играть с филиладельфийцам. Каждого из нас могли ударить сзади, подцепить клюшкой, пнуть коньком – ну какой же это спорт? Это ничего общего не имеет со спортом.

Не забывайте еще и о том, что меньше чем через месяц после Филадельфии нам предстояло участвовать в олимпийском турнире. Тренеры строго-настрого запретили игрокам ввязываться в стычки. Мы должны были вернуться домой в полном здравии, а не покалеченными.

Только после долгих заверении хозяев в том, что игра будет продолжаться в рамках правил, наша команда вернулась на площадку. Вернулась без всякого настроения. У нас словно все погасло внутри, мы не играли, а доигрывали. Филадельфийцы добились своей цели, но разве можно их победу считать справедливой?

Я не думаю, что «Филадельфия флайерс» – сильнейшая команда НХЛ, хотя она два года подряд завоевывала Кубок Стэнли. Ведь то, что она продемонстрировала 11 января 1976 года, считается ее обычным стилем. Этот клуб – «абсолютный чемпион мира» по штрафам и наказаниям. Даже по профессиональным меркам манера филиладельфийцев считается чудовищно жестокой.

Пусть вас не введет в заблуждение мой слишком взволнованный тон. Не думайте, что события на катке «Спектр» явились для меня каким-то откровением. Нет, мы и раньше сталкивались с грязной игрой профессионалов – и в 1972, и в 1974 годах. Но то, что случилось в Филадельфии, было апофеозом профессионального хоккейного бандитизма. Даже много дней спустя я не мог без содрогания вспоминать об этом. И не только я. В мировой спортивной печати появилось много статей, в самых резких тонах осуждающих Ф. Шеро и его головорезов. Приведу выдержку из одной такой статьи.

«Мне хочется обратиться к разуму и совести самих профессионалов. Вы честно зарабатываете на жизнь. Сто матчей в году – это огромный и тяжелый труд. Вам нужно как воздух крепкое здоровье. Та „колотушка“, которую ваши боссы стараются дать вам в руки вместо клюшки рыцарства и истинного мастерства, имеет ведь два конца. Не гневите противника. Знайте, что и его терпение имеет предел» – так недвусмысленно обратился к профессионалам А. В. Тарасов, и я целиком согласен с ним. Еще никому и никогда не

удавалось запугать советских хоккеистов.

...Суперсерию мы выиграли. «Крылышки» тоже великолепно сыграли за океаном. И их итог – победный. Советский хоккей еще раз достойно подтвердил, что он на передовых позициях.

Секретов нет

Однажды во время очередного турне советской сборной по Северной Америке я наткнулся в одной из местных газет на статью, которая называлась «Загадка Третьяка». Журналист совершенно серьезно обвинял меня в том, что я использую против соперников силу гипноза. Приводились высказывания двух профессионалов, встречавшихся со мной на льду. Один из них примерно так рассказывал о собственных ощущениях: «Я перехватил шайбу и ринулся к воротам русских. И вдруг почувствовал па себе чей-то пристальный, проникновенный взгляд. Я поднял голову и понял: на меня смотрит Третьяк. Совершенно спокойно и уверенно. Будто зная наперед, как я буду атаковать и куда я буду бросать шайбу. Я хотел сделать обманный финт, передать шайбу партнеру, но не смог воспротивиться какому-то мощному притяжению, исходившему от этой неподвижной фигуры в воротах. В последний момент я стал нервничать, бросил шайбу наугад, и, естественно, Третьяк поймал ее».

Мне, конечно, было смешно читать такие небылицы о своей игре. Признаюсь вам честно: никаким гипнозом я никогда не пользовался – не обладаю такими способностями. И если меня признавали лучшим вратарем многих хоккейных соревнований, если удалось мне установить своеобразный рекорд – за сто шестьдесят минут игрового времени не пропустить ни одной шайбы, – то дело здесь не в таинственной силе. Добиться этого вратарь может только за счет своего мастерства, характера и трудолюбия. Я преодолел в себе страх, не боялся шайбы. Заметил: чем увереннее чувствую себя в воротах, тем неувереннее играют против меня соперники. Так сказать, психологический эффект наподобие закона сообщающихся сосудов, хорошо известного всем из школьного учебника физики.

Из своего мастерства я никогда не делал особых секретов. Моими тренировками часто интересовались журналисты, специалисты. И я всегда охотно отвечал на их вопросы, показывал, как готовлюсь к матчам. Потому что, на мой взгляд, нельзя механически перенять, украсть приемы мастерства. Их нужно чувствовать и постоянно развивать у себя. Они органически связаны с твоим игровым опытом и без него особой ценности не представляют.

Конечно, у любого вратаря есть свои любимые, «фирменные» приемы, а также своеобразные «домашние заготовки» на каждую игру. Такие секреты голкипер, естественно, старается скрыть от соперников, которые могут применить против них свою контригру. Ну, например, когда я только-только пришел в хоккей, за свердловский «Автомобилист» играл хороший вратарь Виктор Пучков. Один раз его брали даже на чемпионат мира – дублером Виктора Зингера. У Пучкова был коронный прием. Когда форвард выходил с ним один на один, вратарь неожиданно бросался ему в ноги и отбирал шайбу. Решительные действия голкипера заставляли атакующего как бы врасплох, и он пасовал в этом поединке.

Так продолжалось до тех пор, пока форварды не разгадали тактику Пучкова. И сразу же нашли против нее свои приемы. Сначала они укладывали вратаря на лед, а затем спокойно объезжали его и забивали шайбу в пустые ворота. Вскоре мне тоже пришлось отказаться от таких выпадов. Я понял, что в современном хоккее, с постоянно возрастающими скоростями и комбинационными действиями, распластавшийся па льду вратарь уже бессилён исправить свою ошибку.

Пришлось искать собственные приемы защиты ворот. Непростым был этот поиск, не сразу приводил он к результатам. Когда я начал отбивать шайбы внешней стороной конька, точнее, носком и нависшим над ним щитком, Тарасов меня сначала здорово отругал.

– Что это за новости, молодой человек? – накинулся он на меня. – До вас в хоккее лучшие наши вратари – и Пучков, и Зингер, и Коноваленко – играли в такой ситуации внутренней стороной конька...

И показывал мне не совсем простое вращение конька, которым увлекались мои предшественники.

Но, как ни высок был для меня авторитет ветеранов, как ни строг был Тарасов, я продолжал играть по-своему. Потому что чувствовал: мне так удобнее, так быстрее преграждать дорогу шайбе. И хоккейная жизнь показала, что я был прав. Сейчас так отбивает шайбы большинство вратарей.

Еще один мой игровой секрет, о котором я никогда раньше не рассказывал. В последние годы я научился играть «по глазам». Возможно, это и дало повод некоторым хоккеистам обвинять меня чуть ли не в гипнозе. В чем суть этого приема? Долгое время я тренировал в себе способность предугадывать действия нападающих. Выходя на лед, я всегда держал в памяти целую картотеку па соперников, которые были наиболее опасны для моих ворот. Ведь каждый игрок действует на льду по своему, особому стереотипу. Нужно только понять механизм его движений и правильно выбрать позицию в воротах. Все эти наблюдения конечно же повышают надежность вратаря.

Но вот на хоккейной площадке вратарь попадает в экстремальную ситуацию. Он оказывается один против двух форвардов. В такой ситуации легко растеряться. Тогда стопроцентный гол. Я же стараюсь прежде всего сохранить хладнокровие. И начинаю внимательно следить за глазами хоккеиста, у которого находится шайба. Если в последний момент он посмотрит сначала на меня, а потом на шайбу, – по воротам будет бросать сам. Я тогда уже забываю о его партнере и вступаю в противоборство только с ним. Но если нападающий перед броском кинет мимолетный взгляд на своего товарища по команде, а потом на шайбу, так и жди – последует передача партнеру. А я уже готов к ней. Вот и вся хитрость предвидения. Спартаковские и динамовские хоккеисты, которые часто тренировались со мной в сборной страны, как-то узнали про мои способности играть «по глазам». И, бывало, на тренировках обманывали меня. Но вот в игре такой номер у них не проходил. В ответственном матче трудно ставить подобные эксперименты. Кстати, уже простившись с хоккеем, я старался обучить этому приему, если можно его так назвать, моих младших коллег. К сожалению, никто из них пока игру «по глазам» в совершенстве не освоил.

Но все это высший пилотаж вратарского искусства. Чтобы овладеть им, нужно для начала освоить азбуку вратаря, пройти долгий и нелегкий путь совершенствования мастерства. Вот парадокс! В нашей стране замечательная школа подготовки хоккейных вратарей. Но, увы, никто из голкиперов до сих пор не написал учебного пособия. У меня есть желание ликвидировать этот пробел. Сейчас я собираю материал, систематизирую свои взгляды на хоккей и, надеюсь, в ближайшем будущем начну работать над учебником. Пока же расскажу вкратце о своей системе подготовки к ледовым поединкам.

Почти десять лет назад я окончил Смоленский областной институт физической культуры. Моя дипломная работа называлась «Исследование тактических действий вратаря в хоккее с шайбой». Конечно, теперь, с высоты приобретенного опыта, отдельные утверждения в дипломе мне кажутся наивными и неверными. Другие я развил впоследствии в игре, и они приобрели логическую завершенность.

Дипломная работа начиналась с подробного анализа игры канадских вратарей – сказывалось огромное впечатление от недавних встреч с профессионалами НХЛ. Так вот, первое, что меня поразило в игре канадских вратарей, – их удивительная способность выходить из ворот под броски, увеличивая тем самым сектор защиты. Я всегда обращал первостепенное внимание на то, что у меня хуже получалось или не удавалось вовсе, потому что при современной игре вратарю почти невозможно скрыть свои серьезные недостатки. Постоянно идет всесторонняя проверка его мастерства. Многие годы мои движения в воротах были несколько скованы и ограничены вратарской площадкой. Я никак не мог преодолеть в себе боязнь покинуть ворота, выйти вперед и сыграть клюшкой. Поэтому на тренировках уделял немало времени такому нехитрому упражнению. С максимальной скоростью поочередно выбегал из ворот к «пяточкам» для вбрасывания шайбы, а потом задним ходом возвращался к стойке ворот. Так как вратарю никогда нельзя поворачиваться лицом к своим воротам, я научился интуитивно чувствовать сетку, находясь в любой точке хоккейной площадки.

Наблюдения за канадскими вратарями помогли мне сделать еще один важный для себя вывод: нужно развивать в себе высокую стартовую собранность. В игре нужно уметь и расслабляться и мобилизовать себя на молниеносную реакцию.

Брошенная с 7 – 10 метров шайба развивает фантастическую скорость – такую, что человек, как бы он ни был натренирован, не способен вовремя среагировать. Выход подсказали собственные наблюдения за игрой. Вратарю важно увидеть момент отрыва шайбы от крюка клюшки. И потом уже не следить за самой шайбой, а мысленно построить траекторию ее полета и успеть воздвигнуть преграду в нужной точке этой траектории. Конечно, эту формулу высшей хоккейной математики я вывел уже намного позже дипломной работы! Хотя уже тогда знал, что такой исключительной способностью предугадывать полет шайбы обладал Николай Пучков. Но одно дело знать, другое – уметь самому. Прошло много лет, пока я смог тоже в полной мере рассчитывать на свою интуицию.

Знаю только одного хоккеиста, который мог бросать шайбу без всякого замаха – одной кистью. Это Бобби Халл. Отражать его броски для всех вратарей было большой проблемой.

Из чего же складывается мастерство вратаря? В черновике дипломной работы я написал об этом так: «Характер, помноженный на атлетизм, технику и опыт, – вот что обеспечивает вратарю успех в игре». Чуть позже к этим качествам я добавил еще два: трудолюбие и психологическую устойчивость. Даже сам сейчас удивляюсь, почему я сначала забыл о трудолюбии. Ведь талант без самоотверженного труда – пустой звук! Помню, как меня удивило «открытие» американских футурологов, предположивших, что на человека, чье усердное отношение к труду как к долгу превалирует над другими ценностями, в 2000 году будут смотреть как на опасного и вредного неврастеника. Даже тех, кто находит в труде призвание, возможно, будут считать слишком ограниченными, излишне обязательными, эгоистичными людьми. Каковы прогнозы?!

Нет, для меня труд всегда стоял на первом месте. Видимо, тогда, работая над дипломом, я так был увлечен хоккеем, что еще не отделял трудолюбия от накопления игрового опыта, физической закалки, совершенствования техники.

Важнейшим условием мастерства я всегда считал и считаю характер спортсмена. Человек раздражительный, не умеющий ни себя успокоить, ни других подбодрить, всегда будет в команде паникером, способным в любой момент подвести коллектив. Вратарю это особенно непростительно. Надо с первых шагов на льду воспитывать себя. Дисциплина, умение всегда контролировать свои поступки должны быть в крови у спортсмена. Скольких талантливых ребят, способных стать звездами мирового класса, сгубили расхлябанность, отсутствие «тормозов», нежелание строго соблюдать спортивный режим! Конечно, выкурить одну сигарету или выпить одну рюмку вина – это еще не значит сгубить себя, но беда в том, что за одной поблажкой почти обязательно следует другая, третья, и все заканчивается худо. Спорт напрочь исключает алкоголь и курение.

Вратарь должен быть авторитетом в команде, научиться управлять обороной собственных ворот, как дирижер оркестром. Я бы даже назвал руководство защитой одной из основных обязанностей вратаря. Негромкими, но четкими командами он должен предупреждать своих игроков о перемещениях соперников по площадке. Например: «Слава, справа». Жак Плант рекомендует вратарям никогда не критиковать своих товарищей по команде, ограничиваться только советами, но никогда не осуждать. Я тоже стараюсь придерживаться этого правила. Вздорный характер вратарю ни к чему. Знаком со многими голкиперами мира. И почти все они – спокойные, уравновешенные люди. Во время матча не надо упрекать и вратаря за ошибки. Напротив, старайтесь постоянно ободрять его. Чем дружелюбней атмосфера в команде, тем лучше и согласованней получается игра.

Вспомним и о других качествах, необходимых вратарю. Он должен быть физически сильным: ему не раз в ходе игры приходится вступать в непосредственное единоборство с соперником. В армейской команде особое внимание всегда уделялось атлетической подготовке. Как Тарасов, так и Тихонов старались давать игрокам на тренировках предельные нагрузки.

Современный хоккей требует от вратаря технической и тактической грамотности. Хотя арсенал технических приемов у голкипера не особенно велик, его мастерство определяется не только четким исполнением приемов, но и разумностью их применения в конкретной игровой обстановке. Техника игры вратаря должна быть предельно проста, экономна по движениям. Некоторые вратари стараются подчеркнуть свою технику, для чего нередко применяют внешне эффектный прием. Может быть, он и оказывает на соперников эмоциональное воздействие,

мешающее атаке, но, мне кажется, надежности вратарю это не прибавляет.

Следующее качество – опыт. Под опытностью надо понимать не возраст вратаря, не количество проведенных им матчей, а тот тактический расчет в действиях, уверенность, собранность, которые позволяют ему показывать высокое и стабильное мастерство. Хорошо, если о вратаре говорят: «Молод, но опытен». Бытует мнение, что опыт приходит с возрастом, с проведением многих и многих ответственных встреч. Трудно спорить с таким доводом, но можно ускорить процесс формирования вратаря. Для этого необходимо, чтобы он исключительно серьезно относился к совершенствованию своей игры, чтобы он знал и свои недостатки, и методы их исправления, чтобы он буквально фанатично относился к тренировкам.

Собственно, что такое тренировка? Когда выдающийся русский физиолог И. П. Павлов открыл сложный механизм условного рефлекса, люди увидели, что с помощью соответствующих занятий можно развить в своем организме многие желаемые свойства. Метод, с помощью которого это достигается, позже и был назван тренировкой.

Известный чехословацкий вратарь Ладислав Горский в своей книге «Игра хоккейного вратаря» выделяет три основных направления в тренировке: физическая, тактико-техническая и психологическая подготовка. На мой взгляд, такая конкретизация задач в подготовительный период для голкипера является универсальной.

Прежде чем приступить к рассказу о своих тренировках, добавлю, что они должны быть круглогодичными и интенсивными.

Меня часто спрашивают, имеет ли значение рост вратаря. Я думаю, этот фактор не очень важен. Виктор Коноваленко – один из величайших голкиперов – небольшого роста. Знаменитый канадский вратарь Уорсли – тоже маленький. Еще я могу назвать своего друга Гену Лапшенкова, а также Володю Мышкина. У низкорослых вратарей есть свои преимущества. Они более юркие, им легче брать нижние шайбы. Так же, кстати, считает и Планта.

– Рост – дело второстепенное, – говорит он. – Главное, чтобы кандидат во вратари был бойцом, а не трусом, чтобы после каждого пропущенного гола он злился только на себя, а не обвинял других.

Это очень верное замечание, но все же мне бы хотелось поговорить сейчас не только о характере, который, конечно, необходим, но и о специфике тренировки.

Я – высокий вратарь. Моя слабость – низовые шайбы. Это сразу же заметил Анатолий Владимирович Тарасов и посоветовал мне серьезно заняться тренировкой ног. Он даже придумал для меня специальные упражнения. Например, я перескакивал через синюю линию на одной ноге, двигаясь по льду от одного бортика к другому. Одно из любимых моих упражнений – перенос центра тяжести с одной согнутой ноги на другую, при этом я стараюсь как можно дальше оттянуть носки ног – что-то вроде задорной пляски вприсядку. Я назвал такое упражнение «ансамбль Моисеева». Кстати, почти всем упражнениям старался дать какое-нибудь образное название – так они лучше запоминаются. Для укрепления мышц ног еще советую делать «крест»: поочередные прыжки на одной ноге – вправо-влево, вперед-назад, желательнее в полной вратарской амуниции. И вообще, всегда старайтесь выходить на лед одетым так же, как на игру.

Ни в одной другой спортивной игре вратарю не требуются такие ловкие и сильные руки, как в хоккее. Ведь он должен останавливать и отбивать шайбы, летящие в ворота с огромной скоростью! Для тренировки рук полезны отжимания.

Теперь расскажу об интереснейшей полосе препятствий для тренировки практически всех групп мышц, необходимых хоккеисту. Ее придумал нынешний тренер ЦСКА Виктор Васильевич Тихонов. Мы назвали эту полосу «городком Тихонова». В принципе такое сооружение легко построить на любой спортплощадке. Вот что оно собой представляет. В начале расставлены десять метровых барьеров на расстоянии двух метров друг от друга. Игроки должны как можно быстрее преодолеть их, а через последний барьер сделать кульбит. Затем обогнуть десяток стоек, далее опять барьеры, но под ними уже нужно пролезть, затем 10 раз отжаться от скамейки, и сразу же – кульбит через метровую стойку. И в конце – пять метров бега с ускорением. Три серии таких забегов – и вы почувствуете, насколько серьезна и полезна

эта нагрузка. Вратарям вместо отжиманий можно делать «ансамбль Моисеева». Эта полоса позволяет хоккеистам приобретать навык мгновенной координации движений, быстро собираться, изменять темп бега в зависимости от возникших препятствий. Все это пригодится в игре.

При тактико-технической подготовке совершенствуются следующие элементы: выбор правильной стойки, выбор места, передвижение вратаря и руководство обороной. Каждый вратарь выбирает основную стойку по своей фигуре, ориентируется на то, как ему удобнее стоять. Есть, конечно, общее правило, которое не позволяет вратарю сильно наклоняться вперед и предписывает держать ловушку чуть впереди себя, потому что шайбу надо ловить и отбивать только в том случае, если она находится впереди.

Клюшка тоже должна быть впереди коньков, сантиметров на двадцать. С самого детства нужно стараться ловить шайбу, а не отбивать ее. (Меня могут упрекнуть, что в последние годы я сам частенько изменял этому правилу. Но это объясняется исключительно тем, что броски у ведущих хоккеистов стали очень сильными и неожиданными; когда шайба после такого броска как пуля летит в ворота, то тут уж не думаешь о грамотной технике – лишь бы не пропустить гол.) Если вы отражаете шайбу клюшкой при броске издалека, то старайтесь отбить ее не перед собой, а в углы площадки, чтобы соперник не шел на добивание. Особенно коварные мастера добивания – канадские профессионалы.

Когда вы ловите шайбу, старайтесь все внимание сконцентрировать на этом. Никакой халатности, никакого пижонства быть не должно. Шайба – коварный снаряд, она отскакивает в самых невероятных направлениях.

Клюшка постоянно должна касаться льда, иначе шайба может проскользнуть под ней прежде, чем вы это заметите. Чтобы молодые вратари быстрее усвоили это правило, им иногда специально дают тяжелые клюшки. Еще один важный момент: принимать шайбу надо обязательно остановившись.

Не рекомендую отбивать броски в падении или же опускаясь на колени – при этом увеличивается опасность пропустить верхние или повторные шайбы. Надо уверенно стоять на ногах. Лежачего голкипера легче обыграть, обмануть. Частые падения – это явный признак либо низкого мастерства, либо неуверенности.

Если бросок по вашим воротам делают с острого угла, щиток надо плотно-плотно прижать к штанге, так как иначе шайба может найти малюсенькую щель и отскочить от ноги прямо в ворота: шайба чрезвычайно коварна, шутить с ней нельзя. У меня порой случалось так, что шайба каким-то непонятным образом как живая выскакивала даже из ловушки и летела при этом не куда-нибудь, а обязательно в ворота.

Если вам удалось поймать шайбу, надо заранее знать, что вы будете с ней делать. Ведь, как правило, шайба у вас задержится не больше секунды.

У меня спрашивают: надо ли ловить те шайбы, которые идут мимо ворот? Каждый голкипер при этом поступает по-своему. Я, к примеру, считаю, что этого делать не надо. Только если потребуются совершить вынужденную остановку игры – скажем, для смены состава, – тогда можно остановить шайбу. И еще. Бывает, что за воротами натянута сетка, и высоко посланная шайба, ударившись об нее, может отскочить прямо на клюшку сопернику. Моргнуть не успеете и – гол. В таком случае тоже необходимо перехватывать шайбу.

Кстати, есть очень эффективное упражнение для тренировки навыка ловли шайбы. Два игрока действуют против вратаря. Они штурмуют ворота до тех пор, пока не забьют гол или голкипер не поймает шайбу. Или «болтанка вратаря», когда три игрока буквально расстреливают ворота шайбами из трех разных точек площадки.

Если не можешь поймать шайбу, необходимо отбивать ее в сторону или за ворота. Но вдруг случится так, что шайба отскочила на «пяточок» недалеко от ворот. Вратарь должен не раздумывая накрыть ее. Есть интересное упражнение для тренировки реакции вратаря. Игрок за минуту должен забить пять-шесть шайб, они лежат возле точки вбрасывания. Задача нападающего – бросать по воротам с любой дистанции, причем можно даже добивать. Хороший форвард может сделать за минуту до 15 бросков. А хороший вратарь отразит не меньше десятка. Интересна ради можно устраивать между ними даже соревнование: кто победит – форвард, забивающий шайбы, или вратарь, отражающий их? А тот, кто проиграл, делает

культбиты. Тренер, который ведет занятие с детьми, должен учитывать следующее. Чтобы тренировка не казалась монотонной и трудной, упражнения нужно чередовать с игровыми моментами. Еще великий педагог В. А. Сухомлинский писал, что лучше всего дети усваивают материал играя.

Раньше говорили: «Не умеешь кататься на коньках – иди в ворота». Это заблуждение. Вратарь обязан отлично владеть коньками. Это основа его тактического мастерства. Ведь игра не позволяет ему ни минуты стоять на месте. Вратарь обязан быть готовым к тому, чтобы стремительно выкатиться навстречу атакующему противнику и также быстро вернуться в ворота. Он делает выпады и рывки, а порой и участвует в силовой борьбе. Причем все это – в громоздком вратарском снаряжении, с тяжелой клюшкой.

Я, например, во время тренировочных матчей иногда действую как полевой игрок, правда, клюшка у меня своя, вратарская: полезно ею поорудовать в гуще схватки. Я уже говорил, что однажды, будучи юношей, в двух официальных матчах сыграл на месте форварда и в каждом забил по голу.

Из наших голкиперов лучше всех держался на коньках Александр Сидельников. Когда-то Саша был нападающим в своем клубе «Крылья Советов».

Умение безупречно кататься поможет вам уверенно играть за воротами – это совершенно необходимо классному голкиперу. Однако, если у вас еще мало опыта, не торопитесь покидать свое место. Только когда шайба брошена из-за синей линии, у вас будет достаточно времени, чтобы подобрать ее и успеть вернуться в ворота прежде, чем соперник окажется рядом.

Важно научиться не только хорошо кататься, но и правильно падать, а также быстро вставать. Вратарю часто приходится вступать в «ближний бон». Чтобы победить в нем, нужно как следует освоить упражнение «ванька-встанька». Расскажу, как я его делаю. Сначала падаю на одно колено, потом на другое. Затем 20 – 30 раз на два сразу. Тут такой нюанс. Когда поднимаешься, то невольно отрываешь клюшку ото льда. Повторный бросок низом и – гол! Нужно приучить себя, поднимаясь, следить за клюшкой.

Я уже рассказывал об игре «по глазам». Но допустим, возникла такая ситуация: на ворота выходят два игрока, и я жду броска от того, кто с шайбой. Вышел из ворот, приготовился. Но в последний момент игрок схитрил – передал пас партнеру. Конечно, если последует удар с ходу, то тут уж вратарь бессилён. Но нападающий обычно останавливает шайбу и тихонько, для верности, посылает ее в направлении незащищенных ворот. В такой ситуации голкипер может спасти команду от верного гола, применив так называемый слайнинг. Он как бы стелется по льду ногами вперед, и шайба попадает ему в щитки. Этот прием хорошо получается у шведских вратарей. Замечу, что со стороны он выглядит очень эффектно и красиво. Есть немало упражнений для тренировки подобного трюка. Одно из них я уже описывал: два нападающих против вратаря.

Большие споры вызывает игра голкипера, когда шайба находится за воротами, на клюшках соперников. Я считаю, что в этот момент прежде всего необходимо закрыть ногой ближний угол и следить за шайбой, не поворачивая корпуса. Причем принять такую стойку, чтобы в момент передачи шайбы на «пятак» ты мог легко выкатиться из ворот и сразу же принять стойку пониже обычной, нахохлиться, как петух, чтобы закрыть побольше пространства. А когда игрок находится слишком близко к воротам, необходимо выкатиться так, чтобы «приклеиться» к нему и так сопровождать, пока он не удалится от ворот. Есть хорошее упражнение для тренировки этого навыка. За воротами находится 10 шайб и нападающий чужой команды, а на «пятке» перед воротами маневрируют два его партнера. Задача игрока с шайбами – пробить по воротам с ходу. А цель вратаря – не дать себя запутать, защитить ворота.

В конце тренировки, на которой отрабатываются тактико-технические навыки, дается, как правило, очень полезное упражнение, которое называется «ералаш». Три-четыре игрока бросают непрерывно по воротам примерно с точки вбрасывания. Вверх, вниз, в левый угол, в правый угол, в «домик». Для начинающих хоккеистов объясню: «домиком» называется треугольное «окошко» между щитками и льдом. Оно появляется у вратаря всегда, когда он принимает основную стойку. При выполнении этого упражнения некоторые вратари, хорошо играющие ловушкой, иногда прибегают к маленькой хитрости. Не только на тренировке, но и в игре они специально открывают левый угол. Неопытный нападающий легко «клюнет» па этот

финт, и шайба окажется в ловушке у вратаря. Хотя я тоже неплохо играю ловушкой, все же никогда углы не открывал.

Кульминационным, самым острым моментом в игре вратаря является буллит. Если в футболе при пенальти положение бьющего всегда предпочтительнее, то в хоккее у голкипера и нападающего шансы, как мне кажется, равны. Более того, порой я склоняюсь к тому, что опытный вратарь находится в более выгодной ситуации, чем его соперник.

Мне приходилось много раз отражать буллиты в матчах разного уровня, и удача почти всегда была на моей стороне. Обычно, как только нападающий пересекал синюю линию, я резко и далеко выкатывался ему навстречу – это его пугало и позволяло мне загородить большую площадь ворот. Нельзя реагировать на обманные движения. Я всегда учитывал, кто именно из форвардов выполняет штрафной бросок, и действовал в зависимости от индивидуальной манеры и характера своего соперника. Я всегда помнил: у каждого свой излюбленный финт, и редко кто во время исполнения буллита решится на что-нибудь новенькое.

Тренировки можно проводить как на льду, так и на площадке, заменяя соответственно шайбу теннисным мячиком. И вообще, в период предсезонной подготовки я советую почаще выходить на теннисный корт. Так что вместе с клюшкой покупайте сразу и ракетку.

Любая тренировка начинается с разминки. У голкипера она, естественно, особая. Бег по кругу, приседания. Продолжительность кросса для вратарей не должна превышать 35 – 40 минут. Советую лишний раз размять тазобедренный сустав и особенно пах. Некоторые опытные мастера советуют начинающим учиться делать шпагат. Это, конечно, неплохо. Но я до сих пор к нему не прибежал.

После разминки с элементами легкой атлетики можно сразу перейти к работе с тяжестями. Я имею в виду занятия со штангой и на тренажере «Геркулес». Слышали о таком? На вид он довольно прост. Две стойки с грузом по 10 – 15 килограммов и растяжки. Когда ты работаешь руками, то с помощью растяжек поднимаешь эти грузы. Вратарю желательно давать нагрузки, чтобы он повторял движения рук в игре. Ну, например, правая рука работает как «блин» – на отбивание шайбы, а левая как ловушка – на ловлю. Если рядом нет тренажера, его можно заменить, взяв в руки обычные предметы по 5 – 10 килограммов и продолжать с ними тренировки. Вообще-то я против слишком больших атлетических нагрузок для вратаря. Максимальный вес штанги, которую надо поднимать для тренировки мышц ног, на мой взгляд, не должен превышать 40 килограммов. Кстати, наши армейские тренеры никогда не давали голкиперам таких больших нагрузок, как полевым игрокам. Хочу, чтобы правильно меня поняли: я имею в виду не физическую подготовку вообще, а работу со штангой, другими тяжестями. Здесь перебор вратарю особенно вреден. Холечек, например, никогда штангу не поднимал.

Позволю себе не согласиться с теми, кто утверждает, что вратарю совсем не обязательно включать в свою тренировку бег. Откровенно говоря, лично мне бег никогда не доставлял особой радости, но что поделаешь, ведь это совершенно необходимый элемент тренировочного процесса! Бегают даже шахматисты.

Летом и осенью для начинающих хоккеистов я рекомендую два раза в неделю совершать кроссы по пересеченной местности протяженностью 6 – 10 километров, а для юношей и взрослых вратарей дистанция должна составлять 12 – 15 километров, и пробегать ее надо три раза в неделю.

Полезно летом отрабатывать и чисто специфические качества вратаря. Скажем, вооружившись ловушкой и «блином», вы можете парировать мячи для «бенди» или настоящие шайбы, которые ваши товарищи будут бросать клюшками с деревянного помоста.

Мой вам совет: каким бы видом спорта вы ни занимались, делайте свою тренировку разнообразной, энергичной, проводите ее с выдумкой, не давайте себе скучать. Тренировка должна награждать вас силой, а не угнетать усталостью.

Помню, лет семь назад, зимой, Тарасов назначил нам тренировку по атлетизму. Юра Лебедев, Слава Анисин и я вышли в парк, сделали, как положено, разминку и ждем дальнейших указаний.

– Размялись, – скорее утверждает, чем спрашивает Тарасов. – Тогда слушай мою команду.

Вон, видите, горка, а на ней дерево растет? Из трех разных точек вы должны наперегонки домчаться до этого дерева. Всем ясно? Вперед!

Фокус состоял в том, что снега на этой горке было нам по пояс. Как тут бежать? Разве только с лопатой наперевес... А Тарасов уже свистит в свой свисток. Вперед!

Мы карабкаемся, продираемся, ползем вверх. Снег сыплется за воротник, набивается в кроссовки. Тяжело. Весело. Необычно. Добрались до цели – ноги свинцовые, дыхание горячее. Чуть отдышались и побрели обратно.

А снизу грозное, тарасовское:

– Вы что это, молодые люди, прохладжаетесь? Вниз – не пешком, а кубарем!

До сих пор мы со Славой Анисиним любим вспоминать ту тренировку: «А помнишь, как кубарем летели?»

Разминку закончили, переходим к основным упражнениям.

Первое. Берем в руки один-два теннисных мяча. Принимаем вратарскую стойку. Одной рукой бросаем мяч в стенку, другой – ловим его после отскока. Так «приобретается» зрение и вырабатываются навыки ловли шайбы. Затем усложняем упражнение, нагружая ноги. При бросках, например, можно выполнять «ансамбль Моисеева». Потом еще усложняем упражнение. Перед вратарем появляется игрок. Он мешает ловить отлетающие от стенки мячи. Дальше мы меняемся с ним ролями. Он бросает мяч о стенку и одновременно мешает мне его поймать.

Второе. Так называемое зеркальное упражнение. Два вратаря становятся друг против друга. Задача одного – выполнять любые пришедшие на память упражнения. Чем они интенсивнее и разнообразнее, тем лучше. Задача второго – точно повторять эти упражнения. Партнеры выглядят как двойники в зеркале. Похоже это на какой-то своеобразный экзерсис, но вместо строгой балетной школы здесь в основе импровизация и фантазия. Затем вратари в паре работают с двумя мячами, передвигаясь по площадке. Со стороны, может быть, это напоминает цирковое жонглирование. Так что, как видите, в тренировке много общего с искусством. Но самое главное – все время поддерживать хорошее, боевое настроение. Тогда любые, даже самые большие, нагрузки переносятся легко. Эмоциональный подъем на тренировке способствует усвоению необходимых навыков.

Третье. Теперь вратарь занимает свое законное место в воротах. Тренер или другой игрок берет 50 – 100 теннисных мячей, ракетку и начинает непрерывно бить по воротам, причем чередует удары то в «блин», то в ловушку. После таких упражнений вратаря с уверенностью можно называть «обстрелянным». Потом задача голкипера становится еще более сложной. Перед ним появляется другой вратарь в амуниции. Он тоже как будто ловит мячи, но в последний момент пропускает их, стараясь как можно больше мешать основному вратарю. Через некоторое время на помощь тренеру приходит еще один игрок, и они поочередно бьют мячи по воротам. В это время второй вратарь продолжает закрывать зону видимости. Это уже не обстрел, а испытание посложнее, как для новобранца в армии «обкатка» танками.

Все перечисленные выше упражнения не следует применять на одной тренировке. Может быть, я рассказал о них несколько сумбурно и непоследовательно, но в этой книге я не старался дать цельную методику подготовки – это бы заняло слишком много места. Я просто перечислил упражнения, которые, на мой взгляд, помогут вратарю быстрее приобрести мастерство. У каждого опытного голкипера наверняка есть своя система занятий. Я никому не хочу навязывать мою методику. Просто делюсь опытом, рассказываю, как шел к вершинам.

Несколько замечаний относительно снаряжения вратаря. Я уже не раз говорил о том, что шайба бьет очень больно, и от ушибов порой не спасают никакие щитки. Случаются и травмы, но риск угодить к врачу тем меньше, чем лучше ваше снаряжение. Оно должно всегда быть в полном порядке. Я подчеркиваю это, потому что иной раз какой-нибудь плохо завязанный маленький ремешок может стать причиной большой неприятности. Хоккей не тот вид спорта, где можно пренебрегать мелочами.

Нижнее белье, коленные щитки, щитки для ног, плечевые и локтевые щитки, прикрытие грудной клетки (панцирь), хоккейные брюки и свитер, перчатка-ловушка, «блин», шлем, маска, вратарская клюшка, коньки – вот обязательный перечень снаряжения, необходимый сегодня вратарю. Гардероб, как видите, солидный. Пожалуй, старинные рыцари и те одевались

попроще. Но ведь им не приходилось сражаться с Филом Эспозито...

Теперь перейдем тренироваться на лед. Я уже говорил, что в принципе здесь надо выполнять почти то же, что и на спортплощадке. Но уже с большим приближением к игре. На разминке уделяйте внимание тому, что у вас хуже получается, не забывайте кататься на коньках назад, причем в стойке вратаря. Растяжки постарайтесь сделать на скорости. Потом – катание с шайбой, перепасовывая ее от конька к клюшке. Следующий этап – работа у бортика. Ставишь на него ногу и как можно сильнее стараешься ее потянуть. Потом гимнастика, разминка коленных суставов, слайнинг, зеркальные упражнения. В конце тренировки надо дать вратарям возможность поиграть в команде – ведь каждый из них тоже мечтает забивать шайбы! И еще один совет. На лед вратарь должен выходить раньше других игроков, предварительно размявшись еще в раздевалке. Это чисто психологический момент. Вратарь сразу, без раскочки вступает в игру, сразу показывает, па что способен. Важно даже на тренировке стараться держать марку своей «непробиваемости».

Канадцы считают, что опыт приходит к вратарю примерно к тридцати годам. Я бы не стал утверждать столь категорично. Надо учитывать индивидуальные качества спортсмена. Но сейчас, когда я вспоминаю свои первые шаги на льду, удивляюсь, как много лишних движений я делал, не умел отдыхать, расслабляться, а для вратаря это очень важно.

Вратарь должен знать природу любого финта, повадки и особенности, наиболее характерные для многих нападающих. Все это воспитывается на тренировках. В психологическом поединке с соперником голкипер не должен реагировать на его ложные движения, важно сдерживать себя. Нельзя также проявлять и признаки нерешительности. Решение нужно принимать смело и выполнять его мгновенно. Хорош тот вратарь, который умеет сочетать в ходе игры расслабление с предельной собранностью, может аккумулировать в себе большой запас сил для взрывных действий в каждом игровом эпизоде. Ведь его ошибку исправить некому, сзади голкипера ворота, а за ними красный фонарь – бесстрастный сигнализатор неудачных действий команды и вратаря. Но даже на неприятную для него яркую вспышку фонаря он должен отвечать спокойствием, собранностью. Поэтому в тренировочной работе упражнения большой интенсивности следует сочетать с расслаблением, с паузами для отдыха.

С годами вы научитесь разумно управлять собой во время хоккейного боя. Очень важным является умение, когда можно, расслабиться и, когда нужно, мобилизовывать себя. Скажем, если шайба находилась в углу площадки, откуда бросок сделать практически нельзя, я был «включен» процентов на шестьдесят. Когда шайба адресовалась тому игроку, кто может бросить по моим воротам, «включался» на девяносто пять процентов. И, наконец, только в момент броска были «включены» все сто процентов моих возможностей.

Пожалуй, самый типичный недостаток большинства вратарей – это их волевые «провалы», особенно в ходе ответственных встреч с сильным соперником. Одни допускают грубые ошибки из-за боязни поражения, уже до матча чувствуя себя не в своей тарелке. Другие, допустив оплошность в начале встречи, расстраиваются, не могут мобилизовать мастерство и волю. Третьим мешает чрезмерное желание как-то по-особенному себя показать. Поэтому очень важно настроиться на игру.

Сразу замечу, дело это настолько сугубо индивидуальное, что от советов я здесь воздержусь. Каждый вратарь психологически готовится к матчам по-своему. Виктор Коноваленко мог часами раскладывать пасьянс. Я слышал, что знаменитый канадский голкипер Глен Холл с целью привести себя в надлежащее состояние незадолго до матча начинал последними словами ругать хоккей, свою вратарскую долю, соперников, партнеров, зрителей – словом, всех на свете. Так он снимал излишнее напряжение и на льду появлялся уравновешенным. Я же обычно ухожу в себя. В день матча я думаю только об игре, ни о чем постороннем, только об игре. Я твержу себе: ты обязан не подвести команду. И напоминаю себе: с тебя спрос особый, ты – вратарь, ты – главный человек в команде. Днем я стараюсь уснуть. Нервы должны быть в полном порядке. Я становлюсь молчаливым: не расплескать бы в пустых разговорах весь настрой. Скоро матч. Вместе со всеми выпиваю черный кофе. Окружающее – то, что не относится к предстоящей игре, – окончательно перестает для меня существовать.

Когда иду из раздевалки на лед, я никого не замечаю и никогда ни с кем не здороваюсь. Многих это обижает: Третьяк знакомых не видит, друзей не узнает. Другие – люди как люди. Вот Мальцев шагает – вроде бы замкнутый, даже угрюмый. Но услышит со стороны: «Здравствуй, Саша!» – и суровое лицо смягчается: «Приветик!» Якушев озабочен, но вежлив: «Здравствуйте, здравствуйте!» Девушки машут Васильеву руками, и Валера улыбается им приветливо. А Третьяк шагает себе, молчит – бездушная машина да и только... Да, бессмысленно обращаться ко мне в эти минуты. Не отвечу, пройду мимо. Может быть, только еще ниже опущу голову и прибавлю шаг. Но не стоит обижаться на меня. Я уже весь на льду в гуще хоккейной борьбы... А поздороваемся и поговорим после матча.

То, о чем я рассказываю, не имеет ничего общего с суеверием или бездумной привычкой. Настраиваясь на игру, я отнюдь не даю отдых своему мозгу. Напротив, я усиленно думаю о том, как сыграть лучше, взвешиваю сильные и слабые стороны соперника, составляю план своих действий. Еще Тарасов учил меня этому.

– Вратарь должен уметь выиграть матч, – говорил он. – Ты понимаешь, что это значит? Научись быстро и точно анализировать соперника. Он еще сам толком не решил, куда будет бросать шайбу, а ты уже должен знать, где и как ее перехватить. Запомни, – твердил Тарасов, – без интуиции не быть тебе хорошим вратарем. А интуиция сама собой не приходит. Надо думать и думать.

Однажды на одном из занятий в институте педагог попросил меня ответить на ряд вопросов, касающихся психологических проблем спортивной подготовки. Ответы представляли для него научный интерес, поэтому наша беседа была записана на магнитофон. Лента сохранилась, и некоторые фрагменты из этого диалога я включил в книгу.

Психолог: Как вам удастся в течение всех 60 минут матча удерживать определенную интенсивность внимания? За счет чего вы поддерживаете высокий уровень активности?

Третьяк: Кроме различных технических приемов я использую самовнушение, все время стимулирую свое внимание. В зависимости от ситуации я говорю себе: «внимательнее», «не отвлекайся», или «а вот сейчас отдохни, расслабь плечи», «обрати внимание на свое лицо – лоб не хмурится, гладкий», или «я чувствую легкость, свежесть, дышу глубоко».

Перед игрой я себе внушаю: «ты должен стоять хорошо», «нельзя пропускать шайбы». Я одинаково серьезно готовлюсь к любому матчу, с любым соперником. Жаль, не все наши игроки сознательно владеют методами психорегулирующей тренировки – это очень важно сегодня.

Психолог: На чемпионате мира 1974 года в игре с командой ЧССР вы пропустили шесть шайб...

Третьяк: Семь. А мог пропустить и семнадцать. Почему так произошло? Да потому, что психологически к этой встрече команда готовилась неправильно. Перед игрой и тренеры, и журналисты нам говорили: у вас только один матч на этом чемпионате – с ЧССР, – и вы должны его выиграть. Только чехословацкая команда и только она! Нас просто запугали этим предстоящим матчем. Это называется «накачка». Мы проиграли встречу еще до выхода на лед. Боялись самих себя. Страх поборол нашу уверенность. Игроки с самого начала стали ошибаться, вот и посыпались голы.

Тактика у меня такая: когда шайба в нашей зоне у своего игрока, я спокоен, мышцы расслаблены, я отдыхаю – не могу же я все время быть на пределе! – а в том матче наши игроки в своей зоне беспрерывно теряли шайбу, «дарили» ее соперникам, и «включаться» я, конечно, не успевал. Из семи шайб четыре или пять мы им просто «подарили».

Психолог: Что вы понимаете под быстротой мобилизации, в чем она заключается? Направлено ли ваше сознание на себя, внутрь, или вы следите за тактикой нападающих?

Третьяк: Я стараюсь все время удерживать нить игры, даже успеваю оценивать действия своих партнеров: этот хорошо сыграл, этот плохо, тому следует дать пас туда... Все время как-то моделирую ход матча. Очень важно взять себя в руки после того, как соперник забил шайбу или две шайбы подряд, то есть нанес ощутимый психологический удар. Я себя заставляю не думать, почему это произошло (анализ потом, по видеозаписи, а сейчас необходимо быстро собраться, внушить себе: «Ничего не случилось, я стою хорошо...»).

Должность вратаря очень ответственна. Бывает, что мы крупно ведем в счете, и

нападающие могут позволить себе расслабиться, сделать небрежный пас... Вратарь на такое расслабление права не имеет.

Психолог: А если в момент неудачи вам делают замечание со стороны?

Третьяк: Это только усугубляет отрицательные эмоции. Начинаешь раздражаться и, как следствие, можешь допустить новые ошибки.

Психолог: Что происходит с вами, когда меняются составы? Какие мысли у вас возникают? Как это влияет на ваши эмоции?

Третьяк: Безусловно, смена игроков влияет на настроение вратаря. Вот наша первая тройка. Когда она на льду, я спокоен. Когда же выходит молодежь, я чувствую: эти могут ошибиться, я им стараюсь подсказывать. Волнение, конечно, больше.

Психолог: То есть вы прогнозируете ситуацию с поправкой на отрицательный исход и дополнительно мобилизуетесь?...

Третьяк: Да.

Психолог: А не мешают ли ваши указания игрокам?

Третьяк: Думаю, что нет. Конечно, если кто-то ошибся, я стараюсь избегать обидных слов. Лучше, напротив, подбодрить человека.

Психолог: Это правильно. Ведь речь у нас идет о напряженной ситуации игры, иначе говоря, о стрессовой ситуации. В такой обстановке слово (а оно помимо смыслового содержания имеет еще и эмоциональную окраску) может глубоко травмировать человека. В этом, как мне кажется, заложена одна из причин психологических срывов в любом виде человеческой деятельности, связанной с большими напряжениями или большой ответственностью. Спортсмены весьма подвержены цепной реакции передачи отрицательных эмоций. Вы правильно заметили, что команду нельзя «накачивать», то есть жестко нацеливать ее только на победу, – это следствие, скорее, тех страхов, которые спортивные руководители испытывают более за себя, чем за команду.

Третьяк: Да, от вратаря в этом смысле зависит очень многое. Но главное, безусловно, не слова, которые говоришь своим товарищам, а твоя игра. Бывает, команда слаба, но вратарь играет блестяще и тем самым воодушевляет своих партнеров и деморализует соперников. Если голкипер показывает надежную игру, то и у защитников появляется активность: они смело могут идти вперед, обострить ситуацию. Словом, страж ворот, как никто другой, способен вселить уверенность в свою команду и, напротив, деморализовать соперников.

Психолог: Интересно, что вы понимаете под чувством времени?

Как вы на льду воспринимаете время? Скажем, до конца матча остается три секунды...

Третьяк: Например, мы ведем в счете в решающем матче мирового первенства. И три секунды до финального свистка... Ты эти три секунды буквально объемно осязаешь. Они заполняют тебя. Вот сейчас прозвучит свисток, и ты – чемпион! Это ожидание бывает по своей определенности даже острее, чем сам результат.

Бывает, торопишь время – чтобы скорее оно прошло. Бывает наоборот. У пас есть и плачевные примеры потери чувства времени. Например, последний матч со сборной НХЛ в Москве мы проиграли за несколько последних секунд. Расслабились, вот и поплатились за это. Хороший был урок. С тех пор я никогда не даю себя убаюкивать до самого конца поединка. Урок запомнился. Именно канадцы научили меня не расслабляться до самого финального свистка.

Психолог: Ответьте теперь на такой вопрос: воспроизводите ли вы соревновательные ситуации заранее в своем воображении или на площадке? Совершенствуете ли таким путем варианты своих будущих действий в воротах?

Третьяк: Я могу сказать, как провожу свою утреннюю тренировку перед игрой. Именно здесь и происходит то, о чем вы говорите.

После разминки я встаю в ворота. Без помех настраиваю свое внимание на детали. Скажем, думаю о различных вариантах бросков из разных точек и о способах их отражения. Мысленно вижу проходы соперников и выбираю самое удобное место в воротах. Причем соперников я представляю не абстрактных, а вполне реальных. Если нам предстоит матч с канадцами, то моделирую «канадский вариант», если со шведами, то «шведский».

Психолог: Давайте предположим, что в ходе игры вам срочно надо заменить в воротах

травмированного товарища. Ситуация • – экстренная. Время адаптации сокращено до предела. Как в таком случае проходит ваша подготовка?

Третьяк: Моментально делаю разминку. Словами мобилизую себя: «сейчас будет тяжело», «приготовься...». Помогает то, что я знаю ситуацию на поле.

Психолог: Наверняка вы переживаете за свою команду, когда тренер вместо вас ставит в ворота другого голкипера. Что в таком случае лучше: смотреть матч, чтобы быть в курсе событий, или не смотреть и тем самым сохранить нервную энергию?

Третьяк: Поскольку я сижу на скамье запасных, в метре от льда, то как не смотреть?... Конечно, утомляет это очень сильно. Я, бывает, в запасе устаю больше, чем во время игры. Стараюсь без надобности не ходить ни на футбол, ни на хоккей, ни на другие спортивные игры.

Психолог: Предположим теперь совсем нереальную ситуацию: вы сидите на скамье до выхода на площадку с завязанными глазами. Насколько повлияет на ваши действия отсутствие зрительной оценки?

Третьяк: Повлияет... Однако я не могу определенно сказать, что же лучше: наблюдать за игрой, чтобы быть в курсе событий, или не наблюдать, чтобы сохранить нервную энергию.

Психолог: Какое значение, на ваш взгляд, имеет осознание сильных и слабых сторон соперника?

Третьяк: Очень большое. Я, как вратарь, должен знать манеру игры, достоинства и недостатки всех полевых игроков, которые могут выйти на лед против нашей команды. Меня иногда спрашивают: боитесь ли вы того или иного игрока? Я никого не боюсь. Бояться вратарю нельзя – ни шайбы, ни соперников. Надо стараться детально изучить действия всех соперников и под каждого из них подстраивать свою тактику. Я примерно знаю, кто и как будет обыгрывать меня, на кого нужно выкатиться подальше, а кого встретить на линии ворот.

Психолог: Академик Павлов делил людей на два типа: художественный и мыслительный. К какому типу относите себя вы? Преобладает ли у вас во всем рациональный подход или же вы живете эмоциями, вспышками?

Третьяк: Видимо, я все-таки рационалист.

Психолог: В любой деятельности можно выделить три мотива: стремление к результату, к самой деятельности и желание получить общественную оценку. Какой мотив вы считаете ведущим для себя в настоящее время?

Третьяк: Мне кажется, первый. Смысл большого спорта в том, чтобы стать чемпионом, самым лучшим из всех. Иначе это будет просто физкультура.

Психолог: Вы как-то говорили, что, когда начали заниматься в хоккейной школе, вам безразличен был сам процесс игры, ее результат. Больше всего вам нравились внешние атрибуты: форма и прочее. Сейчас, как видно, мотивы изменились. Скажите, а испытываете ли вы удовольствие от самой деятельности в хоккее? Для вас это труд?

Третьяк: Труд. Я бы даже сказал, что весь большой спорт – это непосильный труд.

Психолог: Испытываете ли вы эстетическое наслаждение от своих действий на льду?

Третьяк: Да. Бывает, возьмешь трудную шайбу («мертвую», как у нас говорят), и у тебя прямо мурашки по коже. Взят! Это непередаваемое ощущение. Я отношусь к числу тех вратарей, которые гордятся не только числом пойманных шайб, но и тем, как они были пойманы. Но здесь же хочу заметить, что чаще я все же бываю недоволен своими действиями. Да это и плохо, когда человек все время собой любит...

Психолог: Вас расслабляют или, напротив, мобилизуют неудачи, если они случаются в первые минуты игры?

Третьяк: Если гол мне забит в начале матча, то вновь настраиваться, конечно, очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем после гола, скажем, пропущенного на 20-й минуте. Получаешь весьма ощутимую психологическую травму. Нападающие это знают и всегда стараются забросить шайбу в первые секунды. «Прощупать» вратаря, как говорится. Что требуется от голкипера в такой момент? Не потерять уверенности в своих силах – это главное. Отвлечься от нежелательной ситуации, не думать о ней. Славится тот вратарь, который и после пропущенной шайбы находит в себе силы сыграть так, словно ничего не случилось.

Психолог: Вы играете в маске. Суживает ли она объем зрительной информации?

Третьяк: Я этого не замечаю. Я настолько привык к маске, что она мне несколько не

мешает. Даже по улице мог бы ходить в маске совершенно спокойно.

Психолог: Можете ли вы передать какие-либо тонкости рефлекторных ощущений, специфических для вратаря?

Третьяк: У вратаря очень много рефлексов, основанных на одном общем побуждении: не пропустить шайбу. Даже если, будучи на льду, голкипер случайно снимет перчатку, а в это время в ворота бросят шайбу, он станет ее ловить голой рукой. Это рефлекс. Неосознанное, но прочно закрепленное в сознании движение. словно срабатывают какие-то глубинные механизмы мозга. Бывает, что шайбу из всех сил бросают в ворота метров с четырех. Никакое сознание, никакая просто реакция здесь уже помочь не может. Нужна реакция выработанная, направленная, что ли... Рука сама, автоматически, пошла на перехват шайбы. Если же ты вначале подумаешь, как отбить шайбу да чем ее отбить, то безнадежно опоздаешь – к моменту принятия решения гол будет уже забит.

Темп игры в хоккей сейчас настолько возрос, что невольно становишься «телепатом»: иногда уже и видеть бывает некогда, важно предвидеть. Мы учимся читать мысли. Правильно прочитал – выиграл, неправильно – проиграл.

Психолог: Какие бы вы могли назвать стимулы, формирующие и поддерживающие активность на всем протяжении тренировочных сборов и игр?

Третьяк: Приятно, не скрою, получать призы и награды за добытую в борьбе победу. Не последнее место занимает и признание зрителей.

Была у меня и еще одна встреча с психологом – о ней лучше бы и не вспоминать. Произошло это лет восемь назад, незадолго до начала турнира на приз «Известий». Психолог приехал к нам на базу в Новогорск, где готовилась сборная СССР.

– Кого научить правильно настраиваться на трудную игру? – спросил он.

– Третьяка, Владика, – в один голос предложили ребята. – Он – последняя линия нашей обороны. Ему ошибаться нельзя.

И вот у нас начались занятия с психологом. Я уже не помню всех упражнений, которым он меня обучал. Суть большинства из них сводилась к самовнушению. Мне приходилось подолгу стоять перед зеркалом и твердить себе: «Я самый лучший вратарь. Мне легко взять любую шайбу. Мои ворота непробиваемы». Человек я исполнительный, и вот, пока мои товарищи в свободное время играли в теннис, смотрели телевизор, я, закрывшись в ванной, перед зеркалом внушал себе идею собственной сверхнадежности.

На утренней тренировке в день матча я действительно удивил всех чрезвычайно четкой игрой и собранностью, отражал большинство летящих в ворота шайб. А потом был матч. Ответственный, с командой ЧССР. И знаете, что произошло? Я пропустил семь шайб. Семь! Такое редко со мной случалось.

...С тех пор надеюсь только на самого себя.

Глава 3. Даже льду жарко

Счастье отвернулось?

Самый неудачный период в истории нашего хоккея за последние два десятилетия? Конечно, это 1976 и 1977 годы. Второе место на чемпионате мира в Польше, третье – на чемпионате мира в Австрии, неудача в первом розыгрыше Кубка Канады. Счастье будто отвернулось тогда от пашей команды.

В начале апреля 1976 года мы прилетели в Варшаву. Отсюда до города Катовицы, где должен был состояться мировой чемпионат, предстояло добираться на автобусе. Путь неблизкий – четыре с половиной часа езды. На душе у меня было не очень спокойно. Я перебирал в памяти подробности наших последних матчей: в Швеции мы две встречи проиграли, одну свели вничью и только один матч выиграли. В Москве армейцы, по-прежнему составлявшие костяк сборной, вничью закончили матч с «Динамо» и уступили «Крыльям Советов». Результат, согласитесь, не слишком радостный. Беспокоило меня и то, что наши

тренеры не включили в состав Петрова, а первая тройка, замени в пей любого хоккеиста, теряет в силе – я уже говорил об этом.

Но вот наконец автобус затормозил у отеля, и я расстался со своими грустными мыслями. Гостеприимные хозяева встречали нас букетами алых гвоздик.

...В Польше я впервые побывал 15-летним мальчишкой – на международном турнире в составе сборной Москвы. Бронислав Сомович был первым вратарем, а я – вторым. 1967 год... Дворец спорта в Катовицах тогда еще только строился, и трудно было угадать в нем будущее чудо архитектуры. Мы играли на стареньком деревянном стадионе. Вообще, откровенно говоря, тогда Катовицы не произвели на меня особенного впечатления. А теперь столицу Силезии было не узнать. Красивые современные улицы блестят чистотой. Много скверов и парков. Кругом – радушные, улыбающиеся люди. А какой Дворец спорта! Можно только позавидовать. Похожий на гигантское «летающее блюдо», вместительный, светлый, удобный, «Сподек» одинаково радует и зрителей, и игроков. Кстати, и лед в «Сподеке» заливают превосходный. Участникам чемпионата мира были созданы все условия для полноценных тренировок, интересного отдыха.

В свободные от игр дни нам показывали достопримечательности Катовицкого воеводства, среди которых я с удовлетворением замечал и новые хоккейные стадионы с искусственным льдом. Кажется, поляки всерьез решили заняться развитием хоккея, а памятуя о том, каких успехов они добились в футболе, мы вправе ждать в их лице серьезных соперников на ледяной площадке. Во всяком случае, дело они ведут широко и солидно.

Кстати сказать, и традиции в хоккее у поляков очень хорошие: в 1929 и 1931 годах они завоевывали «серебро» на первенствах континента.

Одновременно со строительством хоккейных площадок в Польше создают крепкие клубы, а при них спортивные школы, наподобие нашей, армейской. С хоккеистами, даже самыми маленькими, занимаются квалифицированные тренеры, в том числе приглашенные из СССР. Популярности хоккея в Польше способствует и то, что ведущие польские спортивные журналисты много пишут об этой игре.

Научились поляки выпускать и хороший хоккейный инвентарь. В частности, я держал в руках клюшку с надписью «Сделано в Польше». Она, эта клюшка, не уступает лучшим мировым образцам.

Вовсе не случайно я так много места в своем повествовании отвожу хозяевам мирового чемпионата 1976 года. Вот что случилось в Катовицах...

– С кем мы играем первый матч? – спросил меня кто-то из молодых хоккеистов, когда мы расположились в отеле. – С Польшей? Ну, это пустяки.

Я прямо-таки опешил. Ничего себе настроение!

– Ты куда приехал? – говорю. – Ты на чемпионат мира приехал. Здесь слабых соперников нет. Выкладываться надо в каждом матче. В каждом, понял?

Он недоуменно пожал плечами и отошел. Не поверил мне. А жаль.

На игру с хозяевами в ворота вначале поставили моего дублера, Александра Сидельникова. Матч начался атаками нашей команды. Михайлов, Якушев, Мальцев выходили один на один с вратарем поляков Ткачом, по все эти дуэли выигрывал голкипер. От обороны наши соперники переходят к острым и умелым контратакам и дважды добиваются успеха – 2:0. Со скамьи запасных мне хорошо видны все ошибки моих товарищей. Защитники стоят на месте. Нападающие вяло перебрасывают шайбу. В действиях команды нет ни свежести, ни задора. Ужас...

Когда четвертая шайба влетела в наши ворота, тренеры заменили Сидельникова. В ворота встал я. Поздно. Мы уже проиграли.

Еще ни на одном первенстве наша сборная не дарила очки командам, которые бы не считались ее основными соперниками в борьбе за первое место. И вот...

Хозяева не просто умело, а я бы сказал – замечательно построили свою игру на контратаках. Они провели в наступлении не более восьми минут из шестидесяти. Преимуществом, причем подавляющим, владели мы, а шайбы забивали наши соперники. Что это было?...

– Это была сенсация, – сказал на пресс-конференции после матча старший тренер польской команды Йозеф Курек. – Только на последних минутах встречи, когда счет стал 6:4 и

арбитр наказал соперников малым штрафом, я почувствовал, что мы, кажется, победили. Накануне я призывал ребят думать только об обороне, чтобы не пропустить ни одной «лишней» шайбы. Но мои парни не только уверенно оборонялись, но и были удачливы в атаке.

Не знаю, какую оценку поставил после игры своему вратарю польский тренер, но 30-летний Анджей Ткач, безусловно, был главным героем в тот вечер. Отлично провел свой первый ответственный международный матч и 22-летний дебютант сборной Польши Веслав Иобчик, забивший три гола в наши ворота.

В дальнейшем мы так и не смогли найти свою игру. Неудачно провели обе встречи с чехословацкими хоккеистами (2:3, 3:3), проиграли во втором круге шведам (3:4) – словом, очков растеряли как никогда много и в итоге чудом «зацепились» за второе место.

Анализируя причины этой огорчительной неудачи, я пришел к следующему выводу: сборная в том виде, в каком она прибыла на чемпионат, не могла рассчитывать на успешное выступление. Все логично. Тренеры сделали основной акцент на подготовке к зимней Олимпиаде-76. Борьба в Инсбруке отняла у всех нас слишком много сил. Мы стали олимпийскими чемпионами, но какой ценой! Ребята были измотаны и морально, и физически. Многие вернулись из Австрии с тяжелыми травмами. Уже в Катовицах, едва начался турнир, сборная получила еще ряд серьезных «пробоин»: из-за травм команда потеряла Шалимова и Мальцева. Кроме того, в ее составе не было Петрова.

Мне кажется, в Катовицы следовало взять молодежный состав. Братьев Голиковых, Балдериса, перспективных защитников... Игроков, которые год спустя все равно вошли в состав сборной. Не хочу сказать, что молодежь обязательно победила бы в Польше, но, наверное, она сыграла бы не хуже. А проверку прошла бы – лучше не придумаешь.

...После отпуска, который мы с женой провели в Крыму, меня вызвали в Комитет по физической культуре и спорту.

– Готовься, – сказали мне. – Возможно, вскоре поедешь за океан, на Кубок Канады.

Откровенно говоря, я испытал двойственное чувство, узнав эту новость. С одной стороны, мне снова хотелось сразиться с профессионалами – этими искушенными мастерами хоккея. Было заманчиво вновь побывать на большом хоккейном празднике, на котором ты не последний человек. Хотелось проверить себя – свое умение и свой характер – все ли как прежде? Но наряду с этим были некоторые обстоятельства, смущавшие меня. И главное – тот состав сборной, который определили для поездки в Канаду.

Летом случилось несчастье с Валерием Харламовым, и наша сборная осталась без лидера.

Не повезло и ведущим спартаковским хоккеистам, которые вместе с армейцами всегда составляли костяк сборной: их роковым образом преследовали травмы, и к началу сезона звено Шадрин оказался явно неподготовленным.

Возможно, все это окончательно повлияло на решение хоккейного начальства послать в Канаду не первый состав сборной, а так называемый экспериментальный вариант. В него включили несколько малоизвестных и необстрелянных игроков, а управление командой доверили Виктору Тихонову, Борису Майорову и Роберту Черенкову.

Я уже говорил, что обеими руками голосую за то, чтобы в трудных матчах закалять молодежь. Делать это необходимо, иначе мы останемся без смены. Но мне показалось, что не очень-то верили в такую команду посылавшие нас руководители. А это уже плохо.

– Ваша задача – войти в тройку призеров, – напутствовали команду перед выездом.

Можно было эти слова попать и так: «Знаем, что вы не самые сильные, поэтому много от вас не требуем». Вряд ли такое напутствие способствовало поднятию боевого духа у хоккеистов.

Что касается меня, то я чувствовал себя в состоянии принять самый серьезный бой с любым соперником. Да и другие ветераны были настроены решительно. Не подвели бы только дебютанты... Я решил понаблюдать за ними, нашими новичками, сразу, как только мы прилетим в Канаду.

И вот Монреаль. Ажиотаж. Шум. Лавина прогнозов. Атмосфера накалена и в буквальном, и в переносном смысле слова. Липкая, обволакивающая жара. Даже не верится, что уже осень... Газеты, как всегда, соревнуются в предсказаниях. По всему видно: Канада придает этому турниру особое значение. Впервые в истории хоккея сильнейшие любительские сборные мира

будут встречаться с сильнейшими профессиональными сборными. Все ждут захватывающей борьбы. Я поглядываю на дебютантов: не смутил ли их весь этот шум? Нет, на первый взгляд все в порядке. Нервы у ребят хорошие. Посмотрим теперь, что они умеют на льду.

– Эх, скорее бы матчи... – сказал мне Хелмут Балдерис. – Нет ничего хуже ожидания. Все вокруг словно обезумели со своими прогнозами и вопросами.

– Это верно, – согласился я. – Мы можем дать ответ только своей игрой.

24-летний Балдерис недавно был включен в сборную. Если рижанин находит общий язык с партнерами, а защита соперников недостаточно прочна, то самому лучшему вратарю придется несладко. Балдерис с 4 лет на льду, но начинал он в школе фигурного катания и, говорят, был неплохим фигуристом. Его первый тренер до сих пор горько вздыхает, считая, что в лице Балдериса потерял звезду ледовых балов. Зато хоккей нашел в нем звезду ледовых сражений. В 1977 году Хелмут будет признан лучшим хоккеистом чемпионата СССР, а директорат чемпионата мира в Вене назовет его лучшим нападающим.

Хелмут менее всего напоминает ледового бойца. С виду это типичный студент – в очках, слегка рассеянный, с тонкими чертами лица, малоразговорчивый. Но как обманчиво бывает внешнее впечатление! Вспомните Бобби Кларка из «Филадельфии». Глядя на него, можно подумать, что Бобби – отъявленный головорез, однако, познакомившись с ним, вы убеждаетесь: это добрейший и славный парень. Правда, свою репутацию Кларк несколько подмочил в 1972 году, когда играл в Москве за сборную НХЛ. Видимо поддавшись общему агрессивному настроению, которое тогда царило в их команде, он тоже задирился как петух.

Четыре года спустя, во время суперсерии, мне передали сувенир от Кларка – это были наручные часы. «Бобби восхищен вашей игрой и хочет с вами встретиться», – сказали мне. Мы встретились. Я поблагодарил за подарок и спросил, что бы Кларк хотел получить от меня.

– У меня есть все, – ответил канадец и скромно добавил: – Я ведь миллионер.

Но когда я подарил ему пыжиковую шапку, Кларк искренне обрадовался и тут же стал ее примерять. А когда при следующей встрече я вручил ему настенные часы с кукушкой, Бобби обрадовался еще больше.

Мы много говорили с ним о хоккее, рассказывали друг другу о своих семьях.

– Я очень люблю играть, – сказал он мне как-то, – но есть в этом один существенный недостаток: хоккей не позволяет мне уделять много времени своей семье, детям. Он поглощает девяносто пять процентов моего времени. Вот скажи, Владислав, какое расстояние проезжает ваш клуб за сезон, кочуя из города в город?

Я порылся в памяти:

– По-моему, 21 тысячу километров.

– А мы почти 100 тысяч! 80 матчей за 179 дней – каково, а?!

– Тяжело, – согласился я. – Вы часто играете, зато мы больше вас тренируемся. В два раза больше.

– Ах этот хоккей... – совсем по-стариковски вздохнул Бобби Кларк...

За эти годы мы сдружились. При встрече Кларк обязательно осведомится о здоровье моей жены и детей, а если нам долго не удастся встретиться, непременно передаст привет через кого-нибудь из общих знакомых. Одна из канадских газет по этому поводу заметила: «Если острое соперничество двух спортсменов, придерживающихся разных взглядов, не мешает им дружить, то что мешает так же дружить нашим странам?»

...Вероятно, хозяева так сильно хотели выиграть Кубок Канады, что даже расписание матчей, вопреки традициям, заставили «работать» на себя. Уже в первой встрече мы должны были играть с чехословацкими хоккеистами. При всем моем уважении к НХЛ трудно считать это просто случайностью.

Кстати, такого же мнения придерживался и обозреватель крупной канадской газеты «Торонто стар». Вот что он написал в своей статье после турнира: «Для начала надо признаться, что матчи были запланированы так, чтобы у наших „золотых парней“ были идеальные условия: на наших катках, с большим участием североамериканских арбитров и расписанием, которое давало нашей команде наилучшие шансы... Советские хоккеисты именовались „автоматами“, исполнителями гигантского коммунистического заговора, цель которого – победить наших невинных, ясноглазых, аккуратненьких героев. Но если и

существовал заговор, то его участниками были организаторы-канадцы, которые составили расписание так, что в наиболее выгодном положении оказалась наша команда. Что же касается невинных и ясноглазых, то ими я бы назвал хоккеистов в форме сборной СССР».

Таким образом, турнир начался для нас сразу, без разведки. И, увы, тут же оправдались мои первоначальные опасения по поводу новичков команды. Они волновались и не показали своей лучшей игры. А главное, они не показали боевого характера, чем всегда была сильна сборная СССР. На мои плечи легла большая нагрузка: чехословацкие хоккеисты несколько раз выходили со мной один на один. В нашем тылу не было никакого порядка. Мы потерпели поражение со счетом 3:5.

В сборной ЧССР одинаково хорошо были сбалансированы все линии, а в комплектовании найдена гармония между ветеранами и молодежью. Это был подлинный сплав опыта и молодости, хладнокровия и задора. Взять, к примеру, чехословацких вратарей. Я хорошо знаком и с Иржи Холечком, и с Владо Дзуриллой. И того, и другого по возрасту вполне можно было отнести тогда к ветеранам, но как они играли!

Правда, Дзурилла однажды уже пробовал распрощаться с хоккеем. В 1972 году, после пражского чемпионата мира, его торжественно проводили на отдых. Однако четыре года спустя выяснилось, что сборной снова нужен этот человек – спокойный, добросовестный и надежный. Долго уговаривать Дзуриллу не пришлось, он опять охотно взял в руки клюшку и заиграл, как в свои: лучшие годы.

После того матча канадские газеты справедливо написали, что в сборной СССР есть 19 отдельных игроков, но нет коллектива. Во время телевизионного интервью, отвечая на вопрос, чего не хватило команде, я тоже ответил: коллективной игры.

А впереди уже маячил второй бастион – шведский. Нам были хорошо известны сильные и слабые стороны «Тре крунур», по теперь в команду вошли профессиональные игроки, и это должно было изменить тактический рисунок ее игры.

3:3 – счет этого матча. Мы упустили победу на последних минутах, упустили самым обидным, самым непростительным образом: Капустин передал шайбу прямо на клюшку шведу из профессионального клуба «Торонто Мейпл Лифс» Б. Сальмингу, защитник Куликов в это время замешкался, а другой шведский профессионал, Хедберг, получив пас, вышел со мной один на один и лишил нас победы.

Канадский арбитр Лагасс чересчур строго отнесся к нашей команде. Дважды полевые игроки оставались втроем. У меня создалось такое впечатление, что арбитр явно хотел оказать влияние на исход матча. Ведь что такое остаться на площадке втроем? Никакой тактики игры «трое против пяти» не существует. Оставить хоккеистов втроем – значит, по существу, наказать их голом.

Досаду после матча слегка скрасил приз, который мне, как лучшему игроку встречи, вручил Жак Плаит. Он назвал меня первым вратарем в мире. Конечно, такая высокая оценка из уст легендарного Планта была очень лестной, но, право, было бы куда приятней услышать похвалу, адресованную всей команде...

Удачно сыграв с финнами (11:3), мы перебрались в Филадельфию, где должен был состояться матч со сборной США.

Проснувшись утром в номере отеля «Шератон инн», я сразу глянул в окно. Как там с погодой? Небо было безоблачно-голубым. Яркое светило солнце.

– Теплый будет день, – сказал мой сосед по номеру Саша Голиков.

– Жаркий, – поправил я.

Накануне термометр даже в тени показывал плюс двадцать пять. На катке «Спектрум», где мы тренировались, было душно, как на пляже. Мы взмокли, едва взяв клюшки. Но тренировка прошла как обычно – все занимались старательно, с охотой. Даже Виктор Шалимов, до конца не оправившийся после тяжелой травмы, надел коньки и вышел на лед.

Не буду подробно останавливаться на этом матче. Мы сравнительно легко выиграли у американцев (5:0), и я подумал, что новички вроде бы начинают обретать уверенность. А канадцы уступили сборной ЧССР, пропустив в третьем периоде единственную за весь матч шайбу. Чехословацкую команду эта победа сразу вывела в финал. Нам же теперь предстоял самый трудный поединок – с хозяевами соревнований.

И опять дебютанты команды не смогли справиться со своими нервами. Играли они старательно, но волнение будто опутывало их по рукам и ногам. Счет на 8-й минуте открыл канадец Перро, затем Викулов провел ответную шайбу. Перед самым перерывом Халл снова вывел своих вперед. В следующем периоде Барбер довел счет до 3:1. Таким он и остался. Мне пришлось отразить более 40 бросков, однако это не беда, мог бы и больше. Жаль, что наши полевые игроки, взяв сначала хороший темп, потом перешли на медленную, тягучую игру – это оказалось на руку канадцам.

Итак, впервые за много лет главные награды крупного хоккейного турнира разыгрывались без участия советской сборной. Финал из трех матчей свел команды ЧССР и Канады. Что ж, справедливо. Они оказались лучшими на этом хоккейном празднике.

Кубок Канады завоевали питомцы Скотти Боумена, но нельзя сказать, чтобы победа досталась им легко. Чемпионы мира оказали ожесточенное сопротивление канадцам. У чехословацких хоккеистов были хорошие шансы выиграть, но в какой-то момент робость перед «непобедимыми» помешала им.

Горечь неудачи для меня слегка подсластилась победой в так называемом шоу-даун, которое проходило в Канаде в те же дни. Об этом надо рассказать. Я надеюсь, что когда-нибудь нечто подобное будут проводить и у нас в стране.

Своеобразное состязание голкиперов и форвардов, так называемое шоу-даун, проводится канадским телевидением в Северной Америке каждый год. Участвуют в нем лучшие игроки профессиональных клубов. В 1976 году перед Кубком Канады впервые состоялось «интершоу» – вместе с хозяевами соревновались европейские мастера. Мы собрались в небольшом поселке близ Торонто: восемь вратарей и шестнадцать полевых игроков. Вратари: Вашон, Бушар, Реш и Стивенсон (Канада); Холечек (ЧССР), Леппинен (Финляндия), Эстрем (Швеция), Третьяк (СССР). Всех полевых игроков перечислять не буду, отмечу только, что среди них были такие звезды профессионального хоккея, как Кларк, Лярош, Жильбер, Лефлер (он последние два сезона забивал в НХЛ больше всех шайб), а также сильнейшие форварды-любители. Из советских хоккеистов кроме меня в Торонто приехали Александр Мальцев и Виктор Шалимов.

Каток в этом поселке небольшой, уютный, чем-то напоминающий наш во Дворце спорта ЦСКА. Зрителей на трибуны не пускали – все происходило в обстановке строжайшей тайны. Зрелищем монопольно владело телевидение: оно записывало все происходящее на видео пленку, с тем чтобы продемонстрировать ее зрителям во время показа по телевидению финальных матчей Кубка Стэнли. С нас взяли честное слово не разглашать до весны результатов «шоу-даун».

Мы, признаться, с некоторым трепетом вышли на каток. Но хотя мы и говорили на разных языках, это не помешало всем нам быстро освоиться, проникнуться взаимными симпатиями. Со стороны могло показаться, что здесь собрались не соперники, а игроки одной команды. Это было замечательно!

Сначала состоялась жеребьевка. Нападающие вытаскивали из цилиндров бумажки с фамилиями вратарей, а вратари «выбирали» нападающих. На моей бумажке значилось «Лярош». Я знал, что означает эта фамилия. Лярош – восходящая звезда из Питсбурга (потом он играл в «Монреаль канадиенс»). Этаким красивый француз, которому, кажется, на роду написано быть счастливым. Словом, я решил, что в споре с этим парнем мне придется туго.

Вслед за мной попытать счастье к цилиндру подошел Потвин. Всем было видно, как сильно волновался канадец.

– Третьяк давай! – в шутку закричали Потвину. – Тяни Третьяка!

Он решительно вытащил бумажку, развернул ее и в сердцах бросил на пол. «Третьяк», – сразу догадались все. А я подумал, что одним соперником у меня, кажется, уже меньше. Потвин заранее сложил оружие.

Теперь настала пора определить время, кому в какой час выходить на лед. «Только бы не первым», – заклинал я. Ведь я даже не представлял толком, что мне предстоит делать! Ночь накануне я почти не спал: все думал, как сыграю, не уроню ли марку нашего хоккея. Я редко волнуюсь так сильно даже перед самыми ответственными матчами.

И что вы думаете? Конечно, я вытащил бумажку, на которой было написано: «8 часов 30 минут». Иначе говоря, мне выпал первый номер. Вот ведь не повезло!

Сначала полевые игроки состязались в искусстве обводки, быстроте действий и точности броска. По условиям турнира форвардам предстояло выполнить ряд очень тяжелых упражнений, требующих безупречного владения клюшкой, снайперской меткости... Редко кому удавалось сделать все, как надо. Судьи учитывали даже скорость полета брошенной по воротам шайбы – ее измеряли специальным радаром.

Затем наступил черед вратарей. Первым мои ворота атаковал Потвин. Волнение, как обычно, улетучилось, едва я занял свое место на льду. Судья дал свисток. Потвин изо всех сил понесся на меня, а я, в свою очередь, выскочил метра на четыре вперед, навстречу канадцу. Тот, видно испугавшись, раньше времени бросил шайбу, и она попала прямо мне в ловушку. Все три попытки кончались одинаково: шайбы я брал. Лярош был более удачлив: две шайбы из трех он сумел забросить в мои ворота. Сначала он сделал сильнейший бросок издалека, при этом у канадца сломалась клюшка, что сбilo меня с толку. Пока я выискивал глазами шайбу среди обломков клюшки, она медленно заползла в ворота. Таким образом, счет стал 4:2 в мою пользу. А хорошо это или плохо, я не знаю. Ведь никто из других вратарей еще не выходил на лед. Радоваться мне или огорчаться?

Переодевшись, я пошел наверх. Там из-за стеклянной перегородки был виден каток и все происходящее на нем. Я взял кофе, устроился в кресле и стал ждать, что будет дальше.

На лед вышел Холечек. Он был бледен, очень волновался. Сначала чехословацкий вратарь пропустил три шайбы, потом еще две. Итого – пять. Мне стало ясно, что последним я уже не буду. Затем наступила очередь шведского вратаря Эстрема. Ему забили три из шести. Эстрему, пожалуй, не повезло больше других: по его воротам бросали очень сильные снайперы: Кларк и Жильбер. Финн Леппинен тоже пропустил три из шести. Ему предстояла переигровка с Эстремом. Швед оказался более удачлив и вышел в полуфинал.

Мы пообедали, а затем опять была жеребьевка. Я вытащил бумажку с именем Ситтлер. Ого, думаю, ничего себе! Ситтлер только что Холечеку три из трех забил. Этот форвард из «Торонто мейпл лифе» очень силен. (Кстати, чуть позже он подтвердил свою высокую репутацию в матчах Кубка Канады.) А меня «вытащил» Грант, капитан «Детройта», победитель двух последних «шоу-даун».

Но зато теперь я уже знал, что не так страшен черт, как его малюют. Все шайбы, брошенные Ситтлером, я взял. 3:0 в мою пользу. Грант забил только один гол. Значит, окончательный счет 5:1. Чтобы попусту не тратить нервную энергию, ухожу в раздевалку – ждать итогов соревнований Эстрема против Ляроша и Кларка. И вот дверь открывается, входит Эстрем. Вижу, радостный. Неужели он взял все шесть шайб и обошел меня? Эстрем подходит ко мне. «Сколько?» – спрашиваю я. «Три», – показывает он на пальцах. Три из шести? Все бросились меня поздравлять: я вышел в финал. Из европейских форвардов финалистом стал чех Глинка. У канадцев в финал вышли вратарь Стивенсон и нападающий Грант.

В финале первым в ворота встал Стивенсон. Глинка забил ему две шайбы, Грант – одну. Меня это почему-то окончательно успокоило. Я вышел на лед и подумал: «А ведь тебе ничто не мешает установить рекорд: шесть из шести. Вперед!» И действительно, все шесть попыток окончились моей победой. Я завоевал первый приз среди вратарей, Иван Глинка – среди нападающих. Так закончилось это необыкновенное соревнование.

...Думал ли я тогда, что третье место, столь непривычное для каждого игрока в красном свитере, ждет нас и в Вене, на мировом первенстве?

Но до чемпионата мира было еще восемь месяцев. Вернувшись домой, мы разъехались по своим клубам, чтобы, слегка отдышавшись, начать подготовку к чемпионату СССР, который должен был продолжаться с октября по март.

Сюрпризов этот чемпионат не принес. Наша армейская команда ровно прошла всю длинную дистанцию, особенно первую ее половину (только одно поражение в матче с ленинградцами и ничья со «Спартаком»). В команде царил дух полного взаимопонимания. Наш коллектив можно было сравнить с хорошо отлаженным механизмом, но механизм бездушен и скучен – о своих же друзьях я мог бы рассказать немало интересного. О фантастическом упорстве Владимира Петрова. Об умной и тонкой игре Бориса Михайлова. О преданности клубу Валерия Харламова, после тяжелой травмы спешившего на лед, в самое пекло борьбы...

После Нового года ведущие игроки почувствовали некоторую усталость – именно этим я

бы объяснил поражения от «Трактора» и рижского «Динамо». Балдерис забил мне четыре шайбы, и в газете написали, что Третьяк боится рижанина. Это неправда, я никого не боялся. Балдерис, конечно, хороший форвард, он всегда нацелен на ворота, но те четыре шайбы я бы объяснил скорее нашей усталостью – моей и защитников.

Ключевым, переломным моментом чемпионата страны тогда стали наши встречи с московским «Динамо» – единственным клубом, который мог поспорить с ЦСКА за «золото». Третий матч между двумя командами, пожалуй, и решил этот спор.

Мы специально готовились к этому матчу. Тактика у динамовцев известная: они выстраиваются на синей линии, отбирают шайбу и тут же наносят стремительный, острый контрудар. Беда, если соперники не успеют вернуться в свою зону. Верный гол. Наш главный козырь тоже все знают – атака!

– Надо прорываться на больших скоростях, – рекомендовал перед игрой наш старший тренер Локтев. – Использовать длинный, точный пас или проброс. Смотреть за Мальцевым.

Ну, мне-то не нужно напоминать об этом. Я уже прокрутил в голове «кино» с титрами «Саша Мальцев», вспомнил, как и с каких точек он бросает. Наверняка вся игра пойдет через него. Впрочем, его партнеры тоже сильны – Голиков и Природин. Гляди и за ними в оба!

Динамоцы вышли на площадку с таким молодецкатым задором. Мол, сейчас мы вас шапками закидаем. Но нас не проведешь. Я сразу заметил – побаиваются они, а лихостью своей маскируют волнение. ЦСКА повел в счете. Самым трудным был второй период. Соперники яростно стремились отыграться. Темп стал просто сумасшедшим. Я вжимаюсь в лед, шайба все время мечется рядом. У меня нет ни минуты передышки. Мальцев – вот хитрец! – сменил тактику: раньше он стремился обвести меня, а теперь бросает, как из пушки палит. Когда шайба у динамовского капитана, я всегда включен на сто процентов.

На перерыв ухожу чуть живой.

Десяти минут отдыха мне хватает, чтобы прийти в себя, снова настроиться на тяжелую борьбу.

В том матче мы победили со счетом 5:2. Наши хоккеисты точно выполнили указания тренеров, а от себя добавили игре импровизации, огоньку. Успех ЦСКА, в двадцатый раз ставшего чемпионом СССР, стал возможен не только благодаря отличной игре ветеранов. У нас подросла достойная молодежь. Я любил смотреть, как с молодыми занимался тренер Юрий Моисеев – с душой, много, по-тарасовски требовательно.

Динамоцы завоевали «серебро», а бронзовыми призерами чемпионата страны впервые стали хоккеисты из Челябинска. Я был рад их успеху. Мне нравилось играть с этой командой – скоростной, задорной, признающей только один аргумент в споре с любым соперником и на любом поле – атаку. Хоккеисты «Трактора» много бьют по воротам, это мне тоже по душе. Раньше они были угловаты, прямолинейны, но постепенно почерк команды менялся. В действиях игроков появились продуманность и зрелость. Но самым привлекательным был характер «Трактора» – независимый и боевой.

...Чемпионат страны закончился, и наконец-то я смог уделять больше внимания семье. В декабре родилась дочь Ирина. Я был рад этому, мне доставляло огромное удовольствие возиться с малышкой, брать ее на руки. Да и за учебники пора было браться снова: я решил поступать в Военно-политическую академию.

Однако передышка была недолгой: началась подготовка к первенству мира. А еще спустя некоторое время, в середине мая, в моем дневнике появились такие строки: «Впервые в жизни май обманул меня. Раньше этот месяц всегда дарил только радость. Красивая пора! Весна, сирень, конец сезона, награждение медалями, грядущий отдых... Но сейчас у всех нас словно камень на душе. Наверное, каждый хоккеист, как и я, испытывает потребность остаться наедине со своими мыслями. Но разве это возможно – скрыться от всех? Куда ни придешь, везде слышишь беспощадный вопрос: ну как же это вы проиграли? Что случилось? Как будто можно двумя словами ответить, почему сборная вернулась из Вены с бронзовыми медалями... Мы еще и сами толком не разобрались в этом. Нужно время, чтобы улеглись страсти, чтобы вернулась способность анализировать. А пока каждый из нас находится во власти эмоций, в плену переживаний и досады. Наше третье место болельщики восприняли как трагедию, и их можно понять. Мы приучили их к победам, приучили к мысли, что советский хоккей самый сильный в

мире».

Вспомним историю. Канадцы начали забавляться шайбой еще в середине прошлого века. В 1879 году были сформулированы первые хоккейные правила. Европейцы провели свой первый неофициальный чемпионат в 1910 году. Десять лет спустя в Антверпене состоялся первый олимпийский турнир по хоккею, он же – первый чемпионат мира. В 1928 году профессионалы учреждают Кубок Стэнли.

В нашей стране об этой игре знали только понаслышке. Лишь в конце 40-х годов у нас появились хоккейные команды, укомплектованные в основном футболистами и игроками «бенди». В 1954 году сборная СССР впервые включилась в борьбу за титул чемпиона мира и сразу оказалась сильнейшей. К 1977 году паша команда пятнадцать раз завоевывала мировую корону. Есть чем гордиться! Особенно удачными для нас были чемпионаты 1963 – 1971 годов – девять побед подряд! Первая «осечка» случилась в 1972-м. И вот после поражений в Катовицах, а затем в Кубке Канады – опять неудача.

Как же это произошло? Почему?

Я буду далек от правды, если скажу, что мы приехали в Вену терзаемые плохими предчувствиями. Нет, настроение было обычным, как перед любым ответственным соревнованием. Я, впрочем, чувствовал некоторую психологическую усталость: побаливала голова, не хотелось думать о хоккее...

Сезон был очень трудным, и отыграл я его практически без замен, – и за клуб, и за сборную.

Венский чемпионат обещал интересную борьбу. Впервые наряду с сильнейшими любительскими сборными в нем участвовали профессиональные команды США и Канады. Правда, канадцы приехали не лучшим составом – многие игроки были заняты в заключительных играх Кубка Стэнли, но и в этой команде было немало звезд.

Десять лет назад, здесь же, в Вене, тоже проходил чемпионат мира по хоккею. Тогда наша сборная завоевала золотые медали. Из того состава в команде сейчас остался только Александр Якушев. Тогда он был дебютантом сборной, теперь – один из основных игроков.

Мы неплохо начали чемпионат, побеждая подряд всех соперников, в том числе и канадцев. У них в первом матче мы выиграли с поистине разгромным счетом – 11:1. И нельзя сказать, чтобы эта команда произвела на нас сильное впечатление: профессионалы были совершенно не сыгранны. Мне даже казалось, что они толком не представляли, зачем приехали в Австрию.

В первые дни они вели себя так, словно уже стали чемпионами. Всем своим видом они хотели показать: вот мы какие – самые лучшие, самые знаменитые, самые-самые! Они напоминали мне невоспитанных детей.

Расплата наступила немедленно. Уже на второй день чемпионата канадцы проиграли шведам – 2:4. Я думаю, что это поражение было для них особенно обидным. В перерыве перед третьим периодом я видел, как Лярош, растерянный и бледный, лихорадочно курил и глотал черный кофе.

– Ну что же ты? – сказал я. – Давай поднажми.

– Сейчас, сейчас, – ответил Лярош. – Мы им покажем.

Он допил одним глотком свой кофе и побежал на лед. Но так и не смог ничего показать мой приятель. Шведы выиграли. После окончания матча произошел неприятный инцидент. Во время исполнения шведского гимна канадец Пэйман демонстративно ушел со льда. Игра в «королей» перешла все рамки. Надо отдать должное шефу канадской делегации Алану Иглссону – он побежал за хоккеистом, и я невольно стал свидетелем неприятной сцены: Иглссон чуть не избил Пэймана. Кстати, когда канадцы через день уступили нам, некоторые из них во время исполнения гимна тоже повели себя неприлично: не сняли шлемов, стояли демонстративно опершись на клюшки. Всем своим видом они показывали пренебрежение к победившей команде. Конечно, это не по-спортивно.

28 апреля состоялся матч СССР – Чехословакия. Вот когда я почувствовал себя не в своей тарелке. Да и все остальные тоже. Слишком памятливы были поражения, которые мы потерпели от команды ЧССР на минувшем чемпионате мира в Катовицах и в турнире на Кубок Канады... Тренеры тщетно пытались снять напряжение:

– Успокойся, успокойся, Владик. Все будет хорошо.

– Я спокоен, – отвечал я не столько им, сколько самому себе. – Да, я спокоен.

Но вот мы вышли на лед. Пожалуй, соперники нервничали еще больше. Вратаря сборной ЧССР Холечека окружила вся команда – что-то говорят ему, хлопают по щиткам клюшками. На первой же секунде сильный бросок по моим воротам сделал Эberman. Я отбил.

Затем с глаза на глаз со мной вышел Бубла, он бросил, я подставил клюшку и сразу грудью упал на шайбу. Момент был напряженный. Много зависело от того, кто откроет счет. К счастью, это удалось нам. На 6-й минуте Капустин стремительно прошел вдоль борта за ворота Холечека, затем выдал пас назад, и Жлуктов с ходу забросил шайбу в ворота. Вскоре Мартинец, когда чехи играли в большинстве, швырнул шайбу издалека. Я был закрыт игроками и не среагировал на бросок. Счет сравнялся – 1:1.

На второй период мы вышли с совсем другим настроением: мы чувствовали, что сильнее соперников, что можем убедительно выиграть. Так и случилось. Капустин (дважды), Михайлов и Бабинов довели счет до 5:1, а в третьем периоде Якушев поставил точку – 6:1.

После игры ко мне подошел чехословацкий игрок Новак.

– Все правильно, – сказал он, – Вы сильнее, вы будете чемпионами.

– Посмотрим, – уклончиво ответил я.

Когда мы шли в душ, Эberman, явно опечаленный неудачей, сказал:

– Ну что ж, мы чуть не выиграли Кубок Канады, а вы выиграете звание чемпионов мира. Так будет, вот увидишь...

– Ты, наверное, шутишь, – перебил я его. – Вся борьба на чемпионате еще впереди.

Я действительно думал так, как говорил. Но этого отнюдь не скажешь о некоторых других наших хоккеистах и тренерах. Они, кажется, поверили в то, что «золото» нам уже обеспечено. Слишком рано поверили... Смелые интервью журналистам, преждевременные выступления перед болельщиками, которые приехали в Вену, самоуверенность – все это было совершенно не в стиле нашей команды. Возможно, это и подвело нас.

2 мая мы вышли на матч со сборной Швеции. Достаточно было выиграть, и мы обеспечивали себе золотые награды. Никто и не сомневался в победе. Подумаешь, шведы... Сколько раз их побеждали! Безусловно, на настроение наших игроков повлияли и слишком оптимистические высказывания газет. «Русские сильнее всех, – писали они. – Чемпионат закончен. Чемпионы уже известны», Напрасно тренеры не нарушили эту идиллию, не напомнили игрокам о том, где они находятся. Впрочем, и тренеров отчасти можно было понять. За шесть матчей наша команда забросила соперникам 64 шайбы. Трудно было не поверить в то, что мы действительно сильнейшие. Одна победа, и мы – чемпионы!

И вот начался матч со шведами. На первой же минуте Харламов едва не забил гол. Через некоторое время шайба еще трижды могла влететь в ворота «Тре крунур». Как ни странно, но и это пошло нам во вред. Мы решили: ну, все в порядке – «поймали» свою игру, сейчас забросаем соперников шайбами. Но время шло, а ничего похожего на успех не было. Первый гол шведы забили нам в первом периоде. Наши игроки напоминали рыб, бьющихся об лед, у них было огромное желание победить, у них было мастерство, но все это не приносило реальной пользы.

Во втором периоде шведы стали играть активнее, а на нашу защиту напало какое-то оцепенение. Соперники без помех бросают по моим воротам, смело идут на добивание, мои же товарищи по команде... спокойно стоят и наблюдают. Прямо мистика какая-то! К тому же шведы грамотно построили защиту. Даже играя в меньшинстве, они запросто лишали наших хоккеистов возможности атаковать ворота, а при первом же удобном случае не медля контрнаступали.

Закончился этот матч с удивительным результатом: мы проиграли – 1:5.

И сразу же атмосфера в команде переменялась. На смену благодушию пришло нервическое ощущение потери. Как будто нам теперь предстояло участвовать в погоне за чем-то украденным.

И посыпалось с разных сторон: «вы должны», «вы обязаны», «вам надо», «должны, должны, должны»... Человек посторонний, услышав все это, мог, наверное, решить, что, если мы не выиграем первого места, настанет конец света. Такая «накачка» не сулила ничего хорошего – это подтвердил уже следующий матч, с чехословацкой командой.

На этот раз соперники поставили в ворота Дзуриллу. Первый же период окончился со счетом 3:0 в пользу ЧССР. Что случилось – до сих пор не могу понять. Защита опять играла из рук вон плохо. Нападающие были беспомощны.

Понурые, потерянные, мы брели в раздевалку. Не хотелось смотреть друг другу в глаза. Никто не узнал бы в этот момент сборной СССР. В коридоре меня догнал Владимир Петров.

– Ты кончай шайбу вперед отбивать, – проворчал он.

– А ты лучше бы обороне помогал, – огрызнулся я.

И это было непохоже на нас – чтобы в перерыве между периодами, как бы трудно ни складывался матч, мы затевали перепалку. И это говорило о том, что команда больна.

Второй период начался с того, что соперники забросили нам четвертую шайбу. При явной пассивности защитников они били, били и забили-таки нам гол. Я почувствовал нечто похожее на панику. «Ну, давайте, ребята, возьмите себя в руки, – мысленно умолял я. – Мы же десятки раз выигрывали у сборной Чехословакии! Мы же сильнее...» Харламов, Михайлов и Балдерис отквитали три гола, но большего сделать не удалось. Дзурилла был на высоте. И так, еще одно поражение.

...После чемпионата, уже в Москве, мне довелось услышать мнение одного психолога по поводу наших неудач в Вене. Оно не было неожиданным, подтвердило мои собственные мысли.

– Вы разучились проигрывать, – сказал психолог. – Уступая в счете, вы начинаете паниковать и забываете свою игру. Каждый лихорадочно делает то, что он считает нужным. Каждый вроде бы лезет из кожи вон и тратит все силы, но на льду нет команды, нет сплоченного коллектива. Преимущество в матчах со шведами было на вашей стороне, а победу праздновали соперники. Это же абсурд! Думаю, что и тренеры не были способны разумно руководить игроками в тяжелые моменты. Вместо того чтобы сплотить сборную, они занялись поисками виновных. Ведь так?

– Да, вы правы.

...Однако не все еще было потеряно. Следующий матч предстояло играть с Канадой. К этому времени канадцы стали неузнаваемы. Видимо, в них взыграло самолюбие, вспомнили они о своей профессиональной гордости. Да и реакция канадских болельщиков, ругавших свою сборную на чем свет стоит, видно, возымела определенное действие. Профессионалы сыграли вничью (3:3) со сборной ЧССР, затем разнесли (7:0) шведов. Они явно покончили с анархией и, кажется, всерьез решили претендовать на главные трофеи. Забегая вперед, скажу, что, конечно, они заслуживали более высокого места, чем четвертое, но подвела «кленовых листьев» слишком грязная игра. Я всякое видывал на льду, однако то, что иногда вытворяли в Вене канадцы, было и для меня открытием. За такие дела у нас надолго отбирают клюшку. Пэйман, Маккени, Рассел и их приятели хулиганили не переставая, и судьям ничего не оставалось, как постоянно отправлять их на скамью штрафников. А соперники в это время забивали шайбы.

Матч СССР – Канада, который мы сыграли 6 мая, в этом смысле не стал исключением. Он напоминал то, что полтора года назад произошло в Филадельфии. Канадцы, не будучи уверенными в своем мастерстве, решили запугать нас. Точно так же ранее они запугали шведов. «Психическая атака» началась еще до игры. «Если мне придется прыгнуть и схватить кого-нибудь за горло, чтобы выиграть матч, я сделаю это», – заявил Ф. Эспозито корреспонденту австрийской газеты «Нойе кронен цайтунг». Во время разминки шайба из канадской зоны случайно попала к нам. Гена Цыганков – добрейший парень, наш защитник – только прикоснулся своей клюшкой к этой шайбе, чтобы переправить ее обратно, как на него коршунами налетели профессионалы. Канадцы были готовы затеять драку уже сейчас, на разминке, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, какие они страшные и кровожадные.

Разминка кончилась, и тут кто-то из соперников демонстративно швырнул шайбу прямо в меня. Признаться, я был потрясен. Сколько играю – такого еще не случалось. Но это еще не все. Мы отправились по своим раздевалкам, и здесь нам пришлось услышать из уст канадцев все самые грязные ругательства, которые существуют за океаном. Случись это на улице, всю канадскую команду немедля отправили бы в полицию. Но это происходило во... Дворце спорта и называлось «психологической обработкой» соперников.

Право, зрелище было мерзкое. Злобные, перекошенные лица, пена на губах. В это трудно поверить, но это так. После матча я подошел к своему старому приятелю, бывшему

профессионалу, Аги Кукуловичу, который долгое время работал в московском представительстве авиакомпании «Эр Канада».

– Аги, что же это за банду привезли в Вену?

– Мне самому за них стыдно, – ответил он.

Счет в этой встрече открыл Цыганков. Вскоре канадцы забили ответную шайбу, и здесь снова произошло то, о чем до сих пор я вспоминаю с отвращением. Соперники подкатывали к моим воротам и орали прямо в лицо: «Что, съел, проглотил шайбу?!» Они хотели вывести меня из равновесия, по добились обратного. Я сказал себе: «Все, этот гол последний в твоих воротах». Так и получилось.

Больше они мне не забили.

Их бесило то, что наши игроки не поддаются на мелкие провокации, не отвечают ударом на удар. Канадские хоккеисты были просто вне себя. План по запугиванию провалился. Судьи проявили твердость, не прощая ни одну из их выходов. Удаления назначались одно за другим. Канадцы сорвали голоса, ругаясь с арбитрами, но все было напрасно. Нарушителей отправляли на скамью, а мы в это время забивали шайбы.

Грубиян Пэйман, приставленный глядеть за Якушевым, выполнял свою миссию весьма «оригинально»: он цеплял Сашу крюком за шею. Рассел орудовал своей клюшкой, как оглоблей в деревенской драке, а когда его наказали, он устроил на скамье штрафников настоящую истерику – швырнул на землю шлем и разразился потоком брани. После сирены, известившей о том, что профессионалы проиграли со счетом 1:8, Маккени в бессильной злобе ткнул клюшкой в живот Шадрин...

На что они надеялись? На то, что судьи закроют глаза? На то, что мы испугаемся? На то, что их выходы понравятся публике? Но судьи были тверды. А нас еще никто и никогда не мог запугать. Публика же стала презирать эту команду. Недаром австрийские болельщики скандировали: «Канада, гоу хоум!»

Во время чемпионата канадцы пытались обвинить арбитров: они-де неправильно судят, поэтому мы нервничаем и деремся. Эти претензии беспочвенны. Судьи допустили только одну ошибку: во время встречи Канада – ЧССР они напрасно засчитали третий гол, забитый в ворота канадцев. Но даже если допустить, что судьи были субъективны, может ли это оправдать хулиганов на хоккейной площадке?!

Судьбу первого места решила другая встреча – последняя на чемпионате: СССР – Швеция. Успех в этой игре выводил нас в чемпионы, поражение отбрасывало на третье место. После холодного душа, который устроила нам «Тре крунур» 2 мая, прошло шесть дней. Мы детально разобрались в причинах поражения и были убеждены в том, что произошла просто нелепая случайность. Нам нужно было теперь не повторить грубых ошибок, допущенных в тот злополучный день, просто не повторить и все. Не изменять коллективной игре, вовремя возвращаться в свою зону для организации прочной обороны, нападающим – точнее бросать по воротам Хегюста, тренерам – без нужды не перетасовывать звенья. Вот и все. Чего проще...

Но... «Вратарь Хегюста и нападающий Рональд Эриксон побеждают сборную СССР», – прочли мы на следующий день в газетах.

Все наши планы рухнули в первом же периоде. Мы будто забыли то, в чем еще недавно клялись друг другу. Опять – нервозность и суета, снова – провалы в средней зоне, куда беспрепятственно входили соперники, опять – робость и неуверенность в действиях форвардов. Даже такой хладнокровный хоккеист, как Якушев, несколько раз умудрялся не попасть в пустые ворота. Поражение со счетом 1:3 отбросило нас на третье место.

Разве можно было действовать в решающем матче (да и во всех других) так бескрыло и неизобретательно?! В этом матче со всей отчетливостью обнаружилось, что обеднел творческий арсенал сборной СССР. Шведы, но сути дела, опять поймали пас на ту же уловку: они использовали тактику «отката», мы же снова напоминали рыб, которые тщетно бьются о бетонную плотину, хотя рядом – чуть поищи – сколько угодно лазеек. Разве мы были слабее, чем «Тре крунур»? Нет, сильнее! Но наша команда, составленная из звезд, вдруг разучилась выполнять элементарные вещи. Для нее стало проблемой войти в зону соперников, реализовать численное преимущество... Мы не продемонстрировали в Вене ни новых комбинаций, ни оригинальных тактических построений.

Трудно, согласитесь, представить, чтобы чемпион мира по шахматам ехал на ответственный турнир, не имея в своем творческом багаже никаких новинок, «сюрпризов» для соперников. С нами же произошло именно так. А конкуренты не спали. Я из ворот примечал и хитрости новых чемпионов мира с участием Ивана Глинки, и «домашние заготовки» шведов.

Говорят, что в Вене нам чуть-чуть не хватило спортивного счастья. Может быть. Хотя я всегда считал: счастье – удел сильных.

После венского чемпионата в нашем хоккее произошло много перемен. Сборную возглавил новый старший тренер – Виктор Васильевич Тихонов. Здорово встряхнули всю работу с клубами. Активизировался поиск талантливых молодых игроков. Вице-президентом Федерации хоккея СССР стал А. В. Тарасов. Все эти меры были призваны вновь вывести советский хоккей на столбовую дорожку побед.

Слово о друзьях

Вертолетные лопасти со свистом замедлили свое кружение; Двигатель стих. Летчик рывком распахнул дверь и выбросил наружу короткую металлическую лестницу. «Прибыли. Можно выходить».

Кругом была глухая забайкальская тайга. Я спрыгнул на землю и... тут же попал в объятия какого-то местного богатыря-первопроходца.

– Вот уж никогда не думал, что увижу настоящих Мальцева и Третьяка! И где? В глухомани, за много тысяч километров от Москвы! – кричал он.

Его глаза сияли:

– У меня сегодня двойной праздник – утром сын родился. Ну и денек!

– От души поздравляю, – говорю. – А как сына назовешь?

– Еще не решил.

По командировке ЦК ВЛКСМ мы приехали к строителям Байкало-Амурской магистрали. Тренеры Тихонов, Юрзинов, хоккеисты Мальцев, Шалимов и я.

Поделившись на две группы, разъехались в разные стороны: одни – к монтажникам, другие – к тоннельщикам. Через два дня встретились на вертолетной площадке, чтобы возвращаться, как там говорят, на «большую землю». И опять ко мне тот строитель-богатырь подошел с крошечным ребенком, завернутым в голубое одеяло.

– Вот он, мой сын, – говорит. – Специально из родильного дома забрал, чтобы ему вас показать. Вырастет мальчишка, и я ему расскажу, что родился он в тот день, когда на БАМ Третьяк приезжал.

Я был тронут. Мы тепло попрощались, обнялись. Я уже пошел к вертолету, когда счастливый парень снова окликнул меня:

– А чего же не спрашиваешь, как я сына-то назвал?

– Как?

– Владислав! Конечно, Владислав! Помни об этом! Ну разве можно забыть!

На двух комсомольских съездах меня избирали членом Центрального Комитета ВЛКСМ. Не «свадебным генералом» видел я себя в этой роли. Старался по мере сил пропагандировать среди молодежи физическую культуру и спорт, достижения нашего хоккея.

Сколько за эти годы было встреч с болельщиками...

По командировкам ЦК ВЛКСМ я побывал на многих ударных комсомольских стройках, встречался с шахтерами, металлургами, тоннельщиками, гидростроителями... Считается, что во время таких поездок спортсмены в порядке, так сказать, шефства над ударными комсомольскими стройками пропагандируют достижения хоккея, агитируют людей заниматься спортом. Верно, это так. Но знали бы вы, сколь много дают эти встречи нам самим! Какой силой они нас заряжают! Когда встречаешься со своим болельщиком не на столичном стадионе, а, как говорится, на переднем крае, когда держишь отчет перед людьми, которых по праву называют первопроходцами, творцами истории, то понимаешь, что истинные герои – они: нефтяники, строители, геологи, тоннельщики. На фоне их самоотверженного труда твои успехи кажутся куда как скромными.

Порой, когда от тренировочных нагрузок становилось невмоготу, вдруг вспоминались эти

встречи и думалось: ну нет, брат, терпи, ведь тем ребятам приходится еще труднее, и их не показывают по телевизору. Терпи!

Так что еще неизвестно, кто больше заинтересован в подобных командировках – хозяева или гости.

Замечательные мои болельщики... Сколько раз в трудные моменты ваша поддержка помогала мне! Вы не скупились на аплодисменты, а бывало, великодушно прощали промахи. В своих письмах вы давали множество советов и щедро расточали похвалы. Я всегда, где бы мы ни играли, чувствовал ваше доброжелательное отношение, вашу веру, Между нами никогда не было недоразумений, никогда, начиная с того памятного матча ЦСКА – «Спартак», в 1969 году, от которого я веду отсчет своего хоккейного пути. Когда в тот день А. В. Тарасов поставил меня в состав, даже бывалые армейские игроки восприняли это недоверчиво: еще ни разу их ворота не защищал мальчишка. А болельщики в меня поверили: каждую мою удачу в том матче, даже самую маленькую, они награждали аплодисментами.

С тех пор у меня установились самые теплые отношения с любителями хоккея, и я всегда рад встречам с ними. Нас, хоккеистов, часто приглашают на спортивные вечера, которые проходят в воинских частях, студенческих аудиториях, заводских клубах. Зал обычно набивается до отказа. Люди как будто хотят поближе рассмотреть нас, сопоставить наше хоккейное умение с чисто человеческими качествами, проверить свое отношение к тому или другому хоккеисту. Такие встречи для нас как взыскательный экзамен.

Работая над этой книгой, я долго размышлял, о какой встрече рассказать подробно. В конце концов пришел к выводу, что лучше всего свести воедино впечатления от многих встреч с болельщиками. Вот что из этого получилось.

...Гигантский актовый зал полон. Украдкой из боковой двери я всматриваюсь в лица людей. Большинство из них молоды. Я волнуюсь. Это мало похоже на те ощущения, что бывают во время матча. Там стараешься максимально сосредоточиться на игре, не видишь никого и ничего, кроме хоккеистов и шайбы, там стоит только начаться матчу, как от волнения не остается и следа. А здесь другое: у тебя глаза разбегаются – ведь полторы тысячи человек пришли словно для того, чтобы посмотреть, какой ты без маски.

Приятный сюрприз: перед встречей организаторы показывают фильм «Владислав Третьяк против Бобби Халла», снятый в 1974 году в ходе матчей сборной СССР со сборной ВХА. Я уже видел этот фильм раньше, но все равно – наверное, я самый внимательный зритель в зале и уж наверняка самый отзывчивый. На широком экране Бобби Халл снова и снова атакует мои ворота – воют сирены, режут трибуны, со свистом летят шайбы – держись, вратарь! Так и было в 74-м.

Фильм, кажется, задел за живое не только меня. Поднимаясь на сцену, вижу, как взволнованы люди, как искренни их аплодисменты. Успеваю подумать о том, что контакт с аудиторией вроде бы уже налажен, теперь важно его не потерять. И сразу же на меня обрушивается шквал вопросов. На столе вырастает целая гора записок.

Беру наугад первую попавшуюся: *«Какое качество Вы считаете самым главным в человеке?»*

– Трудолюбие, – отвечаю я.

«Бывают ли у Вас минуты страха в ходе матча?»

– Раньше, когда только-только надел форму голкипера, случалось, боялся шайбы. Теперь же на льду я настолько погружен в свое дело, что все постороннее перестает существовать. Хотя, конечно, вратарей не нужно считать абсолютно бесстрашными людьми. Ничего не боятся только безголовые дураки. Скажем, во время тренировок я всегда помню об опасности. Ведь в створ ворот летит одновременно по пять-шесть шайб – на каждую не среагируешь. От прямого же попадания не спасают никакие щитки – боль страшная.

Или вот, к примеру, канадцы имеют обыкновение бросать по воротам с острого угла, нет, даже не с острого – вообще с «нуля градусов». Шансов забить гол при этом почти никаких, зато вратаря искалечить – запросто, стоит только шайбе в горло угодить. Горло – это самое незащищенное место у любого вратаря.

Раньше бытовало такое представление, будто хоккейный вратарь – это едва ли не самоубийца какой-то, что весь он в шрамах и синяках и что зубы у него выбиты. Это выдумки.

У меня, к примеру, за все годы игры в ЦСКА и сборной не было ни одной серьезной травмы, так что шрамами пока похвастаться не могу. Но что шайба бьет больно – это точно.

«Снятся ли Вам хоккейные сны?»

– Никогда.

«Как Вы относитесь к судьям?»

– Ревниво, что ли. Я понимаю, что им нелегко, что они обыкновенные люди, которые не застрахованы от ошибок... И тем не менее хоккейная борьба столь азартна, что в пылу схватки простить судейскую оплошность я не могу. Убейте меня – не могу.

«Как Вы воспринимаете собственную славу?»

– Спокойно. Наверное, я уже вышел из того возраста, когда письма болельщиков, известность и внимание приятно кружат голову.

«Правда ли, что самым веселым хоккеистом сборной был Валерий Харламов?»

– Правильно, Валерий. Только не Харламов, а Васильев. Со стороны вы никогда не подумаете, что он весельчак, – ходит всегда озабоченный, серьезный, но вдруг как выдаст какую-нибудь шутку – у всех животы от смеха болят.

«Помогала ли Вам ваша феноменальная реакция за пределами хоккейной площадки?»

– Пару раз она выручала меня во время езды на автомашине по скользкой дороге.

«Любите ли Вы баню?»

– Откровенно говоря, не очень. *«Ваше любимое блюдо?»*

– Грибной суп.

«Как развить свою реакцию?»

– Рекомендую пинг-понг и теннис.

«Как правильно действовать в обороне, если вратаря и защитника атакуют два соперника?»

– Ого, это уже специальный вопрос. Наверняка его задал кто-то из хоккеистов. У вас есть хоккейная команда?

– Есть, – дружно отзывается зал.

– Чемпионы района, – с гордостью подсказывает ведущий.

– Тогда, может быть, проведем тренировку?

Я еще раз вслух зачитываю вопрос и объясняю:

– Вратарь несет ответственность за того игрока, который владеет шайбой. Защитник же в это время контролирует второго соперника и одновременно по мере сил мешает первому. При этом защитнику очень важно не суетиться, не метаться из стороны в сторону.

«Как относится к хоккею Ваша жена?»

– Татьяна прекрасно понимает, что если я буду плохо тренироваться или же поеду на игру в скверном настроении, то могу подвести не только самого себя, но и клуб и даже сборную. Поэтому она делает все, чтобы помочь мне, хотя болельщицей мою жену не назовешь. И еще скажу: очень трудно нашим женам – ведь много времени хоккеист проводит вне дома...

«Принимали ли Вы когда-нибудь допинг?»

– Что вы? Зачем? Я и так чувствую себя прекрасно, не нуждаюсь ни в каких возбудителях.

«Какой вид спорта Вы считаете самым трудным?»

– Мне кажется, это лыжные гонки.

«Кого из спортсменов Вы склонны уважать больше всех?»

– Конкретного человека назвать не берусь. Я уверен, что все чемпионы страны, мира и олимпийских игр достойны уважения. Ведь стать первым в сегодняшнем спорте так трудно!

«Что Вы можете сказать об атлете, который не завоевал первого места, но при этом отдал борьбе все силы, выложился „до донышка“?»

– Его нельзя упрекнуть. О таком я могу сказать, что это настоящий спортсмен!

«Какие броски наиболее опасны для Вас?»

– Для меня самый неприятный бросок – издали с помехой. То есть когда кто-то из соперников маячит перед воротами, мешая мне вовремя среагировать на шайбу.

«Кого Вы ругаете, пропустив гол, – себя или соперника?»

– Себя.

«Как строятся Ваши взаимоотношения с защитниками?»

– У нас нормальные, дружеские отношения. К примеру, бывает, что защита увлечется атакой или «вздремнет» нехстати, и соперник выходит со мной один на один. Я стараюсь никогда не обижаться из-за этого на своих товарищей, не выдавать своего раздражения... Вообще-то тема эта, если откровенно, не простая. Начать хотя бы с того, что сегодня вратарю приходится гораздо труднее, чем раньше. Растут скорости. Игра стала более нацеленной на ворота – сказывается общение с профессиональным хоккеем. За счет новых, загнутых клюшек увеличилась сила и скорость бросков. Выровнялся, став выше, класс большинства команд, и теперь практически нет матчей, когда бы можно было расслабиться, сыграть вполсилы. Все сказанное бесспорно. И, увы, также бесспорно то, что при всем при этом не столь монолитны, как прежде, защитные порядки.

Не пойму отчего, но с какого-то момента оборона в нашем хоккее стала явно отставать от нападения – и по числу новых ярких игроков, и по прогрессу в тактике, и по морально-волевым характеристикам. Словом, по всем показателям. У меня такое впечатление, что иные тренеры потеряли вкус к специальным занятиям с игроками задней линии, к воспитанию защитников высокого класса, к их правильной игровой ориентации. Нет, о кризисе речь, конечно, не идет, но из своих ворот я отчетливо вижу (думаю, что и вы с трибуны тоже), как много ошибок допускают в обороне даже наши именитые игроки, как небрежны они порой, как часто, увлекшись атакой, не успевают вернуться назад, чтобы достойно выполнить свои прямые обязанности.

Я не обижаюсь на партнеров, когда они позволяют соперникам выйти один на один со мной. В игре всякое бывает. Но, право, трудно оставаться невозмутимым, если победа в дуэли за мной, а защитники все еще «не проснулись», и шайбу после повторных бросков добивают-таки в сетку.

Из игроков задней линии лично мне, вратарю, больше всего в последние годы нравился Василий Первухин – именно потому, что его отличала строгая, почти безошибочная игра. Отняв шайбу, он не изображал из себя Бобби Орра, а тут же переадресовывал ее форвардам. Этот парень отчетливо сознавал свои задачи, он был почти незаметен на поле, а пользу приносил огромную.

«Кто опаснее для вратаря – наш Сергей Макаров или канадец Уэйн Гретцки?»

– Конечно, Макаров.

«В чем разница между Филом Эспозито и Уэйном Гретцки?»

– В первую очередь – в габаритах. Эспозито выше меня чуть ли не на голову, весит около 120 килограммов. А Гретцки – это худенький мальчик, едва 76 весит. В характере у них тоже много различий. Эспозито так и не смог перебороть до конца высокомерия по отношению к советскому хоккею, а Гретцки, напротив, везде подчеркивает, что он стал великим благодаря «школе Тарасова».

«Был ли у Вас идеал, пример для подражания?»

– Если вы имеете в виду хоккей, то да, был. Виктор Коноваленко – вот кому я всегда хотел подражать.

«Сколько времени Вам требуется, чтобы облачиться в хоккейную амуницию?»

– Если не спеша, то 10 – 12 минут.

«Как Вы относитесь к парашютному спорту?»

– Я не ошибся? Именно к парашютному? Вот уж никогда об этом не думал... Но если он полезен, если делает человека лучше, то почему бы его не уважать?...

«Правда ли, что Вам было сделано предложение играть в одной из канадских профессиональных команд?»

– Такие предложения делались не раз, причем канадцы предлагали миллионные гонорары. Но они сами прекрасно понимают, что все это из области фантастики. Я – советский спортсмен и всегда буду защищать честь своей Родины.

«Какая команда, по Вашему мнению, является самой популярной в стране?»

– Больше всего болельщиков конечно же у «Спартака»... Не успеваю я закончить фразу, как зал взрывается бешеными аплодисментами. Спартаковские болельщики ликуют. Надо бы их немного остудить.

– ...но было бы хорошо, если бы «Спартак» пореже огорчал своих поклонников.

Смех, аплодисменты.

«Сколько писем Вы получали до свадьбы?» – читаю вслух следующую записку.

– Ох, много... Гораздо больше, чем сейчас. «Можно ли Вас вывести из равновесия?»

– Наверное, можно, только что для этого надо сделать – я не знаю.

«Почему Вы играете в проволочной маске, а не в фиброгласовой?»

– Она значительно безопаснее. В такой маске легче дышать. Словом, ее преимущества очевидны. Сейчас все вратари наших ведущих команд играют в проволочных масках.

«Устаете ли Вы сейчас от хоккея сильнее, чем прежде?»

– Раньше, когда я был помоложе, матчи не так изматывали меня. Теперь в некоторые моменты трудных и длительных турниров я, бывает, чувствую себя так, будто вот-вот потеряю сознание. Тут уж доктора выручают: нашатырь, валидол под язык – и снова на лед.

«Следите ли Вы во время матча за действиями вратаря соперников?»

– Да. Подмечаю и его ошибки, и его удачную игру.

...Наша встреча продолжается уже больше двух часов, а вопросам, кажется, не будет конца. Меня просят рассказать о личной жизни, интересуются планами на будущее, спрашивают, почему плохо играет «Спартак», чем занимается Константин Локтев, как я отношусь к Александру Якушеву и в чем причины неудач футбольной команды ЦСКА. Приятно, что люди так горячо интересуются спортом, так близко воспринимают удачи и промахи любимых команд.

Хотя, должен признаться, с годами выступать перед болельщиками мне стало труднее. Особенно когда покинул лед. Люди ждут от меня не поверхностной информации, не только пересказа событий из собственной биографии, но и серьезных оценок состояния современного хоккея, размышлений о жизни. Хочу заметить, что информированность любителей спорта в последние годы резко выросла и выступать перед такой аудиторией непросто. Поделюсь свежими впечатлениями о недавней поездке в Череповец, к молодежи металлургического комбината. Она состоялась в конце 1985 года. Там меня особенно пристрасно расспрашивали о причинах неудачи нашей сборной на чемпионате мира-85 в Праге.

Спорт есть спорт, объяснял я, от спадов и осечек никто не застрахован. Я был в Праге в те невеселые для наших любителей хоккея дни. Прилетел в столицу Чехословакии, когда на мировом первенстве был сыгран предварительный турнир, который, как известно, наши хоккеисты прошли без единого сбоя.

– Поздравляем, Владислав, – сказали встречавшие в аэропорту чехословацкие друзья. – Поздравляем с победой ваших. Равных им здесь нет.

И действительно, каждому было ясно, что сборная Советского Союза по всем показателям превосходит соперников. Для того чтобы в этом убедиться, даже не требовалось разбираться в тонкостях игры. Мышкин в предварительном турнире меньше всех пропустил, Макаров больше всех забил. Сборная СССР единственная из всех команд не потеряла ни одного очка. Она выглядела грозно.

Правда, меня насторожило то, что команда ЧССР заняла четвертое место, а это автоматически делало ее нашим соперником в первом же финальном матче. Два раза подряд чехословацкие хоккеисты почти никогда не проигрывают. Я мигом вспомнил мировое первенство 1983 года в ФРГ, когда в предварительном турнире они нам уступили, а в финале матч завершился вничью – 1:1. Я опять недобрым словом помянул систему проведения турнира, которая не выявляет сильнейшую сборную, а выгодна тем, кто играет нестабильно, со срывами.

Но, впрочем, эта мимолетная озабоченность быстро уступила место оптимизму, когда я увидел ребят – жизнерадостных, полных сил и веры в успех. Только Тихонов пожаловался на плохое судейство. Других проблем не было.

Что касается плохого судейства, то я и сам еще в Москве, наблюдая за матчами по телевидению, обратил на это внимание. Уровень работы арбитров был не просто низким – безобразно низким. Такого я еще не видел. Тон задали американский и канадский арбитры, разрешившие захваты соперника руками. Этим грязным приемом тут же воспользовались те хоккеисты, у кого не хватало мастерства. Пострадала же от такого «либерализма» прежде всего наша сборная.

– Тяжело, Владик, – сказал Виктор Васильевич, – но когда нам было легко? Ты же знаешь, что против нас все играют с утроенной энергией.

На следующий день произошло то, чего, кажется, никто не ожидал. Проиграв команде ЧССР со счетом 1:2, советские хоккеисты сразу оказались в очень сложном положении.

Драматически складывался этот матч. Уже на 7-й минуте Мышкин далеко, очень далеко выкатывается из ворот на Ружичку, потом начинает пятиться назад, вдруг почему-то падает и... Ружичке не остается ничего другого, как забросить шайбу в пустые ворота. Досадно, конечно, но бывает. «Вперед! Всем – вперед, на штурм соперника!» – такую команду, вероятно, отдали наши тренеры. Однако спустя пять минут – еще один удар. Из-за оплошности защитников шайба вновь влетает в сетку ворот нашей команды. Фор в два гола в такой встрече? Непростительно...

Чехословацкие тренеры мгновенно перегруппировали силы, построив все дальнейшие действия своих спортсменов по системе 1 – 4, то есть хоккеисты ушли в глубокую и надежную защиту. Они поняли, что теперь требуется только одно: во что бы то ни стало удержать счет. Любой ценой.

Наши же стали спешить. Время таяло. А когда спешешь, то невольно делаешь ошибки. Отыграли второй период – ничего не получилось. Пошел третий, и тут наконец Хомутов забивает ответную шайбу. Чехословацкие хоккеисты к этому времени уже не играли в хоккей, а только разрушали атакующие построения наших, не давали им играть. Что ж, их можно было понять. Еще вчера не имея, по существу, шансов на победу, они сейчас почувствовали себя совсем рядом с золотыми медалями.

Так со счетом 1:2 и закончился этот матч в Праге.

А мне припомнилась Вена, мировое первенство 1977 года. Как похоже все! Восемь лет назад нас тоже досрочно поздравляли и уверяли, что достойных соперников у нас нет. Оставалось в четырех предстоящих матчах взять всего три очка и – чемпионы. Подсознательно каждый игрок уже чувствовал себя победителем, уже примерял золотую медаль. Это и подвело нас...

Так что же, забыт тот урок? Похоже, забыт. В Праге проиграли хозяевам, затем проиграли канадцам и с позиции лидера откатились на третье место. Опять парадокс: явно сильнейшая сборная, самая сильная из всех, довольствуется «бронзой».

Я не хочу заниматься разбором причин, которые привели к неудаче, – об этом довольно подробно писалось в периодической печати. Ограничусь несколькими замечаниями. Во-первых, что бы там ни говорили, а неудача носит все-таки случайный характер, третье место отнюдь не отражает реальную силу советского хоккея. Во-вторых, я категорически не согласен с теми, кто критиковал наших тренеров за неумение подстроиться к существующей системе розыгрыша, призывая их выгадывать очки, беречь силы, не во всех встречах играть на победу. Нет, это не в духе советского хоккея. Не наш это принцип. Да, верно, не хватило пороуху, не все хоккеисты в решающих матчах показали максимум возможного, не чувствовалось в игре команды на финише былой свежести. Но это проблемы, относящиеся скорее к организации тренировочного процесса, чем к соревновательной стратегии. Нет слов, печально: в 1984 году уступили Кубок Канады, теперь отдали «золото» мирового первенства. Но спорт есть спорт, и не для того тренируются наши соперники, чтобы вечно быть вторыми и третьими.

В Череповце я услышал от одного болельщика: «Хорошо, что наши проиграли. Теперь интереснее будет смотреть хоккей. А то все в одни ворота». Да, хоккеисты и вправду избаловали наших болельщиков своими победами... Вспоминаю такой случай. После одного ответственного турнира, где мы, выиграв в решающем поединке со счетом 3:1, стали победителями, мне пришлось выступать в одном из военных подразделений. И вот там поднимается седой подполковник, ветеран войны, и говорит с обидой в голосе:

– Нет, ребята, так нельзя. До последней секунды было неизвестно, станете вы чемпионами или нет. Я несколько раз валидол принимал, чтобы успокоиться, пока вы играли. Давайте 5:0 в первом периоде, тогда нам можно будет наслаждаться игрой.

И что вы думаете! В следующем году на чемпионате мира в Москве мы выигрываем у чехословацких хоккеистов первый период со счетом 5:1, а затем еще больше увеличиваем разрыв и уверенно побеждаем. Через несколько недель на встрече с болельщиками мне

приходит записка: «Ну что это за хоккей! 5:1 в первом периоде – смотреть дальше не интересно, борьбы нет».

Вот и угоди всем...

Но давайте вернемся в Череповец. Одно из самых ярких впечатлений этой поездки осталось от посещения Череповецкого металлургического комбината. Я видел, как варят чугун, сталь, делают прокат. Мы ходили по огромным, как стадионы, цехам, где почти не было людей – работали автоматы. А гигантская домна! Я даже не представлял, что варить чугун можно сидя в уютной, чистенькой аппаратной, уставленной различными приборами и телемониторами. Металлурги с таким увлечением и подробностями рассказывали о своей работе, будто хотели поделиться со мной частью своего опыта.

Дольше всего мы задержались на домне № 3. И не только потому, что мастер доменной печи Владимир Степанович Макаров оказался болельщиком ЦСКА. У рабочих из его бригады Геннадия Гетманова и Виктора Емеличева возникли вопросы чисто спортивные. Они – лыжники и поэтому долго расспрашивали меня, как лучше готовиться к соревнованиям.

– Ну, а теперь – за работу, – сказал мастер. – Чугун сварен, пора разливать.

Конечно, можно было сидеть у пульта управления и наблюдать за этим процессом по телемонитору, но это все равно что прийти на стадион и смотреть матч по телевизору в подсобном помещении. Доменщики разобрали свои рабочие инструменты. Первый горновой Геннадий Васильевич Пенин выдал мне для работы у домны специальные рукавицы – вачеги и спросил, сильно ли они отличаются от вратарских. А потом пошел чугун. Ярко-желтый ручеек постепенно превращался в мощную огненную реку, над которой праздничным фейерверком зажигались и гасли миллионы маленьких искр. Невольно вырвалось:

– Ух как красиво!

Плавка закончилась. Чугун, как сказали специалисты, получился высшего качества, и доменщики отлили из него медаль, которой на прощание наградили меня. Эта награда мне так же дорога, как медали мировых чемпионатов.

...Как офицеру, члену армейского спортивного клуба с 20-летним стажем, мне доставляют особенную радость встречи с воинами. На них бывает какая-то особая, теплая, доверительная атмосфера. Здесь все – твои болельщики, твои заочные друзья. Прямо чувствуешь, что зал излучает импульсы дружелюбия, признательности, неподдельного интереса. Люди слушают затаив дыхание, ловят каждое слово. А потом сотни рук тянутся за автографами, и встреча кончается только тогда, когда я удовлетворю все просьбы.

Больше всего я ценю в болельщиках не безудержный темперамент, не рьяность, а умение разглядеть в хоккее подлинную красоту, оценить тонкую комбинацию, хитрый пас, благородство в игре.

Есть болельщики, вниманием которых я особенно дорожу.

Одним из таких людей был Герой Советского Союза полковник Василий Архипович Гелета. Штурман пикирующего бомбардировщика, фронтовик, он самозабвенно любил хоккей и часто бывал на матчах. Мы познакомились давно, когда я только начал играть в команде ЦСКА. Какой человек! Бывая у него дома, любил слушать его рассказы о воздушных боях, рассматривать ордена, медали. Еще тогда я глубоко осознал одну святую истину: мы все в неоплатном долгу у тех, кто отстоял свободу Родины.

Есть у меня и еще одна причина относиться к полковнику В. А. Гелете с особой теплотой и благодарностью. Сугубо, так сказать, личного свойства. В 1972 году он познакомил меня со своей соседкой, которая ровно через месяц стала моей женой.

Василия Архиповича уже нет, он не дожил до моего прощального матча. Но я и сейчас, бывая в этом доме, захожу к его родным, вспоминаю этого прекрасного человека.

Интересно, что мое отношение к болельщикам несколько изменилось, когда я, закончив вратарскую карьеру, сам сел на трибуне. Во-первых, мне пришлось... учиться болеть, то есть наблюдать за хоккейными матчами со стороны. Не удивляйтесь, именно учиться, потому что раньше я всегда видел игру либо из своих ворот, либо – это было редко – со скамейки запасных. Это разные вещи: быть участником, даже запасным, и быть зрителем.

Впрочем, просто зрителем мне, по-видимому, никогда не стать: все время по привычке анализирую действия игроков, особенно вратарей и защиты, вижу ошибки, думаю, как сам бы

сыграл в тех или иных ситуациях. Страшно переживаю, когда на льду ЦСКА или сборная. С таких матчей ухожу больным, даже если наши побеждают с крупным счетом. Мне говорят: чего волноваться, смотри и радуйся, как другие. Пробовал – не могу. Во всяком случае, пока не могу.

Сидя на трибуне, я, кстати, делаю для себя некоторые открытия. Раньше, к примеру, воспринимал шум зрителей как нечто однородное, безликое. Вслушиваться в какие-то отдельные голоса или выкрики я не мог, это исключалось абсолютно. Попросту говоря, я «выключал» все, что не относилось непосредственно к игре, все, в том числе и гул трибун. Теперь, когда я сам нахожусь в гуще зрителей, слышу их реплики, возгласы, мнения, лучше понимаю, насколько они разные – болельщики хоккея. По темпераменту разные, по культуре «боления», по видению игры. Да, да, из одного сектора два болельщика могут видеть два совершенно разных хоккея. Один впитывает в себя всю игру целиком, а переживая за свою любимую команду, не упустит случая порадоваться и удачной комбинации соперников, по достоинству и объективно оценить их меткие броски, грамотные действия в защите, азарт в атаке. Другой болельщик будто бы видит не весь хоккей, а только ту его часть, которая связана с игрой «его» клуба. У него словно шторы на глазах. Арбитр у такого болельщика всегда свистит только в пользу соперника, грубит только соперник, а весь хоккей сводится лишь к одному – победе его любимцев.

Не по душе мне этот второй зритель. Надо уметь радоваться игре – ведь это именно игра и ничто другое. Когда мы в Канаде красиво обыгрывали хозяев, местные болельщики устраивали нам овации – они понимали толк в первоклассном хоккее и, как ни обидно было им за своих, отдавали должное мастерству гостей.

В Москве болеть вообще, по-моему, разучились. Бывает, трибуны переполнены, а тишина во время матча стоит такая, будто не хоккей пришли смотреть, а балет. Порядок порядком, и эмоции через край, конечно, не должны выплескиваться, но хоккеистам скучно играть, когда их не поддерживают.

Самые лучшие болельщики это, без сомнения, дети. Во-первых, дети выгодно отличаются от взрослых тем, что сами играют в хоккей. Во-вторых, и это главное, они видят смысл игры не в добыче каких-то там очков, а прежде всего в проявлении мастерства, благородства, отваги и силы. Я всегда стараюсь поскорее ответить на письма, которые приходят от мальчишек. Знаю, как это для них важно.

Болельщики... Сколько разных воспоминаний с вами связано!... Как-то мы встречались с воскресенским «Химиком». Счет был 3:2 в пользу армейцев, когда Вячеслав Фетисов с шайбой проехал за мои ворота и на какое-то время остался там. Соперников поблизости не было, и я немного расслабился. Вдруг... Невероятно – шайба попадает прямо мне на ногу, а от нее влетает в ворота. За спиной вспыхивает красный фонарь. Публика шумит. Судья показывает на центр. Гол! У меня сердце упало. Как же так? Ни одного соперника рядом не было – не мог же Фетисов сам в свои ворота бросить! Оборачиваюсь: Фетисов как стоял с шайбой, так и стоит. Чудеса?... Оказывается, это болельщик «пошутил»: швырнул с третьего ряда трибуны шайбу и... забил мне гол. Его, конечно, не засчитали.

Однажды газета «Комсомольская правда» попросила своих читателей высказаться по поводу самых известных советских спортсменов, выразить мнение об их мастерстве, характере. Редакция познакомила меня с теми письмами, которые начинались со слов: «Мой любимый спортсмен Владислав Третьяк». Их было много, и они действительно напоминали признание в любви. Мне тогда было лет двадцать пять, и, слава богу, хватило ума не утонуть в этом потоке похвал, отнестись к ним как к авансу, выданному в счет будущих успехов.

Глубоко уважаю истинных ценителей и знатоков спорта. Без них нельзя представить себе наш хоккей. Мне рассказывали, что, когда в Праге проходил решающий матч первенства мира и Европы 1978 года, в московских аэропортах были задержаны вылеты нескольких рейсов: все пассажиры столпились у телевизоров, и никакие объявления, призывы, уговоры не могли заставить их пройти на посадку. Два года подряд до этого – в Польше и Австрии – мы проигрывали чемпионат. Нас крепко поругивали тогда, но главным было другое: в нас верили. А когда в тебя верят, горы можно свернуть.

ТИХОНОВ

Не скрою, мы сначала настороженно отнеслись к своему новому тренеру. Но, присмотревшись, скоро поняли, что за этим человеком можно идти в огонь и в воду.

Судьба Виктора Васильевича Тихонова типична для большинства людей его поколения. Десятилетним мальчишкой в суровые годы войны пошел зарабатывать на хлеб – слесарем в автобусный парк. Работал ежедневно полную смену. Для них, мальчишек военной поры, это было нормой. Да еще и в футбол умудрялись гонять, прямо во дворе, между каменными коробками домов. Футбол был первым увлечением Тихонова: он выступал за московскую армейскую команду и за «Буревестник». А зимой, когда футбольный сезон кончался, пробовал гонять по льду диковинную шайбу – эта игра только-только приживалась тогда в Москве. Как-то Тихонова на льду заметил один из величайших советских спортсменов Всеволод Бобров, одинаково блестяще игравший и в футбол, и в хоккей. По его совету Тихонова пригласили в существовавший тогда хоккейный клуб Военно-Воздушных Сил.

Потом он играл защитником в московском «Динамо», работал вторым тренером в этом клубе. В 1968 году Виктор Васильевич уехал в Ригу, начал тренировать местных хоккеистов (тогда команда называлась «Даугава»). Вскоре он пришел к первому достижению: рижане пробилась в высшую лигу и в отличие от многих других периферийных клубов уверенно закрепились среди именитых команд. Они никогда не робели перед авторитетами. В этом чувствовался характер тренера, сумевшего сплотить коллектив, повести его к большой цели. В 1976 году питомцы Тихонова выиграли «Полярный кубок», в 1977-м заняли четвертое место в чемпионате страны, а форвард Хелмут Балдерис был признан лучшим хоккеистом Советского Союза.

Рижан легко было отличить от любой другой периферийной команды по самобытному игровому почерку, азарту и в то же время строгой игровой дисциплине. Виктор Васильевич Тихонов первым из наших тренеров стал использовать игру четырьмя звеньями, применил ряд других тактических новинок, что еще больше укрепило потенциал рижской команды.

Тихонов самозабвенно отдается хоккеем. Он постоянно что-то выдумывает, усовершенствует, все время в поиске. Он умеет сам работать двадцать четыре часа в сутки и может заразить своим энтузиазмом других. Это очень важно. Придя в ЦСКА, Тихонов не стал рубить с плеча, перестраивать на свой лад весь учебно-тренировочный процесс, ломать проверенные игровые концепции. Все лучшее, фундаментальное было сохранено, хотя в чем-то и тренировки команды, и ее стратегия стали другими.

Насколько он болеет хоккеем, как восприимчив к успехам и неудачам, вы можете понять, понаблюдав за тренером во время матча. Это обнаженный нерв. И как только его хватает до конца игры... Однажды, когда на турнире «Известий» мы со счетом 3:8 уступили чехословацким хоккеистам, у Виктора Васильевича случился сердечный приступ – так глубоко ранила его эта неудача. Я в тот вечер старался не попадаться на глаза тренеру. Было неловко, стыдно. Но он сам нашел меня. Чтобы... успокоить:

– Ничего, Владик, мы еще докажем, кто сильнее.

Случай доказать, кто сильнее, представился скоро – на чемпионате мира 1978 года в Праге.

Начали мы его не очень хорошо: победы в матчах с явными аутсайдерами давались почему-то с большим трудом. Я пропускал много шайб.

– Все в порядке, Владик, – успокаивал Тихонов. – Сколько ты сейчас пропустишь – неважно. Главное, чтобы к решающим матчам ты нашел свою игру.

Мешало волнение. Рожденное ответственностью, желанием не подвести наш хоккей, оно передавалось от игрока к игроку и сковывало команду.

Перед отъездом в Прагу я сказал одному приятелю:

– Вот увидишь, мы выиграем этот чемпионат.

Он с сомнением посмотрел на меня:

– Даже в лучшие для команды годы ты избегал таких обещаний.

А я был уверен! И другие ребята были уверены. Странно, да? Два года подряд мы уступали соперникам. Незадолго до того в Москве на призе «Известий» чехословацкие

хоккеисты нанесли нам сокрушительное поражение. Казалось бы, откуда такой оптимизм? Но неудачи вызвали у команды желание доказать всем, что мы сильные, что мы можем побеждать. Поражения не тяготили, а словно бы будили в нас какие-то скрытые силы. Так было с каждым. Неудачный старт вызывал в ребятах спортивную злость, мы становились грознее от матча к матчу...

Нам трудно давался каждый шаг на дистанции длиной в три недели. Не клеилась игра, хоккеистов преследовали травмы... Считается, что трудности закаляют человека. Это правда, если смотреть им в лицо, если не хныкать, а идти на таран. Закаляют не трудности – преодоление их.

Я не обижался на защитников. Что толку таить обиды? Ребята и сами переживали не меньше моего. «Лучше подумай, как сыграть надежнее», – сказал я сам себе. Попросил Тихонова дать упражнения на добивание шайбы. Тренер бросал, Михайлов добивал – он большой специалист по этой части.

Мне надо было поймать свою игру. Иначе говоря – обрести то внутреннее состояние, которое много лет верно служило мне. Ничего сверхъестественного, просто поймать, найти, ухватить свою обычную игру – ту, к которой я привык «с пеленок» и к которой – это, может быть, самое главное – привыкла команда, уверенная в надежности тылов...

Переживаний у меня добавилось, когда дважды подряд – 30 апреля и 1 мая – Тихонов не ставил меня на матчи.

– В воротах сегодня Пашков, – просто говорил перед игрой тренер, никак не комментируя свое решение.

Наконец, видя мое подавленное настроение, Виктор Васильевич объяснил:

– Я тебя специально не ставлю в этих матчах. Отдохни. Верю, что потом не подведешь.

Полегчало на душе: все-таки верят в меня...

Итак, я со скамьи запасных наблюдал за встречами нашей команды с хоккеистами Финляндии и ГДР. Накануне финны обыграли канадцев и едва не победили хозяев первенства. Мне нравилась их игра – свежая, комбинационная, исполненная выдумки. Ну, думаю, дадут они всем жару! А что потом случилось с финнами? Почему они так бесславно финишировали в Праге? В начале мая шестерых финских игроков свалил грипп, да и не рассчитали они своих сил на всю дистанцию первенства.

Последний раз сборная Финляндии показала свой характер в матче с нами. Первый период – 2:0 в пользу соперников. Я сидел на скамье, и мое сердце стучало гораздо сильнее, чем если бы я стоял в воротах (это, кстати, подтвердили и вечерние медицинские тесты). И хотя в итоге все кончилось благополучно, поволновались мы все изрядно.

В тот день тяжелую травму получил Саша Голиков: нога у него распухла, вздулась – страшно было смотреть. За ужином – мы сидели за одним столом – вижу, кусает он губы, на глазах слезы выступили. Потом отодвинул тарелку:

– Не могу, ребята, боль адская.

– Михалыч! – сразу несколько голосов позвали доктора. Он подбежал.

– Давайте быстрее Сашу в номер перенесем.

Там ему лед положили, сделали массаж. Наш врач Сапроненков и два массажиста всю ночь от Голикова не отходили. Я знаю, что с такой травмой люди по десять дней с постели не встают, а Саша уже на следующее утро вышел на лед. Поставил его доктор на ноги. Может быть, этот случай войдет в историю медицины?...

Братья Голиковы – Владимир и Александр – заставили себя уважать за характер и за игру. Мужественные, преданные хоккею парни. Они «леворукие» и потому очень неудобные для вратарей. И Саша, и Володя умели метко «стрелять» с таких позиций, откуда шайбе, кажется, никак не попасть в ворота. Что называется, с «нуля градусов» могли попасть в «девятку».

Утром 2 мая вся команда поехала на экскурсию в ботанический сад, а Юрзинов, Цыганков, Саша Голиков и я тренировались. Впереди у нас – шведы, матч с ними должен был решить, насколько серьезно мы готовы к спору за «золото».

А забыть о том, что где-то существует лед, было так просто – стоило выйти на улицу и вдохнуть воздух, настоящий на запахах свежей листвы и цветущих садов. Загостился в Праге хоккеем. Или, быть может, пора переводить его в разряд летних видов спорта? А что? Ведь

однажды, в 1920 году, хоккейный турнир провели в рамках... летней Олимпиады. Но нет, пусть хоккей остается зиме.

...Тренировка. Пот заливает глаза. На льду две дюжины шайб, и чуть ли не одновременно они летят в ворота. Но разве я фокусник? Разве у меня десять рук? Эту отбил. И эту... Поймал в ловушку. Отбил. Отбил... Уф-ф! Подъезжаю к бортику, чтобы сделать глоток воды, перевести дух. Знакомый чехословацкий журналист – он стоит у скамьи – молча поднимает вверх большой палец. «Спасибо», – киваю ему и снова еду к воротам. Юрзинов, Цыганков и старший Голиков опять как из пулемета обстреливают меня шайбами.

– Внимание! – говорит тренер. – Теперь договариваемся так: мы делаем восемнадцать бросков и если забиваем меньше шести голов, то победа присуждается вратарю. Если шесть и больше, то выигрываем мы. Согласен, Владик?

Я молча встаю в ворота и постукиваю себя клюшкой по щиткам. Бах-бах-бах... Пять шайб в сетке. Хорошо! Мои «соперники» под смех случайных зрителей кувыркаются на льду – таково условие нашей «дуэли».

– Согласен на пять! – кричу Юрзинову.

– У-х, сейчас мы тебе покажем! – шутливо грозит Гена Цыганков и, широко замахнувшись, делает первый бросок...

Теперь из восемнадцати четыре шайбы в воротах. Мои товарищи и тренер опять кувыркаются на льду. Я снимаю маску и еду к бортику. Пот льет с меня ручьями. Мокрые волосы слиплись. Кажется, клюшка весит целый пуд. Со скамейки и с трибун ловлю сочувственные взгляды: мол, достается же человеку...

Но усталость не мешает мне почувствовать, что шайбы постепенно становятся «дрессированными», что я близок к своей лучшей форме. А это главное. Теперь, чтобы окончательно обрести уверенность, мне нужен матч.

Накануне встречи с «Тре крунур» газета «Чехословацкий спорт» написала: «В матчах со шведами никто не получит даром ни пяди льда. Они идут к своей цели, проявляя ледяное спокойствие и бульдожьей хватку». Да, шведы были сущей загадкой для всех. Незадолго до чемпионата мы буквально разгромили их в Стокгольме в двух товарищеских играх, но кто мог поручиться, что это не была хитрость тренера Линдберга?...

Серьезный молодой человек этот Линдберг. Из тех, про кого говорят: себе на уме. Тренер желто-голубых требовал от своих мальчиков творческого отношения к хоккею. «Тре крунур» образца 1978 года – команда думающая, гибкая, с волевым характером. Завоевав серебряные медали на прошлом чемпионате, она продемонстрировала тогда удивительное умение внезапно и остро контратаковать. Ее верным козырем был длинный первый пас.

Интересно, что не чемпионы мира и не победители Олимпийских игр возглавили к тому дню турнирную таблицу, – ее возглавили шведы. Набрав одинаковое количество очков с чехословацкой и советской командами (по восемь), они имели лучшее соотношение забитых и пропущенных шайб. После матча с финскими хоккеистами акции Ханса Линдберга подскочили еще выше. Победа со счетом 6:1 вывела его сборную в лидеры. «Ни одна из команд большой четверки не сумела так расправиться с финнами, как это сделали шведы, – писали в газетах. – Выдержка и собранность, подкрепленные блистательной игрой двух вратарей, – вот что отличает оборону „Тре крунур“. В четырех матчах пропустить всего пять шайб! Такой обороны нет ни у кого».

И вот матч СССР – Швеция. Забегая вперед, сразу скажу, что он доставил всем нам большое удовольствие. Ребята были великолепны, а счет 6:1 говорит сам за себя.

Теперь мы, кажется, окончательно сбросили с себя путы стартового оцепенения, мешавшие команде играть в полную силу.

Мы вышли на лед и увидели не просто очередных соперников, а хоккеистов, дважды «наказавших» нас в прошлом году и оттого слегка самоуверенных. Я приказал себе остаться «сухим» и действительно два периода держал ворота на замке. Только при счете 3:0 в нашу пользу Андерссон усмотрел щель и верхним броском забил гол, на который мои товарищи сразу ответили тремя.

Я не случайно упомянул про верхний бросок. В этом матче таким приемом шведы завершали едва ли не все свои атаки. Возможно, им показалось, что шайбы, летящие верхом, я

пропускаю чаще? Или, быть может, это была чисто психологическая уловка, рассчитанная на то, чтобы запугать вратаря? Конечно, если шайбы все время летят в лицо, трудно когда-нибудь не зажмуриться. Как бы там ни было, успеха шведам это не принесло. Соперники не стали искушать судьбу и менять ту тактику, что дважды приносила им успех в Вене.

– Внимательная игра в обороне, захват инициативы в середине площадки и быстрые контратаки, – велел своим питомцам Линдберг.

Мы же, тщательно изучив видеозаписи венских матчей, решили «проверить» партнеров высоким темпом, заставить их побегать за нашими игроками. Хегюста – отличный вратарь, но и он не заколдован.

– Вы должны устроить па «пяточках» перед его воротами «карусель», создать вратарю помехи, делать больше неожиданных бросков. А главное – коллективизм и темп! – наставлял нас Тихонов.

Когда матч закончился, старший тренер сборной СССР не прятал свою радость.

– Молодцы! – сияя, обнимал он ребят. – Вы на сто процентов выполнили наш план.

Виктор Васильевич – мы сразу заметили – не умеет скрывать своих чувств. Возможно, кому-то это не по душе, а мне такие люди всегда нравились – прямые, открытые, принимающие близко к сердцу все, что происходит вокруг них.

После встречи со шведами я как-то по-новому взглянул на дебютанта нашей команды 20-летнего Сергея Макарова из команды «Трактор». Я и раньше с удовольствием наблюдал за этим бесстрашным парнем, а теперь окончательно убедился: в лице новичка сборная, кажется, обрела достойного хоккеиста. Удивительно, но факт: в его действиях не было заметно ни тени робости. Как будто в своем родном Челябинске Макаров до сих пор только и делал, что играл против шведов и канадцев. Но характер – это еще не все. Сергей – талантливый мастер: присмотритесь к его обводке, к его броскам...

Невысокий, пружинистый, он мчится к воротам там, где его не ждут, где все пути, кажется, перекрыты. На льду он дерзок, беспощаден к себе, а снимет коньки – добродушный, славный парень.

В спортивный клуб трубопрокатного завода его привел старший брат, когда Сереже было 5 лет. А в Москве тогда впервые вышел на лед Вячеслав Фетисов – другой наш 20-летний хоккеист. Потом мальчишки играли в турнирах на приз клуба «Золотая шайба». Пришел день, и они встретились в сборной юниоров СССР, которая стала победителем первого чемпионата мира. Было это за год с небольшим до этого чемпионата здесь же, в Чехословакии. Помнится, тогда тренеры наших юниоров высоко оценили игру Фетисова и Макарова, предсказали им большое спортивное будущее. И они не ошиблись. Директорат ЛИХГ впоследствии назовет Фетисова лучшим защитником пражского чемпионата.

– Знаешь, что мне больше всего нравится в игре Фетисова? – сказал мне как-то Виктор Жлуктов. – Манера паса. Защитники обычно посылают шайбу ударом, а он, как Рагулин, делает пас мягко. Есть защитники, которые хорошо разрушают атаку соперников. Сейчас этого мало. Разрушив, надо создать. Вот это и умеет Слава. Я очень рад за него. Лишь бы голова от ранней славы не закружилась.

...Напрасно опасался Виктор. Прошли годы, и уже вот-вот Макарова с Фетисовым начнут называть «славными ветеранами». Они вынесли на своих плечах основную тяжесть хоккейных битв первой половины 80-х годов.

Интересно, что во время чемпионата мира в газете «Млада фронта» было опубликовано интервью с чехословацким игроком Иржи Новаком, который на вопрос, каким ему видится будущее хоккея, ответил так: «Через несколько лет все хоккеисты будут ростом под два метра и весом в центнер. Их стиль приблизится к сегодняшнему канадскому. Боюсь, что на смену технике и импровизации придет жесткость и сила. Я бы не хотел играть в завтрашний хоккей – могут крепко намять бока».

Мне и раньше доводилось слышать подобные прогнозы, но нет, я склонен думать по-другому: будущее хоккея за такими игроками, как Макаров, как Ларионов, как Первухин. Вовсе не канадский защитник Риббл (рост 193 см, вес 100 кг) делал погоду в Праге. И вовсе не канадский «таранный» форвард Эспозито блистал годом раньше в Вене.

И еще два слова о наших дебютантах. После чемпионата мне довелось услышать мнение,

что, дескать, одним из достоинств сегодняшних тренеров сборной СССР является то, что они смело выпускали на лед молодежь. Я бы это сформулировал по-другому: тренеры с самого начала поверили в состав, в каждого, кто надел форму сборной, и это доверие окрыляло молодежь. Помню, как в перерыве последнего матча Тихонов говорил братьям Голиковым:

– Ну, забейте же гол! Ведь вы умеете.

– Сейчас, Виктор Васильевич, – отвечают они совершенно серьезно. – Сейчас забьем.

И забили!...

Но до этого матча было еще далеко. Путь к победе лежал через поражение. «Удаления подвели нас в игре с хозяевами, – записал я в своем дневнике. – Настроение скверное. Команда допустила много ошибок, и меня это касается тоже. Почему-то на льду я не чувствовал свежести. Возможно, тому виной гроза, которая сегодня вечером разразилась над Прагой, – воздух стал липким, дышалось трудно, ноги были словно ватные... У меня после этой неудачи такое ощущение, будто я чего-то недоделал, будто безвозвратно ушло что-то важное. Положа руку на сердце могу сказать, что две из шести пропущенных шайб (третью и пятую) я, наверное, мог взять».

Все эти не взятые шайбы долго потом мешают спокойно засыпать.

Судьба продолжала испытывать, нас. И здесь снова надо отдать должное Тихонову. Он не стал сгоряча искать виновников поражения, не бросился, забыв обо всем на свете, заниматься «накачкой», как это, увы, бывало в прошлые годы. Неудачу подвергли спокойному, деловому анализу, решив не изменять своей игре.

Кстати, вам это может показаться странным, но чехословацким хоккеистам победа в итоге сослужила плохую службу. Мне как спортсмену, было нетрудно понять их последующее состояние: теперь до самого финиша они вольно или невольно ждали что мы где-нибудь споткнемся еще раз, и тогда вопрос о чемпионстве будет решен досрочно. Они ждали, растрчивая, сжигая себя этим ожиданием, а мы упорно преследовали их, психологически изматывали соперников и в итоге перед финишем получили некий моральный перевес.

Только раз мы действительно могли споткнуться: подножку нам чуть было не подставили канадцы. Это случилось 3 мая – в роковой для нас день: ровно год назад мы проиграли в Вене шведам и в итоге остались с «бронзой». И вот – канадцы...

Их возвращение на арену мировых чемпионатов конечно же сделало хоккей более острым. Причем в отличие от Вены «пражские» канадцы были почти воспитанными, а их тренер – немолодой, с печатью грусти на лице человек по фамилии Хауэлл – избегал рискованных заявлений.

– Могу сказать лишь, что хотя бы одну из команд большой четверки мы обыграем, – скромно говорил он журналистам в ответ на просьбу поделиться своими планами.

По сути дела, в Прагу Хауэлл привез команду «икс». Фамилии большинства обозначенных в заявке игроков ничего не говорили даже искушенным в хоккейных тонкостях специалистам. Что за канадцы? В какой хоккей они играют? Какие цели ставят перед собой?

Постепенно происходило знакомство. К примеру, мы узнали, что средний возраст сборной «кленовых листьев» – 24 года, что рост семнадцати хоккеистов выше 180 сантиметров – атлетическая команда! Марсель Дионн, этот стремительный центрфорвард под номером 16, в 536 матчах своей лиги забросил 265 шайб и теперь является одним из самых высокооплачиваемых игроков НХЛ. Защитник Рик Хэмптон – один из самых деликатных игроков НХЛ: в 75 матчах прошлого сезона он заработал всего девятнадцать штрафных минут. А его партнер Робер Пикар, напротив, из грубиянов – 101 минута штрафа.

Сборная Канады-78 на пражском льду старательно пыталась наладить принятую в Европе комбинационную игру, и порой это получалось у нее неплохо. А в сочетании с жесткостью, умением сражаться до последней секунды, великолепной техникой катания на коньках (все это с детства привито любому канадскому хоккеисту) коллективная игра команды «кленовых листьев» становилась грозным оружием.

Итак, матч! Когда он закончился, артист Евгений Леонов заметил: «Такую драму не напишет ни один драматург». Сюжет этой встречи развивался вопреки всем законам хоккейного искусства (впрочем, есть ли они, эти законы?). За 56 минут игрового времени мы забили одну шайбу (зато сколько стопроцентных возможностей не использовали!). Одна шайба

была также на счету канадцев, и дело клонилось к ничьей. И вдруг, за четыре минуты до конца. Левер выводит своих вперед. Что тут было! Канадец раза три вынимал из сетки шайбу и снова забрасывал ее в ворота, чтобы все видели: это он, именно он, Левер, забил гол. На их Скамейке все невообразимым образом смешалось. Было такое впечатление, что уже сейчас, не дожидаясь финального свистка, профессионалы достанут шампанское и начнут праздновать победу. Наверное, тогда все подумали: ну, уж четыре-то минуты эти канадцы как-нибудь продержатся...

Но все получилось как раз наоборот, Кто знает, не забей Левер эту злополучную шайбу, возможно, матч так и закончился бы вничью, и тогда нам, скорее всего, нужно было бы расстаться с мечтой о «золоте». Гол же будто подхлестнул наших игроков, красный свет за воротами стал для них неким сигналом к яростному штурму. Профессионалы сматы, загнаны в угол, растеряны, они явно не могут понять, что происходит. Харламов – 2:2. Капустин – 3:2. Фетисов – 4:2. И какие красавцы голы!

Наши соперники выглядели так, будто у них среди бела дня украден кошелек.

Эта встряска не прошла даром для команды. Мы поняли (вернее, окончательно осознали), что против сборной СССР профессионалы играют и всегда будут играть с утроенной энергией – это для их хоккея матчи престижа. Нам стало ясно, что с таким соперником нельзя упускать инициативы даже на мгновение (а мы упустили ее на весь второй период). Мы должны грамотнее использовать свое верное оружие – пас и скорость.

Через день, в повторном поединке с канадцами, не случилось уже ничего похожего. Полтора периода профессионалы еще выдерживали высокий темп, старательно бегали за нами, а потом сдались. Наша команда диктовала на льду свои условия.

Проигрывая со счетом 0:2, соперники пытались противопоставить коллективной игре сборной СССР свое испытанное оружие – нечестный, грязный хоккей. Третья шайба, забитая на последней минуте второго периода В. Голиковым, привела их в ярость. У защитника Риббла этот гол вызвал приступ желчной злобы, и он превратил угол ледяной площадки в борцовскую арену, вцепившись в волосы Билялетдинову.

Те, кто видел этот матч, могут возразить: мол, и наши спортсмены не были на льду пай-мальчиками, и они в общей сложности 23 минуты отсидели на скамье для провинившихся. Но вся разница в том, что наши давали сдачи, а зачинщиками потасовок всякий раз были канадцы. О стиле их игры лучше всего поговорить с врачом советской команды – он скажет, сколько наложил швов и повязок, сколько сделал обезболивающих уколов...

«Как же так? – спросите вы. – Ведь несколькими строчками выше написано, что в Прагу из Канады приехала команда без забияк... Что же это она вдруг „сошла с рельсов“?» Нет, не вдруг. В сборной «кленовых листьев» действительно не было отпетых головорезов типа «кувалды» Шульца (помните матч ЦСКА с «Филадельфией флайерс»?), не было так называемых полицейских (помните Маккензи в сборной ВХА?). И даже Пэйман, отличавшийся в Вене, теперь вел себя вполне пристойно. Канадцы поняли, что запугать соперников, вызвать у них дрожь в коленках все равно не удастся, а «кувалды» наносят ощутимый удар по их репутации. Но понять-то поняли, а вот перевоспитать себя, искоренить те привычки, что в них закладывали с детских лет, еще не успели. Что называется, по мелочам они срывались в Праге не раз, а во втором матче с советскими хоккеистами, когда их надежды рухнули окончательно – а матч транслировался по телевидению на Канаду, – распоясались окончательно.

Видимо, потребуется еще много времени, чтобы изменить «гладиаторскую психологию» профессионального игрока.

Изумительный по красоте гол забил в этой встрече Сергей Капустин. Он хладнокровно обвел почти всех канадцев – какой смелый это был слалом! – затем исполнил изящный пируэт перед вратарем Бушаром, отчего тот упал на лед, и уже тогда Капустин подправил шайбу в пустые ворота. Если бы в мире существовала коллекция самых замечательных хоккейных голов, то шайба нашего бомбардира, безусловно, украсила бы ее. С ней может сравниться только хрестоматийный проход Хелмута Балдериса во второй встрече с хозяевами первенства, когда, получив шайбу в средней зоне, Балдерис пошел прямо на двух чехословацких защитников, они брали его в тиски, но наш форвард каким-то чудом (только он один умеет так!) прошмыгнул между соперниками и открыл счет.

Вообще, тандем Капустин – Балдерис, созданный лишь в начале сезона, был самым эффективным на пражском льду. В игре второго звена словно произошел какой-то взрыв, качественный скачок. Долго у ребят ничего не получалось, они переживали, даже, бывало, ссорились, и вдруг все ахнули: какая тройка, какие молодцы! В решающих матчах Капустин, Балдерис и Жлуктов забили важные голы, а самое главное – проявили бойцовские качества, показали характер.

И вот остался только один барьер. Нам нужно было обыграть чемпионов мира с разницей не менее чем в две шайбы – только тогда сборная СССР получила бы золотые награды. Трудно в это поверить, но мы почти не испытывали волнения. К последнему матчу команда полностью обрела себя.

Готовясь к встрече с хозяевами льда, мы настраивали себя только на победу, хотя о хоккее никто старался не говорить – не хотелось растрачивать попусту нервную энергию. Как-то вечером, сидя в кинозале Дома советской науки и культуры, я обратил внимание на своих товарищей: их глаза были устремлены на экран, но думал каждый из них явно не о фильме, а о том, как он сыграет в последнем, решающем матче. То же самое происходило и со мной... Фильм кончился, в зале зажегся свет. Ребята нехотя вставали с кресел.

– Ну, как кино? – подошел ко мне знакомый журналист.

– Хорошая картина, – на всякий случай ответил я и заспешил к выходу. Не мог же я сказать, что смотрел на экран, а видел на нем наш завтрашний матч. Интересное «кино»...

Говорят, что с игроками сборной Чехословакии, которые на время чемпионата расположились в загородном мотеле, по вечерам беседовал психолог – это входило в систему предметной подготовки. Нам во время чемпионата посчастливилось общаться сразу с тремя «психологами»: народным артистом СССР Евгением Леоновым, популярными артистами эстрады Вадимом Тонковым и Борисом Владимировым. Я не знаю, знаком ли Евгений Павлович Леонов с тонкостями спортивной психологии, но вот то, что он заряжал команду оптимизмом, – это точно. Наши беседы продолжались часами. Леонов рассказывал о своей работе на сцене и в кино, мы ему – о хоккее.

– Завидую я вам, ребята, – говорил актер. – Сколько у вас болельщиков! Вот я народный артист, а разве можно мою популярность сравнить с вашей?

– Можно, – возражали мы ему. – Еще как! А если вы сыграете роль хоккейного тренера, тогда и вовсе всех затмите.

Он смеялся, и мы вместе с ним.

Впрочем, мы не только развлекали друг друга. Для меня, к примеру, эти встречи были еще и очень поучительными.

– Играть, – говорил Леонов, – значит безмерно тратиться, сжигать себя.

Он не проводил параллелей и аналогий с хоккеем, но мы понимали, что и о хоккее речь шла тоже.

В субботу 13 мая кто-то из ребят увидел Леонова в вестибюле гостиницы с чемоданом.

– Вы что, уезжаете, Евгений Павлович?

– Да вот, пора, в Москве ждут, – со своей обычной чуть застенчивой улыбкой ответил артист.

– А мы как же?

Наверное, на лицах хоккеистов было написано такое огорчение, что Леонов, потоптавшись минуту у дверей, махнул рукой и зашагал обратно к лифту. Он остался с нами до конца и по праву разделил со сборной радость победы.

В воскресенье 14 мая я проснулся в 8.30. С улицы почти не доносился шум автомобилей – верный признак выходного дня. Приведя себя в порядок, я спустился на второй этаж, где в просторной комнате рядом с рестораном столовалась наша команда. Почти все уже оказались в сборе. Завтракали молча. Я обратил внимание на лица ребят: они были, как бы это сказать, отрешенные, что, ли... Или замкнутые. Они таили в себе внутреннюю сосредоточенность, решимость.

Позавтракав, каждый молча вставал и спешил к дверям. Я понимал своих товарищей, потому что и сам испытывал желание побыстрее остаться один, избежать лишних разговоров. Проглотил яичницу с ветчиной и тоже направился к себе в комнату. В коридоре меня догнал

наш врач. «Ты знаешь, – сказал он, – сегодня заболел Сережа Капустин. У него высокая температура». – «Играть не сможет?» Сапроненков с сомнением пожал плечами. Кажется, и сегодня спать ему не довелось: глаза у него запали, под ними – черные круги...

О том, что на лед не выйдет один из лучших игроков нашей команды Сергей Капустин, я старался не думать. Только констатировал этот факт: плохо, дескать, дело – и все. Что толку терзать себя перед матчем? Лучше совсем не вспоминать о хоккее. Даже на дневной раскатке (мы приехали на каток вчетвером – с Юрзиновым, Пашковым, Лебедевым) я все делал как бы машинально, не думая о том, что вечером этот гигантский зал, похожий на разрезанную пополам бочку, содрогнется от призывного клича пражских болельщиков и на этом вот льду нам предстоит бороться с хозяевами чемпионата за победу и выиграть с перевесом не менее чем в две шайбы.

Перед обедом я пригласил Сашу Пашкова на прогулку. В Праге было прохладно. Белые церемонные свечи прятались в кронах каштанов. Над Влтавой сдержанно пели дрозды. Я вдруг поймал себя на мысли, что и сейчас совсем не испытываю волнения.

Пообедав, я по своему обыкновению крепко уснул. Сон был глубоким и чистым, как у младенца. Через полтора часа я встал свежим и еще более спокойным. Чем ближе был матч, тем увереннее я себя чувствовал.

– Ну, мальчишки, у вас есть шанс доказать, что вы самые сильные в мире, – сказал Виктор Васильевич Тихонов на традиционной установке. – Надо сразу показать соперникам: мы вышли побеждать. У них дома, в присутствии их болельщиков, не смущаясь их чемпионским титулом – побеждать!

Когда мы пошли к автобусу, чтобы ехать на матч, меня остановила женщина – администратор гостиницы.

– Владислав, – сказала она, – я всегда болею за вас, вы мой любимый хоккеист, но как мне быть сегодня?

– Болейте за своих, – улыбнулся я.

– Нет, я буду болеть и за своих, и за вас.

Потом, поздно вечером, она подарит мне букет алых гвоздик.

Мы вышли на лед, и я сразу увидел, что наши соперники выведены из равновесия: бледные лица, скованные движения. Хозяев не взбодрило даже то, что болен Сергей Капустин. И хотя он (вот настоящий парень!) вышел на площадку, чтобы поддержать нас, соперники конечно же знали о том, что у Сергея высокая температура.

Наши нападающие с первых же секунд обрушились на ворота хозяев. Мотор команды заработал на самых высоких оборотах. Это была единственно верная тактика.

– Запереть соперника в зоне, заставить ошибаться вратаря, сбить с толку защитников, – твердили на скамейке тренеры. – А главное – покажите характер. Вы должны сыграть свой лучший матч!

О том, какой прекрасный гол забил Балдерис, я уже вспоминал. А потом Петров увеличил счет. Мы были в меньшинстве, когда Володя, перехватив шайбу в средней зоне, прошел с ней вперед и пробросил направо – Михайлову. Что сделал бы на месте нашего капитана любой другой хоккеист? Он почти наверняка прижал бы шайбу к борту, ведь главное при игре в меньшинстве – выиграть время. А Борис рукой остановил летящую шайбу и, увидев, что вратарь Холечек вышел на него, адресовал пас Петрову. Гол!

Умение сыграть нестандартно всегда отличало хоккеистов нашего ведущего звена, и вот вам, пожалуйста – еще один пример. Ребятам порой приходилось очень трудно: у них не всегда ладилась игра, мешали травмы, да и соперники против нашей ударной тройки действовали с двойным усердием. Но и теперь ветераны не подвели – они забили больше всего шайб.

На последней минуте второго периода, когда чехословацкие хоккеисты играли в меньшинстве, к моим воротам по правому краю прорвался Мартинец. Удивительно, но я успел загадать: выиграю этот поединок – значит, мы чемпионы. А Мартинец летит прямо на ворота, и шайба как привязанная на конце его крюка. Тут уж надо было держаться, стоять до последнего! Я чуть выкатился и отразил шайбу, но в следующее мгновение Мартинец наткнулся на меня, сбил с ног, сразу образовалась куча-мала... А где шайба? Вот она, миленькая, лежит в двадцати сантиметрах от линии ворот.

Соперники на всякий случай всей командой высыпали на лед, начали обниматься, но гола-то ведь нет! «Ноу! – кричу я судье Пирсу. – Ноу!» А он и сам видит, что гола не было.

В третьем периоде Владимир Голиков увеличил счет, а через две минуты капитан сборной ЧССР Иван Глинка «раскупорил» мои ворота, и этот успех придал хозяевам новые силы. Что тут началось! Нам нужно было выстоять в течение десяти минут. Десять минут... Какими длинными могут они казаться!

Незадолго до конца, когда чехословацкие хоккеисты предприняли последний яростный штурм и судьба золотых наград висела на волоске, у нас почти не осталось игроков. С тяжелой травмой покинул каток Мальцев. Шайба едва не высадила глаз Лутченко, и он тоже выбыл из строя. Сердечный приступ свалил здесь же, на скамейке, Васильева... Врач метался от одного к другому. Билялетдинов получил двухминутный штраф. Кому же играть? А соперники давят...

Я никогда не смотрю на табло во время матча, не считаю оставшегося времени. А тут, каюсь, не выдержал, поднял голову – оставалось продержаться пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, и все – мы чемпионы. Только пятнадцать... Это были самые длинные секунды в моей жизни. Я считал про себя: «...три, две, одна». А когда прозвучала сирена, я на мгновение потерял контроль над собой – клюшку разнес о лед вдребезги. Я что-то кричал, и мне что-то кричали.

А на скамейке, не стыдясь, плакал Тихонов.

Опять экзамены

Очередной сезон закончился, а мои волнения теперь приобрели новую окраску: приближалась пора вступительных экзаменов в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Мне предстояло отвечать по педагогике и психологии, истории, тактике, уставам Вооруженных Сил СССР.

Ни для кого из друзей мое решение учиться в академии не было неожиданным. Все знали, что мне нравится работать с людьми, быть в гуще общественной жизни, меня волнуют вопросы воспитания гармонично развитой, социально активной личности.

Ох, и поволновался я тем летом, штудирую учебники, наставления и уставы!

И вот еду на первый экзамен. Месяцы ушли на подготовку, а не хватило, как всегда, самой малости – последнюю ночь не сомкнул глаз, просидел над книжками. Еду и думаю: лучше с канадцами сыграть, чем эти экзамены... Не поверите, колени дрожали – так волновался в то утро.

Сел я в коридоре, неподалеку от аудитории, дожидаясь своего часа. Открыл учебник по педагогике – сто раз читанный-перечитанный, стал его листать, и вдруг показалось – да ведь я ничего не помню, ни-че-го! Ну, думаю, лучше домой уехать, чем так вот мучиться... А тут мимо какой-то генерал проходит:

– Вы когда сдаете экзамен?

– Через час, товарищ генерал, – вытянулся я.

– Хорошо. Я обязательно приду – послушаю вас. Час от часу не легче...

Наконец вызвали меня. За столом – два генерала и полковник – профессор, мой экзаменатор. Смотрят доброжелательно, но испытующе: мол, что ты за птица такая? Как ты шайбу ловишь, мы видели. А теперь посмотрим, как ты умеешь соображать.

С трепетом беру со стола билет. Ну, теперь прочь волнение! Это как в матче – занял свое место в воротах и уже думаешь только о том, как не сплеховать. Первый вопрос касается общих проблем педагогики, во втором требуется назвать характеристики внимания. Про себя вздыхаю облегченно – повезло!

Слушают меня внимательно, с интересом.

Даю определения, привожу примеры, в том числе из своей вратарской практики.

На следующий день кто-то в вестибюле вывесил плакат: «Третьяк выиграл 5:0».

Удачно сдал и другие экзамены. Осенью 1979 года я стал слушателем заочного отделения академии, а спустя три года в звании майора закончил ее.

Может быть, кто-то недоуменно пожмет плечами: зачем Третьяку академия? Один диплом уже есть, зачем второй? Попробую объяснить.

Я понимал: настанет день, когда придется уйти с катка. И что же дальше? Эксплуатировать свою былую славу? Жить старыми заслугами? Нет, это не по мне. Я бы хотел и после хоккея жить интересной, полнокровной и содержательной жизнью. Пусть меня и потом люди ценят не как бывшего чемпиона, а как знающего специалиста, в данном случае в области идеологической работы. Без скидок за прошлые заслуги.

Сам процесс ухода из спорта для многих протекает болезненно: все-таки слишком специфическую жизнь мы ведем на протяжении многих лет... Укореняются привычки, которые надо ломать. Чему-то приходится учиться заново.

Всегда легче бывает тем, кто заранее всерьез позаботился о своем будущем, кто свой мир не ограничивал размерами хоккейной площадки.

Раньше меня покинул лед спартаковец Александр Якушев, один из самых известных хоккеистов моего поколения. Он блистал в спорте больше десяти лет, но самым высоким пиком в его хоккейном восхождении оказались матчи с канадцами, состоявшиеся в 1972 году. Посудите сами: четыре раза из восьми канадцы именно его называли лучшим игроком советской команды. Вскоре после этой серии Бобби Халл заявил: «Я считаю Александра Якушева величайшим левым крайним всех времен». Его клюшку родоначальники хоккея взяли в свой Музей хоккейной славы – это ли не признание высокого мастерства!

Саша тогда поразил воображение болельщиков яростной, мужественной игрой. Он стремился вперед, не ведая ни страха, ни усталости. Лез в самое пекло борьбы, смело шел на добивание, не боялся столкновений и травм. Думаю, канадцев Саша покорила также своим неизменно джентльменским поведением, безукоризненной выдержкой. В этом смысле Якушев – хоккеист уникальный. Ведь как азартна игра, сколько эмоций плещется через край! Александр же был всегда рассудителен, всегда «застегнут на все пуговицы». Его за это очень уважали.

Вспоминаю некоторые детали наших с ним взаимоотношений. Идет матч ЦСКА – «Спартак». Борьба, как всегда, самого высокого накала. Страсти кипят. И вдруг в перерыве ко мне подходит Якушев:

– Ты знаешь, Владик, в Пушкинском музее сейчас выставка «Метрополитэна»? Давай сходим завтра.

Я опешил: слишком далеко от живописи были в тот момент мои мысли. А он продолжал:

– Билетов не достать, понимаешь, а тебя все знают – может быть, пройдем...

Тут он, конечно, покривил душой, потому что его знали не меньше. Просто нас тянуло друг к другу, и за пределами хоккейной площадки мы часто встречались семьями.

Спортивный путь Якушева не всегда был ровным. После 1972 года наиболее удачным для Саши оказался чемпионат мира в ФРГ (1975 год), когда его признали лучшим нападающим, да и в следующем сезоне мой товарищ отыграл прекрасно, особенно в решающем матче с командой ЧССР на зимней Олимпиаде в Инсбруке. А потом... Спад в игре Якушева я бы связал с общим настроением в спартаковской команде, которое тогда было не из лучших. Александра два года не призывали в сборную СССР. Он это остро переживал. И работал. Ветеран команды (Якушев в «Спартаке» с 1963 года!) тренировался больше и самозабвеннее любого из молодых игроков. Его вновь включили в ряды сборной СССР, и на очередном чемпионате мира он завоевал свою седьмую золотую награду.

Мне кажется, он из тех людей, которые всегда будут на виду. Саша давно стал готовить себя к профессии тренера: заочно окончил институт, прочитал множество книг по педагогике и психологии, внимательно присматривался к работе Кулагина, Боброва, Тарасова, Чернышева, Тихонова, с которыми в разные годы сводила его судьба. Да и по характеру он, пожалуй, подходит к роли спортивного наставника.

Итак, я учился в академии и продолжал защищать хоккейные ворота. Скидок мне никаких не делали – ни в учебе, ни в хоккее. Трудно было. Иногда – невероятно трудно.

Из хоккейных событий того периода выделю турнир на «Кубок вызова», состоявшийся в Соединенных Штатах.

Я не люблю играть в нью-йоркском «Мэдисон сквер гардене». Он кажется мне неприветливым, холодным, скучным. Да и публика там какая-то вялая. Вот «Форум» в Монреале – это другое дело. Там я чувствую себя способным творить чудеса. В «Форуме» и

дышится по-другому – легко, свободно.

Увы, розыгрыш «Кубка вызова» происходил в столице Соединенных Штатов...

Руководители НХЛ подвели под «Кубок вызова» такую идею: до этого, дескать, встречи любителей и профессионалов проходили с переменным успехом, а теперь пришла пора выяснить, кто же все-таки сильнее. Давайте, мол, поставим точку в этом затянувшемся споре.

Все три встречи из чисто коммерческих соображений должны были состояться в «Мэдисон», вмещающем 17,5 тысячи зрителей. Правда, впоследствии организаторы турнира, кажется, пожалели об этом решении, поскольку холодную нью-йоркскую публику никак нельзя сравнить с темпераментной монреальской: там болельщик – это действительно лишний игрок на поле.

Основу команды хозяев составляли игроки «Монреаль канадиенс» во главе с тренером Скотти Боуменом, который известен своей приверженностью к джентльменскому комбинационному стилю. Естественно, и почерк у канадской сборной был соответствующим: никто не лез в драку, все хотели играть в хоккей, а не ломать соперникам кости. Но зато желания стать первыми в мини-турнире у профессионалов было более чем достаточно. Многие звезды НХЛ заявили через прессу, что они лучше умрут, чем уступят русским на этот раз. Мы тоже настраивали себя на серьезный лад, хотя наши тренеры отнюдь не преувеличивали для команды значения «Кубка вызова».

«Играйте хорошо, с отдачей, но помните, что главное состязание у нас впереди. Это чемпионат мира», – говорили они нам, имея в виду, чтобы игроки особенно не увлекались, не теряли головы, а главное – остались живы-здоровы.

Приехали мы в Нью-Йорк за три дня до первой игры. А как раз на третий день после прилета за океан человек обычно чувствует себя хуже всего – это пик акклиматизации. Как никогда о нас «заботились» агенты службы безопасности, нашу раздевалку каждый день обыскивали с помощью специально обученных собак: кто-то пустил слух, что против советских хоккеистов готовится диверсия. Представляю, какой вой подняли бы американские газеты, если бы подобные «меры безопасности» применили в Москве по отношению к хоккеистам США...

Горько сознавать, но есть еще на свете люди, которые недовольны нашими контактами с профессиональными хоккеистами Северной Америки. Они, по-видимому, мечтают о том, чтобы мы стреляли друг в друга. Им бы хотелось, чтобы Бобби Кларк и Ги Лефлер ненавидели русских, а вместо этого кумиры североамериканского хоккея дружескижимают нам руки перед каждой игрой, а после матча мы, чуть ли не обнявшись, уходим с ледовой площадки.

...Первый матч начался с того, что мне, так же как и в 72-м, забросили две шайбы подряд. Общая победа осталась за хозяевами – 4:2. Умница все же этот Боумен! Он посоветовал своим хоккеистам исключить дальние броски по моим воротам. Он рассуждал следующим образом: чем больше Третьяку будут бросать, тем он лучше разогреется и тем увереннее себя почувствует. Так было и в 72, и в 74, и в 76-м, когда профессионалы обрушивали на его ворота град шайб. Мы поступим по-другому, решил Боумен: лучше редко, да метко.

По нашим воротам было сделано в тот вечер всего 18 бросков, но каждая из атак таила в себе реальную угрозу гола, это был содержательный, комбинационный хоккей.

На следующий матч мы вышли куда более собранными и по-спортивно злыми. Наше самолюбие было задето, и теперь мы уже играли без оглядки на предстоящий чемпионат мира, на советы тренеров беречь себя. Тон задавал Борис Михайлов. Когда он отдыхал на скамье запасных, только и слышалось его напористое «вперед!», а когда капитан выходил на лед, то казалось – наша команда владеет численным преимуществом.

Вначале мы проигрывали – 2:4, но у каждого из ребят сохранялось ощущение, что вот-вот наступит перелом. Боумен построил оборону на двух парах защитников – все они рослые, мощные парни, им было тяжело угнаться за нашими юркими форвардами, они стали выдыхаться. Тогда и Драйден задергался.

5:4 – выиграла сборная СССР.

Счет третьего, последнего в этой серии матча – 6:0 в нашу пользу. Говорят, что в тот день москвичи просто одолели телефонными звонками спортивные редакции газет: «Неужели 6:0? Нет ли в этом какой-нибудь ошибки?» Казалось невероятным, что самые яркие звезды профессионального хоккея проиграли вот так, «всухую». Такого еще не бывало.

Наши ворота защищал Владимир Мышкин, а Драйдена сменил Чиверс. Мышкин сыграл лучший матч в своей жизни. За три периода он не сделал ни одной ошибки – случай в хоккее редкостный. Мне нравится самообладание и решительность этого хоккеиста, его приветливый, уживчивый характер. Перед канадскими профессионалами Мышкин не испытывал ни робости, ни смущения. После матча я от души поздравил его.

Что касается моего старого приятеля Джерри Чиверса, то он после матча жаловался: «Русские делали со мной все, что хотели. Я выглядел ужасно. Не знаю, смогу ли прийти в себя после такого удара...»

Глава 4. С хоккеем навсегда

Лейк – Плэсид, 22 февраля 1980 года

Узкая, похожая на купе спального вагона комната. Двухэтажные нары. Крохотное окно, забранное металлическими прутьями. Под потолком воев вентилятор. Холодно, пусто.

Сколько я сижу здесь один? Час, два? Книга все на той же странице. Страшно болит голова.

Из-за двери до меня доносятся звуки музыки, веселые голоса. Там, в круглом холле, после дневных баталий собираются олимпийцы: лыжники, конькобежцы, фигуристы... Чью-то победу будут чествовать, кого-то благодарить за «серебро» и «бронзу». По телевизору крутят видеопленки с мультфильмами «Ну, погоди!», «Крокодил Гена».

Ну, погоди... Я усмехаюсь, поймав себя на мысли, что угроза мультипликационного волка адресована лично мне. Доигрался...

Пытаюсь успокоиться, привести нервы в порядок. Собственно, что произошло? Ты что, раньше никому не проигрывал? Не пропускал обидных шайб? Ведь было?

Было-то было, но только не в таких матчах. Что сейчас дома творится? Как люди переживают! Эх... Я вновь сжимаю тисками ладоней голову, стискиваю зубы.

Проклятая камера. И так тяжело на душе, а тут еще эти казенные стены, стальные двери, нары...

Лейк-Плэсид, 1980 год. Мы проиграли хозяевам Олимпиады и фактически расстались с шансами на победу, когда до «золота» оставалось рукой подать.

Инсбрук-64, Гренобль-68, Саппоро-72, Инсбрук-76 – столько лет продолжалось победное шествие советского хоккея, и вот – осечка.

...Я снова пытался читать, но ни одно слово не задержалось в сознании, текст сливался в какую-то серую массу, и помимо своей воли я опять возвращался к недавним дням, мгновение за мгновением останавливал в памяти «видеозапись» последнего рокового матча.

В Лейк-Плэсиде все было плохо. Поймите меня правильно. Я говорю так не потому, что мы проиграли. Олимпийского праздника не получилось – вот что я имею в виду. Не было ничего похожего на то, что спустя полгода подарила лучшим спортсменам мира наша Москва.

Я считал, что меня уже ничем нельзя удивить. Где только не играл за эти годы, в каких отелях не жил! Но, прибыв в Лейк-Плэсид, мы с первого и до последнего дня не переставали изумляться. Этот поселок, расположенный в глуши горного массива Адирондак, в пяти часах езды от Нью-Йорка, является, по-видимому, одним из самых не приспособленных на земле мест для проведения зимних Олимпийских игр. Деревенская тишина, запустение. Какие-то сарайчики, крохотные мотели. Главная улица длиной не более двухсот метров. Пресс-центр в школьном спортзале. А под Олимпийскую деревню американцы оборудовали новенькую, с иголки тюрьму.

– Неужели это была самая настоящая тюрьма? – недоверчиво спрашивали меня после возвращения из Соединенных Штатов многие люди. – Может быть, это гипербола?

Приходилось объяснять: да, тюрьма, самая настоящая, с двумя рядами колючей проволоки, с тесными камерами без окон, с насквозь простреливаемой площадкой для прогулок заключенных. Каморки, в которых мы жили по двое, были настолько крохотными, что если

один человек заходил, то второму приходилось или выходить, или ложиться на нары – иначе не разойтись. Звукоизоляция практически отсутствовала: стоило Петрову в камере рядом чихнуть, как мой «сокамерник» Крутов говорил ему, не напрягая голоса, «будь здоров!». Ночами нас донимал страшный холод, приходилось спать под тремя одеялами. К тому же сну мешал надсадный вой вентиляционных моторов. Это напоминало пытку.

Камеры располагались по окружности в два яруса, а внутри круга, на площадке, которую я несколькими строками выше назвал «холлом», был устроен импровизированный клуб нашей делегации. Вообще-то это место предназначалось для надзирателей. Теперь здесь поставили несколько телевизоров, видеомэгафон, киноустановку, проигрыватель. Здесь же с утра и до отбоя коротали время спортсмены, свободные от стартов и тренировок. Не в камерах же сидеть! Мы, хоккеисты, особенно в дни матчей, привыкли после обеда час-полтора поспать – это своеобразная форма настройки на предстоящую борьбу. Но разве уснешь, когда за сталь[^] ной дверью в трех метрах от тебя то крутят кино, то шумно чествуют чемпионов!...

Транспортными и другими неурядицами, кажется, были возмущены все; во всяком случае, газеты (даже местные) писали о них гораздо больше, чем о соревнованиях. Единственными людьми, кого это не трогало, были... организаторы Олимпиады. Они вели себя так, будто по-другому и быть не может, будто Игры проходят хорошо и все довольны. Похоже, большинство американцев, имеющих отношение к проведению Игр, не смогли или не захотели понять, отчего ими недовольны и чего от них хотят. Возможно, это чисто американская черта – полагать, что лучше сделанного тобой сделать уже нельзя, и упорно не считаться с мнением всего остального мира.

Хозяева Игр-80 и не думали скрывать того, что Олимпиада для них является прежде всего средством хорошенько заработать. Жители проявляли поразительное равнодушие к соревнованиям, зато их предприимчивость по части вздутия цен на все – от сувениров до мест в гостиницах – побила абсолютные рекорды. Это был грабеж среди бела дня. Завтрак в дешевеньком баре – 10 долларов, ночлег в плохоньком мотеле – 80 долларов. У видавших виды туристов волосы вставали дыбом: вот так гостеприимство!

Ничего подобного не было ни в Саппоро, ни в Инсбруке.

Нам не часто удавалось гулять по Лейк-Плэсиду. Точнее, всего раз или два, но и этого оказалось достаточно, чтобы ощутить дух спекуляции и наживы, царивший повсюду. Мэйн-стрит – главная улочка поселка – напоминала в дни Олимпиады круглосуточную ярмарку: здесь денно и ночью шел торг. Бизнес делали почтенные джентльмены и совсем сопливые мальчишки. При этом они проявляли удивительную энергию и предприимчивость. Один парень на углу за четыре доллара продавал майки с надписью: «Я сумел выжить на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде». Своеобразная, согласитесь, реакция на те организационные проблемы, которые так и не смогли решить организаторы Игр.

А вот еще сценка на Мэйн-стрит. Посреди улицы суетится лохматый малый с пачкой ярких наклеек, на которых написано: «Никсона – в президенты».

– Ты что, участвуешь в предвыборной кампании? – спрашиваем мы.

– Нет, просто у меня завалились эти наклейки девятилетней давности, и я подумал – почему бы их не толкнуть? Здесь все покупают. Может быть, и это пойдет...

Вот такая была там, в Лейк-Плэсиде, атмосфера.

Но в том, что случилось 22 февраля 1980 года, виноваты мы и только мы.

Наша сборная прилетела в Штаты за неделю до зажжения олимпийского огня. В Нью-Йорке состоялся спарринг-матч между командами СССР и США. Счет встречи был достаточно, красноречив – 10:3. Американцы оказали нам тогда чисто символическое сопротивление. Силы были слишком неравны. Соперники смотрели на нас снизу вверх, не скрывая своего почтения. Мы для этих ребят были той командой, которая не раз побеждала отборных североамериканских профессионалов. Профессионалом мечтал стать каждый из них. Помню, вратарь Крейг все время ловил мой взгляд, а в ответ приветливо улыбался и раскланивался. Они тогда и не помышляли о победе. Вопрос был только в том, сколько шайб хозяева пропустят от именитых гостей. Пропустив десять, американцы очень огорчились: все же они были более высокого мнения о себе.

Кто знал, что эта победа впоследствии сыграет с нами такую злую шутку! Лучше бы мы

тогда проиграли...

В матчах предварительного круга никто не мог испортить нам настроение. Мы легко разделились со всеми соперниками, а японцев разгромили «всухую» – 16:0. Сенсации произошли в других матчах. К примеру, кто бы мог предположить, что чехословацкие хоккеисты проиграют американцам! А именно так случилось вечером 14 февраля. Счет 7:3 в пользу хозяев. Это был сюрприз олимпийского турнира, который означал, что хоккеистов США следует считать одними из главных претендентов на олимпийские награды. Первым серьезным препятствием для нас были финны, накануне обыгравшие канадцев со счетом 4:3. Откровенно говоря, вначале мы их не очень-то воспринимали как серьезных соперников. До этого финские хоккеисты уступили команде Польши и с трудом выиграли у Японии. Победа над канадцами вполне могла быть одним из тех эпизодических сюрпризов, которые почти всегда преподносят финны, вдруг подставляя ножку кому-либо из лидеров. Но нет, дело обстояло совсем не так. Бело-голубые сломя голову бросились на нас, словно никакого другого варианта, кроме победного, в их планах не предусматривалось. Пробелы в своем хоккейном образовании соперники восполняли напором и дерзостью. А в наших действиях сквозила какая-то небрежность. В итоге мы с большим трудом вырвали победу – 4:2.

Встреча с канадцами проходила по тому же сценарию. Снова соперники вели в счете, мы – догоняли, а вперед вышли только в конце матча – 6:4. Зрителям это, возможно, и пощекотало нервы, но нам стало ясно: что-то не так в команде, почему-то не клеится игра. Почему? Что случилось? Соперники против нас в основном действуют от обороны, инициативой владеем мы, но сами забить не можем, а в свои ворота пропускаем. Откуда-то взялась общая неуверенность, скованность. Шесть шайб, пропущенных в двух матчах, – это и результат моих досадных ошибок, и плоды расхлябанности защитников.

Пожалуй, из всех нас только к одному Володе Крутову не было претензий. Дебютант сборной СССР, молодой воспитанник нашего армейского клуба был включен в одно звено с Лебедевым и Мальцевым. Звено практически не наигрывалось, ему вначале отводилась роль запасного, но ребята показали себя молодцами.

В финальную часть турнира вошли команды СССР, Финляндии, США и Швеции. Сборные Чехословакии и Канады не попали в финал, что само по себе говорит о том, какими напряженными и коварными были эти состязания.

Американцы вышли на игру с нами, имея в своем пассиве всего одно очко (ничья со шведами – 2:2). По духу, по настрою эта команда была совсем не похожа на ту, с которой мы встречались неделю назад в Нью-Йорке. Куда девались почтение и робость? В их взглядах читались решимость, желание во что бы то ни стало пробиться в олимпийские чемпионы. Перелом в состоянии команды произошел после победы над чехословацкими хоккеистами и ничьей со шведами. «А ведь мы играли лучше их, – с изумлением сказал мне в Олимпийской деревне американец Шнайдер. – Значит, мы здесь чего-то стоим».

...Четыре года спустя, на Олимпиаде в Сараево, мне подарили книгу «Один гол», написанную американцами Д. Пауэрсом и А. Каминским о турнире в Лейк-Плэсиде. Составлена эта книга в довольно развязных выражениях, особенно по отношению ко всему тому, что не является американским. Своих же хоккеистов авторы выставляют чуть ли не национальными героями, пробудившими в Штатах дух оптимизма и веры в американскую мощь. Явная передержка. Заокеанская пропагандистская машина постаралась использовать победу хоккеистов для разжигания шовинистических настроений. Приложил к этому старание и тогдашний президент Картер. Авторы «Одного гола» невольно проговариваются, для чего был нужен Америке весь этот шум. «Уже год страна пребывала в нервном состоянии, связанном с трудностями экономики, продолжающейся инфляцией, безработицей, неудачами американской политики в разных районах мира, – пишут они. – Нация ощущала духовное недомогание, люди были раздражены, озабочены, несчастны». А несколько выше в книге вполне серьезно утверждается, что олимпийцы США несли груз ответственности перед президентом, государственным департаментом, Пентагоном, заложниками в Иране и компанией «Дженерал моторс». Вот так – не больше, не меньше. Испытывая острейшие трудности во внутренней и внешней политике, потерпев целый ряд серьезных неудач, администрация Картера ухватилась за соломинку, протянутую тренером Бруксом и его питомцами.

Авторы книги пишут, что билеты на матч СССР – США стоимостью в 67 долларов 20 центов шли с рук по 300 долларов. «На трибунах сидели не настоящие болельщики, а богачи, имевшие возможность заплатить такие деньги, – замечают они. – Эти люди не выражали особых эмоций, как видно полагая, что за такие деньги они вправе рассчитывать на зрелище и похлеще».

Американцы, по мнению Пауэрса и Каминского, играли так, будто на карту была поставлена их жизнь. Они сознавали, что уступают в мастерстве нашим хоккеистам, но решили компенсировать это «фантастическим желанием свалить русского медведя». В книге говорится, что тренер Г. Брукс перед началом матча втолковывал своим мальчишкам: «Вы не должны увлекаться физическим единоборством. Помните, каждый штраф лишает нас шансов на успех. Смело принимайте приглашения русских к скоростной игре. Только не позволяйте им делать длинных прострельных передач и ни в коем случае не допускайте небрежностей в обороне. Сдается мне, что ключевым местом игры станет середина площадки».

Так оно и было. Хоккеисты старательно выполнили все указания Брукса, играли как по-писаному. Для нас же этот матч сложился фатально.

Можно сейчас по полочкам раскладывать причины нашего поражения, но все же лично я не способен до конца понять того, что произошло.

Главные события действительно развернулись в центре площадки, и, кстати, издалека были забиты почти все голы. Американские хоккеисты, следуя воле своего тренера, охотно приняли наше предложение играть в быстрый, комбинационный хоккей. И они действительно старались избегать силовых единоборств. Как примерные ученики, они прилежно выполняли заданный им тренером урок.

На 9-й минуте счет открыл Кругов – он подправил шайбу, издалека брошенную Касатоновым. Через пять минут выстрелом с острого угла Шнайдер сравнял результат: шайба попала прямо в «девятку». Затем снова мы вышли вперед: Макаров сквозь частокол защиты прошмыгнул к воротам и – гол.

До конца периода оставалось две минуты... Одна минута... Несколько секунд... И вот тут-то нам забили шайбу, которую можно считать роковой. С центра поля по моим воротам сильно бросил Кристиан. Я отбил – не очень, правда, ловко – прямо перед собой, но ведь и никого из соперников поблизости не было! И вдруг откуда ни возьмись Джонсон. Он подхватывает шайбу, которая уже доскользила до синей линии. Две секунды до сирены. Я не готов к этой атаке. Секунда. Бросок. Гол. А что же делали в этот момент наши защитники? Почему они даже не шевельнулись, когда Джонсон коршуном летел на мои ворота? Потом выяснилось: игроки задней линии... смотрели на табло, считая оставшиеся до конца периода секунды.

Да, это был ключевой момент матча и даже, возможно, всего олимпийского турнира. Так считают и авторы книги «Один гол». Вот как они описывают тот эпизод. «За десять секунд до конца первого периода Морроу подобрал шайбу в своей зоне и передал Дэйву Кристиану, находившемуся на синей линии. Он крикнул ему, чтобы тот просто бросил в сторону Третьяка. Дескать, время периода все равно уже истекло. Кристиан сделал ничего не значивший бросок. Шайба, попав в щитки Третьяка, отскочила недалеко в поле. Оставалось три секунды. Марк Джонсон, который находился на синей линии, уже повернулся, чтобы отправиться в раздевалку. Но тут он услышал рев трибун и понял, что надо что-то делать. Он увидел расслабленные лица Первухина и Билялетдинова. В мгновение ока он прошмыгнул между ними и, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском».

Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не зажегся. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся потому, что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед, хотя это просто формальность. Они возвращаются... без Третьяка. Эрузионе подъехал к Бруксу: „Мышкин в воротах!“ Эта новость поразила всех. Нам и в голову не приходило, что русские способны заменить Третьяка. Все были воодушевлены. Соперники, сами того не подозревая, подарили нам сильный допинг».

Да, меня заменили, заявив под горячую руку, что я подвел команду. Столько лет был

незаменим, а тут «подвел»...

Конечно, я сыграл не лучшим образом, однако кто может сказать, что это было следствием моей безответственности, безволия! Я оказался не в самой боевой форме, но ведь это может случиться с каждым спортсменом (и с кем не случалось!). Быть все время в форме – это как балансировать на лезвии бритвы. Тогда, в Лейк-Плэсиде, в силу каких-то причин обрести это состояние я не сумел. И вот за секунду до конца первого периода меня сняли с игры. Теперь я наблюдал за всем происходившим со скамейки запасных. Впервые за много лет судьба золотых медалей совсем не зависела от меня.

Второй период. Волны атак бурно плещутся от борта до борта. Логично было бы предположить, что американцы уже исчерпали все свои силы и вот-вот остановятся, сдадутся, признают за нами право сильнейших хоккеистов Олимпиады. Но нет. На шайбу, заброшенную Мальцевым, ответил в третьем периоде Джонсон. 3:3. А еще через полторы минуты Эрузионе вывел свою команду вперед. Бесплодны наши попытки исправить ситуацию. Питомцы Брукса не только осмысленно защищались, но и беспрерывно контратаковали. Наши же играли чем дальше, тем хуже. Не было ни разнообразия в тактике, ни слаженности в обороне. Атаки не выглядели убедительными. Одно дело вихрем летать у чужих ворот, а другое – забивать при этом шайбы.

Да, исход поединка решил один гол – недаром так назвали книгу, которую я цитировал выше. Американцы ликовали. Брукс объяснял успех верной тактикой, которую они выбрали. Блестяще, по мнению тренера, сыграл вратарь Крейг, надежность которого как бы стала фундаментом победы. «Что же касается советских хоккеистов, – отметил Брукс, – то они действовали в несвойственном им примитивном стиле. Они сделали много бросков по нашим воротам (39 против 16), но реальных голевых ситуаций создали мало».

Брукс в интервью корреспондентам говорил также, что, по существу, он и его команда исповедуют тарасовский подход к игре и тренировкам.

...Стиснув голову, я долго сидел в одиночестве, снова и снова переживая все случившееся.

Вернулся с ужина Володя Крутов, но когда увидел мое состояние, деликатно вышел из нашей общей каморки, оставив меня одного.

«Можно ли было взять пропущенные шайбы?» – спрашивал я себя. Да, они явно не входят в число тех, которые считаются «мертвыми», я должен был их брать. Что же произошло? Может быть, нас, ветеранов, подвело слишком сильное желание стать трехкратными олимпийскими чемпионами? Так бывает: излишнее старание сковывает, превращается в свою противоположность...

Это ужасно, когда ты не оправдываешь надежд множества людей. Это так больно...

Я думал о том, что зря меня заменили после первого периода. Не мог я больше ошибиться в том матче, уверен – не мог. Володя Мышкин – превосходный вратарь, но он был не готов к борьбе, не настроен па американцев. Выходить на замену всегда очень тяжело, а в таком матче – особенно.

Что было дальше? В последний день зимней Олимпиады американская команда обыграла финнов (4:2) и, таким образом, повторила свой успех в Скво-Вэлли. Мы одолели шведов – 9:2 и в итоге остались с «серебром».

Когда самолет с олимпийцами приземлился в Москве, встречающие на руках понесли от трапа лыжника Николая Зимятова, главного героя той зимней Олимпиады. Нас же оттерли в сторону, демонстративно не замечая. Поделом, конечно. Но все же... Как относительна цена спортивных успехов! «Серебро» у хоккейного болельщика совсем не в чести – только «золото» ему подавай! Мы сами десятилетиями приучали его к этому.

...После Лейк-Плэсида прошло уже много времени. Постепенно стерлись из памяти досадные подробности нашего «тюремного» быта. Забылись детали почти всех встреч. Но матч с американцами я помню так отчетливо, будто он состоялся вчера. Вот Шнайдер под острым углом неожиданно и сильно бросает шайбу в ворота. Я с некоторым запозданием выкатываюсь ему навстречу – уж больно внезапно он здесь появился, да и по логике, он должен был отдать пас партнерам... Вот Джонсон один на один со мной – неприятно, опасно, но ведь я столько раз выигрывал такие единоборства, столько буллитов отразил, а тут... Нервы? Одно я и сейчас

говорю твердо: не мог я больше ошибаться, сердцем чувствую – не мог. Ну да после драки кулаками не машут.

Потребуется еще четыре года упорной работы, ожиданий, синяков, побед и неудач, чтобы на следующей Олимпиаде, в Сараево, вернуть нашему хоккею титул олимпийских чемпионов. Но об этом – дальше.

На стадион – в карете «скорой помощи»

Судьба крепко взялась за меня в ту пору. Наверное, если бы я тогда покинул каток, ушел из спорта, никто бы не сказал обо мне худого слова. К тому времени я уже хранил в своей коллекции две золотые и одну серебряную олимпийские медали. Меня трижды признавали лучшим хоккеистом СССР. Было у меня и немало других почетных титулов.

Я учился тогда на заочном отделении Военно-политической академии. Забот хватало. Росли дети, с которыми я, увы, занимался мало. Димка уже собирался в первый класс. Младшая, Иришка, была не по годам серьезной и собранной. «У нее папин характер», – утверждали родственники.

Но я не ушел, потому что в первую очередь сам расценил бы это как проявление слабости, как отступление. А отступить нельзя.

Сил было еще много... Я рвался в бой, хотел доказать, что неудача за океаном – это случайность, эпизод, что я не таков...

Однако на Кубок Швеции первым вратарем поехал Володя Мышкин. Об этом мало кто знает, но это так. И сыграл он там хорошо. Я был дублером. «Скорее бы закончился этот сезон», – думал я. Мне казалось, пройдет время, отдохну и все встанет на свое место.

Летом семьей мы поехали к бабушке моей жены в Вышний Волочек. Мы там проводим каждый отпуск – в походах за грибами и ягодами, в долгих прогулках по лесам. Места чудные: озера, речки, острова. А какая рыбалка! Без улова даже новичок не возвращается. Отпуск в тех краях любые раны залечит.

Конечно, на юге тоже есть свои прелести: море, солнце... Но в каждом доме отдыха или санатории опять надо соблюдать строгий распорядок дня, который уже в печенках сидит. Завтрак, обед, ужин, подъем, отбой. Да и уж слишком людно там! То и дело тянут разделить с кем-нибудь компанию, поддержать чье-нибудь застолье. Откажешься – в спину шепоток: «Зазнался Третьяк, нос задирает...» Невдомек таким людям, что каждый час своего 24дневного отпуска мы, хоккеисты, ценим совсем не так, как другие. Ведь целый год ни на день не имеем права расслабиться, забыть о режиме! Ждем отпуска, как подарка.

А в Вышнем Волочке хорошо! Большой деревенский дом. Парное молоко. В семь часов мы уже на ногах и всей семейной командой – Таня, Дима, Иришка – отправляемся на озера. К обеденному костру кто-то несет лукошко грибов, кто-то банку ягод. Я всегда возвращался с рыбешкой. Вечером налаживал самовар (очень люблю это дело) и с 86-летним дедом долго гонял чай. Дед рассказывал о том, как жили тут прежде, как боролись за советскую власть. Я видел, что он явно гордится моим приездом перед соседями. А я был счастлив, что есть этот дом в Вышнем Волочке, где можно провести такой замечательный отпуск.

...В первом матче турнира на приз «Известий» 1980 года с командой Чехословакии ворота защищал Володя Мышкин. Наша сборная тогда проиграла – 4:5. На вторую игру поставили меня. Я старался, как в юные годы. Счет был 5:2 в нашу пользу, но это еще не все – организаторы турнира назвали меня лучшим вратарем.

Значит, удача вернулась? Празднуй, Третьяк! Но нет, я же говорю, что судьба крепко взялась за меня. Ух как крепко! Спустя полтора месяца мы поехали в Горький на обычный календарный матч первенства СССР. Автобус подвез команду к Дворцу спорта. Неся перед собой свою громоздкую сумку с вратарской амуницией, я стал спускаться по автобусным ступенькам. Правой ногой резко шагнул на землю и вдруг почувствовал острую боль в ступне. Я сдавленно застонал. Ребята подбежали: что случилось? Полкоманды спустилось по этим ступенькам, и ничего, а я... Правая нога со всего маха угодила в яму. Когда сделали рентгеновский снимок, выяснилось: перелом. И это произошло незадолго до чемпионата мира!

Наложили гипс.

– На какое время? – спросил я врача.

– По меньшей мере на месяц, – твердо ответил он.

Когда я па костылях появился дома, Татьяна ударилась в слезы: «Вот он – твой хоккей! Инвалидом тебя сделает...» Но ее огорчение, впрочем, быстро сменилось радостью – она поняла, что теперь-то я наверняка по меньшей мере месяц буду дома.

Неделю я наслаждался полным покоем. Затем спохватился. Нет, я вовсе не намерен был так просто складывать оружие. Позвонил в клуб: «Готов приступить к тренировкам». Каждый день к подъезду нашего дома теперь стал подкатывать автомобиль «скорой помощи», я спускался на своих костылях и ехал в ЦСКА. Там в гимнастическом зале для меня установили настоящие хоккейные ворота. Я садился перед ними на табурет, брал ловушку, и Виктор Кузькин швырял по воротам ракеткой теннисные мячи. Так мы тренировались – ежедневно по часу-полтора.

Это помогло мне не потерять навыка, а самое главное – уверенности в своих силах.

Домой по указанию Тихонова доставили гребной тренажер. Этот аппарат занимал половину комнаты и поначалу вызвал большой восторг у детей. Правда, они быстро остыли, уяснив, что заниматься сухопутной греблей – утомительное занятие. Я же работал механическими веслами по многу часов. Я не был до конца уверен в успехе, в том, что успею встать в строй до начала мирового первенства, но решил побороться, постоять за себя.

Мне было с кого брать пример. Валерий Харламов, попав в больницу с тяжелейшими переломами, начал готовить себя к грядущим поединкам буквально лежа на кровати. Доктора рассуждали о том, сколько лет потребуется Харламову, чтобы обрести обычное физическое здоровье – о хоккее они и не заикались, а Валерий, едва встав на ноги, пришел... тренироваться. Да, в чем-то врачи были правы: Харламов и спустя несколько лет ходил прихрамывая. Но зато как играл!

Или взять Александра Мальцева, которого травмы преследовали ну просто роковым образом. Какое надо было иметь терпение, мужество, чтобы каждый раз возвращаться в строй!

В истории нашего спорта много поразительных примеров самоотверженности.

...Гипс сняли через три недели. Я почти тут же вышел на лед, сразу почувствовав, насколько далеко назад отбросила меня эта травма. Даже Татьяна по телетрансляции заметила мою неуверенность, частые необдуманные падения, какие-то лишние, несвойственные мне раньше движения. А до чемпионата оставались считанные дни.

Пришел к Тихонову:

– Наверное, не успею, Виктор Васильевич. Не хочу подводить команду.

Ответ тренера был неожиданным:

– Да, мы видим, что ты не в форме. Но время еще есть. Ты успеешь. Мы верим в тебя.

Наверное, скажи он как-нибудь по-другому, не так определенно, я действительно опустил бы руки. А после тех слов будто второе дыхание открылось. Раз в меня верят, на меня рассчитывают, я должен быть в полном порядке.

Как дальше складывались события, болельщики, наверное, помнят. В Стокгольме и Гетеборге я отыграл за сборную во всех матчах, кроме последнего, от которого уже ничего не зависело, потому что мы досрочно стали чемпионами мира. В решающем поединке наша команда буквально разгромила шведов – 10:1.

Запомнилось, что на чемпионат, чтобы поддержать своих, приехали знаменитые профессионалы из Канады Ларри Робинсон и Ги Лефлер – после того, как их монреальский клуб выбыл из розыгрыша Кубка Стэнли. Лефлера корреспонденты спросили, в чем, по его мнению, кроется сила советских хоккеистов.

– Об этом можно говорить долго, – ответил канадец. – Но можно ограничиться одной фразой: они большие патриоты.

Попал, что называется, в точку.

Следующий сезон начался необыкновенно рано – уже в сентябре от нас требовалось показать свою лучшую форму, потому что сборной СССР предстояло участвовать во втором розыгрыше Кубка Канады.

Незадолго до отлета за океан сыграли два матча со шведской сборной, усиленной такими выдающимися мастерами, как Сальминг, Хедберг, Нильсон. Трибуны были переполнены:

соскучились шведы по своим звездам, гастролирующим в составах североамериканских профессиональных клубов. Играли на укороченных площадках – таких, какие приняты в Канаде. Привыкали. Оба матча мы выиграли, а затем, также дважды, в спарринг-поединках одолели и финнов.

Пока летели в Монреаль, я вспоминал все, что было связано с первым турниром Кубка Канады, состоявшимся в 1976 году, и вообще с североамериканскими профессионалами.

Я был младенцем, когда советские хоккеисты впервые отправились за океан. Из рассказов А. В. Тарасова знаю, как настороженно принимали их тогда в Канаде и США. Какие нелепые и глупые вопросы о лаптях и медведях задавали нашим ребятам. Некоторые специально подходили их потрогать, чтобы убедиться, что русские сделаны из того же теста.

А вспомните осеннюю Москву 1972 года! Взбудораженные москвичи толпятся у выхода из Дворца спорта в Лужниках, сутки напролет дежурят у подъезда гостиницы «Интурист» на улице Горького – караулят канадских профессионалов. Завидев их, тянутся за автографами, рассматривают гостей во все глаза. Фамилии игроков произносят с огромным почтением – каждый из них для московского болельщика окружен ореолом легенд, и не поймешь, что правда, а что вымысел.

Фил Эспозито во время представления игроков перед первой встречей, поскользнувшись, падает на лед. Трибуны в оцепенении: это же великий Эспозито! Как он мог допустить такую оплошность? Но, возможно, Фил специально придумал этот трюк с падением, чтобы вызвать симпатии у зрителей и разрядить чересчур официальную атмосферу?... Да, конечно, он это сделал специально. Ну и молодец! Оказывается, профессионалы – обыкновенные люди, такие же, как мы, они тоже могут и плакать, и улыбаться. Трибуны взрываются аплодисментами, лица людей сияют.

Чтобы узнать друг друга, надо встречаться. Чтобы верить друг другу надо вести диалог не только в зале заседаний ООН, но и на хоккейном льду.

К Кубку Канады у всех хоккеистов отношение особое. Объясню почему. Сильнейшие любительские сборные выступают в чемпионатах мира и олимпиадах, которые мы считаем самыми важными соревнованиями. Мы всю свою подготовку нацеливаем на то, чтобы именно к этим испытаниям подойти в самой лучшей форме. Североамериканские профессионалы молятся на Кубок Стэнли, являющийся их главным призом. И хотя мы играем в один хоккей, но, увы, жизнь складывается так, что в рамках существующих турниров регулярные встречи лучших профессионалов и любителей пока проходить не могут.

Другое дело Кубок Канады. Он собирает, бесспорно, самые яркие звезды мира. Шведские и финские игроки, выступающие сейчас за профессиональные клубы Северной Америки, для участия в Кубке могут вернуться под знамена своих сборных, и тренеры этих сборных теперь уже способны показать товар лицом, а не оправдывать свои неудачи отсутствием сильнейших хоккеистов. Канадцы и американцы, насколько мне известно, тоже придадут огромное значение этому осеннему турниру, не без оснований полагая, что здесь проверяются стратегические концепции развития мирового хоккея на ближайшие годы. Всегда охотно участвуют в кубке наши чехословацкие друзья, которые расценивают его как великолепную возможность проверить молодых хоккеистов. Они справедливо считают, что если ты прошел горнило Кубка Канады и показал себя достойно, то на тебя можно положиться в любых грядущих испытаниях.

Наконец, не будем забывать о болельщиках по обе стороны океана – для них встречи сильнейших любительских и профессиональных сборных всегда зрелище из самых лакомых.

В 1976 году наш дебют не был удачным. Теперь, спустя пять лет, мы ехали за океан не экспериментировать, а побеждать. И убеждать тех, кто сомневался в наших чемпионских полномочиях после мирового первенства (были в некоторых западных газетах жалкие попытки бросить тень на нашу победу, основанные на том, что, дескать, за сборные Швеции и Финляндии не выступали их сильнейшие хоккеисты-профессионалы).

Перед началом Кубка состоялся товарищеский матч в Эдмонтоне. Мы этот матч проиграли. Хозяева льда применили против нас тактическую новинку, о которой следует рассказать. Уэйн Гретцки, знаменитый снайпер из «Эдмонтон Ойлерс», подолгу маячил с шайбой за моими воротами. Я и все наши защитники, естественно, переключали значительную часть своего внимания на него. А в это время на «пяточок» с ходу влетал кто-нибудь из

канадских форвардов – обычно это был Перро, – ему следовал точный пас и... Этот технический ход канадцы довели до совершенства. Видимо, не одну тренировку посвятили они шлифовке своей новинки. И поначалу это позволяло им много забивать. Весь турнир мы искали противоядие. Наконец пришли к выводу, что надо лишить возможности Уэйна Гретцки спокойно раскатывать за воротами. Это помогло.

В нашей команде завершался процесс смены поколений. Никаких скидок на омоложение тренерам не делалось. Сборную покинула целая плеяда выдающихся хоккеистов, из «старичков» остались только Валерий Васильев, Александр Мальцев и я. Но и молодежь к нам пришла не робкого десятка. В ее игре виделся самобытный почерк, да и характеры были тверды. Если на мировом чемпионате в Праге (1978 год) широкой публике открылся талант Макарова, а спустя два года в Лейк-Плэсиде засверкало дарование Крутова, то Кубок Канады заставил говорить о блистательном мастерстве и бесстрашии Ларионова. С виду Игорь ну никак не похож на ледового бойца! Кто он рядом с двухметровым гигантом Робинсоном? Но как обманчива бывает внешность! Ларионов показал такую страстную жажду борьбы, такое великолепное мастерство, что стал подлинным героем турнира. В финальном матче Кубка Канады, который свел нас с хозяевами льда, именно Игорь открыл счет, хитроумно обыграв того же Робинсона. Это привело в изумление не только трибуны, но и добрую половину всех участвующих в том поединке хоккеистов.

Однако не буду забегать вперед. Как и пять лет назад, на старте мы встречались с командой ЧССР. Необыкновенно упорная борьба завершилась вничью (1:1). Матч со шведами тоже складывался не просто. Долгое время мы шли вровень, но когда при счете 4:3. Нильсон не забил мне шайбу из выгоднейшей ситуации, в игре наступил перелом. Разрыв увеличил Мальцев, который каким-то непостижимым образом забросил пятую шайбу буквально, как мы говорим, «с нулевого угла».

Болельщики говорили нам перед отъездом: «Кубок Канады можете уступить, но чтобы у американцев выиграли обязательно». Любители спорта никак не могли забыть поражения в Лейк-Плэсиде. Ворота сборной США защищал Тони Эспозито, который ради выступления в Кубке даже сменил подданство – стал американским гражданином. В составе их команды было немало игроков из золотой олимпийской сборной. Они рвались снова показать себя, убедить всех, что тот их успех не был случайным.

Тони пропустил четыре шайбы. Я – одну. Но каких же усилий мне это стоило! После второго периода голова кружилась так сильно, что я с трудом добрал до раздевалки. Перед глазами плавали разноцветные круги. Врач с трудом привел меня в сносное состояние.

Следующий матч – с канадцами, – по сути дела, ничего не решал, был почти формальностью, так как и мы, и хозяева уже вышли в полуфинал. Мне позволили отдохнуть. Канадцы были в ударе. Гретцки, Босси, Перро и их товарищи, к шумному восторгу публики, выиграли встречу со счетом 7:3. Канадские болельщики вряд ли после этого сомневались в том, что Кубок вновь вручат их любимцам.

У нас в команде к проигрышу отнеслись спокойно. Мы несколько раз посмотрели видеозапись матча, детально разобрали ряд ключевых ситуаций, окончательно определили, что же предпринять против коварного маневра Гретцки. Не было ни паники, ни переоценки своих сил. Была уверенность.

В полуфинале мы выиграли у чехословацких хоккеистов, а канадцы – у сборной США. И вот финал. Огромный каток «Форум» в Монреале. Снова «Форум». Опять сотрясаются бетонные стены от рева тысяч людей. «Форум» жаждет победы «кленовых листьев». Вся Канада прикинула к телевизорам. Второй в истории финал Кубка.

Скажи нам кто-нибудь до начала матча, что мы победим в этот вечер со счетом 8:1, никто из нас в это бы не поверил. Канадцы были сильны. Действовал к тому же «фактор родных стен». Большинство болельщиков абсолютно не сомневались в их победе. А счет, между тем, 8:1 в нашу пользу. Накануне газеты писали: «Исход финала будет во многом зависеть от того, как сыграет Третьяк». Я выложился до конца. И все остальные наши ребята показали максимум того, на что они способны.

Что же случилось с канадцами? По-моему, их подвело излишнее волнение. Очень хотелось им блеснуть перед миллионами своих болельщиков. Очень!

Вначале хозяева имели довольно много выгодных моментов, но никак не могли забить. А потом, когда сами пропустили несколько шайб, они совсем сникли. Я видел это впервые. Обычно профессионалы бьются до конца, независимо от того, какой счет на табло. А тогда они как по команде сдались на милость победителя, у них опустились руки. Мне было просто жаль их вратаря, которого команда оставила на растерзание нашим форвардам. Болельщики неистовствовали.

Уже дома, в Москве, меня встретила во дворе старушка соседка.

– Ой, сынок, да ты ведь Третьяк?

– Да, бабуля.

– Дай я тебя поцелую. Я ведь, когда вы играли с этими супостатами, телевизор крестила. А когда вы их одолели, даже заплакала. Это же надо, наш советский гимн где пели!

Уходя, остаюсь

В начале 1984 года я твердо решил: все, хватит, доиграю сезон и ухожу. Пора. Меня уговаривали остаться, утверждали, что я еще нужен, что до конца не исчерпал своих возможностей. Но я решил твердо.

Прежде мне никогда не хотелось расставаться с хоккеем, я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы надежно стоять в воротах, с кем бы мы ни играли – с канадскими профессионалами или командой второй лиги. Однако ведь силы не беспредельны! Мастерство осталось. И реакция моя ничуть не стала менее острой. А вот нервы поизносились. По ночам я, случалось, долго не мог заснуть, шел к доктору за каким-нибудь снадобьем. Все труднее давалась настройка на матч. На льду, стоило кому-то из соперников сыграть против меня излишне жестко, я с величайшим трудом сдерживал невесть откуда поднимавшийся гнев. «Уйди от греха», – говорил обидчику, а тот смотрел с удивлением: за многие годы все привыкли к тому, что характер у меня покладистый.

Откровенно говоря, я бы мог уйти и годом раньше, но хотелось вернуть болельщикам (да и самому себе) долг за поражение в Лейк-Плэсиде. А олимпиада бывает раз в четыре года.

За четыре года, прошедших после Лейк-Плэсида, мы ни разу не уходили со льда побежденными, трижды становились чемпионами мира, выиграли Кубок Канады, традиционные турниры на приз «Известий» – словом, удача сопутствовала нам везде. Мы ждали Олимпиаду и готовились к ней, не щадя сил. Тренеры стремились учесть все возможные обстоятельства, настраивали команду на борьбу с полной отдачей сил. Для советского хоккея эта Олимпиада должна была стать особой: или мы вернем потерянное четыре года назад звание чемпиона, или...

Мы не сомневались, что вернем. Но слишком сильное желание победить тоже, случается, идет не во благо. Оно сковывает, связывает по рукам и ногам, мешает раскрыть все истинные возможности. (Помните, как похожее состояние коварно подвело канадцев в 1981 году на льду «Форума»?)

Хочу отдать должное хозяевам Игр, которые очень хорошо подготовились к встрече гостей со всего света. Все было продумано до мелочей – и в организации быта Олимпиады, и в проведении состязаний. В Сараево царил дух праздника мира, дружбы, взаимопонимания. Именно такими и должны быть олимпиады. По-моему, все остались довольны гостеприимством югославы.

Вновь, как и восемь лет назад в Инсбруке, я был знаменосцем советской олимпийской делегации. Возможно, мне эту честь оказали потому, что больше никто из советских спортсменов, включенных в сборную-84, не участвовал в четырех играх подряд. А может быть, в этом отразилась особая психологическая установка: показать хоккеистам, как надеются на их победу. Да, медаль в отличие от лыжников, конькобежцев, фигуристов мы приносили только одну, но цена ей у болельщиков очень высока.

На хоккейном турнире в одну подгруппу со сборной СССР вошли команды Польши, Италии, Югославии, ФРГ, Швеции. Во второй подгруппе были сборные ЧССР, США, Финляндии, Канады, Австрии, Норвегии. Узнав составы подгрупп, мы дружно решили, что чехословацким хоккеистам повезло больше, так как им достались соперники посильнее и,

значит, они будут с каждой игрой наращивать свой потенциал.

В нашей сборной десять игроков впервые попали в атмосферу олимпиады. Девять были серебряными призерами Лейк-Плэсида. Только я один из всего состава вкусил уже счастье олимпийских побед (в Саппоро и Инсбруке).

Первый матч в олимпийском турнире – с командой Польши. В чемпионате мира 1976 года первый матч тоже свел нас с поляками. Некоторые молодые хоккеисты советской сборной тогда вышли на лед явно переоценив себя. И не успели мы опомниться, как четыре шайбы влетели в ворота сборной СССР. Нет, теперь мы не повторим этой ошибки.

Я занял свое привычное место в воротах, осмотрелся и, как обычно, сразу успокоился. Главное – начать.

Старт турнира не доставил нам никаких огорчений, но Тихонов был недоволен: он считал, что мало забиваем. Дело, видимо, в том, что хоккеисты подсознательно сберегали силы для решающих испытаний. Олимпийская дистанция длинная, играть здесь приходится через день, надо быть расчетливым...

Мы гадали: придется ли нам в Сараево сыграть с американцами или же турнирная судьба распорядится по-другому? Мы знали о том, что олимпийская сборная США образца 1984 года очень ответственно подошла к подготовке: она сыграла около 80 матчей, в том числе с «Крылышками» и второй сборной СССР. Видеозапись этих встреч мы изучали особенно тщательно, обратив внимание на то, что американцы играют в европейском стиле, у них хорошо поставлен пас, розыгрыш шайбы. Перед отъездом в Сараево я разговаривал с Тыжных, который выступал за вторую сборную. Саша был высокого мнения об олимпийских чемпионах:

– Технично они оснащены очень здорово. Команда с характером. Но я не сомневаюсь в том, что вы у них выиграете.

В Сараево американские туристы заранее раскупали билеты на финал, убежденные в том, что повторится ситуация четырехлетней давности, что это будет их финал. Шума вокруг сборной США перед Олимпиадой и в первые дни турнира было много. Причем этому немало способствовали сами заокеанские хоккеисты, направо и налево давая смелые интервью.

Раз так, решили мы, значит, американцы не очень-то уверены в своих силах. По-настоящему сильные никогда не станут хвастаться.

Перед своим первым матчем – с канадцами – чемпионы пошли на соперника в психологическую атаку, обвинив «кленовые листья» в том, что за них якобы выступают два бывших профессионала. И американцы добились своего: этим игрокам запретили участвовать в Олимпиаде. Но зато канадцев это привело в неопишумую ярость. Они поклялись «растерзать этих выскочек» и сдержали свое слово. Счет матча – 4:2 в пользу Канады. Следующая игра у американцев была с хоккеистами ЧССР, хорошо запомнившими крупное поражение, которое они потерпели от сборной США в Лейк-Плэсида. Эту встречу признали одной из лучших на олимпийском турнире. Американцам отступить было некуда, но и соперник силен. Мне показалось, что в физическом отношении обе команды были примерно равны, однако чехословацкие хоккеисты превосходили американцев в технике. Звено Руснака, по существу, одно обыграло олимпийских чемпионов – на его счету четыре шайбы.

Для сборной США Олимпиада закончилась матчем с норвежцами. 3:3! Настоящий конфуз.

В припадке безумного разочарования теперь уже экс-чемпионы вдребезги разбили о лед свои клюшки, а в раздевалке принялись крушить мебель.

Вот уж этого я понять не могу. Проигрывать надо достойно.

... На Олимпиаде представители всех других видов спорта уже отсоревновались, получили свою долю наград и огорчений, отпраздновали и отплакали. Только мы, хоккеисты, все еще не могли позволить себе думать ни о чем другом, кроме победы. Как это уже бывало неоднократно, главный матч свел нас со старыми знакомыми – хоккеистами Чехословакии.

Чехословацкая сборная болезненнее, чем мы, перенесла процесс смены поколений. Великие игроки 70-х годов будто унесли вместе с собой что-то очень важное из характера команды. Я отчетливо видел, что молодых чехословацких хоккеистов не устраивает «серебро», которое мы неизменно оставляли им в последние годы. Но видел я и другое: психологически они пока не готовы выигрывать у нас. Кажется, не хватает им веры в себя.

В последний день Олимпиады мы вышли на лед, зная, что наша золотая медаль, если удастся ее завоевать, позволит сборной СССР занять первое место в неофициальном общекомандном зачете. Надо было постараться.

Тихонов дал общую установку на матч. А затем отозвал меня в сторону:

– Боюсь перенастроить ребят, Владик. Собери сам команду, поговори по душам, без высоких слов.

Тренеры волновались не меньше нашего. И Тихонов, и Юрзинов оба осунулись, почернели. Матч, который нам предстояло сыграть, подводил итог их напряженному четырехлетнему труду. Правильным курсом они шли или ошибались?

И вот мы собрались без тренеров. На правах самого старшего и опытного я взял слово:

– Ребята, вся Олимпиада была интересной для зрителей, но вы знаете, как ждут наши болельщики хоккейной победы. Я вижу, что многие дебютанты очень волнуются. Это естественно. Для меня эта Олимпиада четвертая, а волнуюсь, как в первый раз. Важно, чтобы мы помогли друг другу, быстро исправляли ошибки, если они появятся.

Я всматривался в знакомые лица, думая о том, что как же трудно пришлось парням в минувшие дни! С тяжелыми травмами заканчивали турнир Макаров, Ларионов, Тюменев. Врач нашей сборной сбился с ног, восстанавливая боеспособность команды. Кстати, несколько дней спустя Борис Сапроненков в интервью корреспонденту газеты «Советский спорт» скажет: «Когда-то мне довелось работать с лыжниками. Уж в чем в чем, а в терпении им не откажешь. Но у хоккеистов терпение особого свойства. Это терпение к боли, к травмам. Иному игроку наложишь в перерыве несколько швов, и он как ни в чем не бывало вновь выходит на лед. Вот такие они – наши ребята. На тривиальные синяки и шишки они просто не обращают внимания. Считается, что если их не получил, значит, играл не в полную силу».

После нашего собрания некоторые спортивные руководители тоже изъявили желание побеседовать с командой и с каждым игроком в отдельности – так сказать, для поднятия морального духа. Но это была бы уже «накачка», а она ничего хорошего не сулит. Тихонов проявил твердость, не допустив более никаких призывов и уговоров. Как опытный психолог (а хороший тренер обязательно должен быть психологом), он по нашим лицам угадал стопроцентную внутреннюю сосредоточенность каждого игрока, настрой на полную самоотдачу. «Накачка» могла вызвать раздражение, а у молодых хоккеистов – скованность. Тарасов, помню, в таких случаях не подпускал к команде никого из посторонних, какие бы высокие посты они ни занимали. Точно так же поступил и Тихонов.

Не стану подробно описывать матч – он еще у всех в памяти. 2:0 – таков его счет. Зрелищно это была не самая интересная встреча, однако по внутреннему напряжению поединок безусловно выдающийся. В первом периоде вратарь Шиндл стоял хорошо, но все же не уберечь свои ворота от снайперского броска Кожевникова, который, кстати, был включен в олимпийскую сборную в последний момент. Во втором периоде удачным оказался кистевой бросок Крутова в дальний угол. Две ошибки защиты – два гола. А наша оборона в тот день действовала безошибочно.

До игры думали: ну, порадуемся, если победим! И вот она – победа. Мы вернули звание олимпийских чемпионов. Ликуют на трибунах наши болельщики. И нам бы радоваться. Но нет, для радости не осталось никаких сил – ни-ка-ких! Все отдано там, на льду олимпийского катка.

Только когда закончилась церемония награждения и мы оказались в автобусе, Фетисов встал: «Ура!»

И грянули мы во весь голос песню «День победы».

...Да, я твердо решил, что эта Олимпиада будет для меня последней. Вот доиграю внутренний чемпионат и все.

А ведь никаких внешних причин для ухода вроде бы не было. В Сараево я отстоял уверенно, как в лучшие годы. Наша армейская команда задолго до финиша чемпионата страны далеко оторвалась от соперников, а в итоге, потерпев за весь сезон только одно поражение, опередила спартаковцев на 28(!) очков. Меня никто не мог ни в чем упрекнуть. Со стороны все было как всегда – сезон прошел вполне благополучно.

Но я знал, что ухожу, и тренеры тоже это знали. Однако по какому-то негласному уговору темы этой мы не касались, и до самого конца сезона я играл почти во всех матчах – и за клуб, и

за сборную.

Да, все было как обычно. Я выходил на лед и защищал ворота ничуть не хуже, чем привык делать это за 15 минувших лет. И добросовестно изнурял себя на тренировках. И жил в своей комнате на нашей армейской базе в Архангельском, выполняя все требования незыблемого распорядка дня: подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, снова занятия, ужин, свободное время, отбой. Но смотрел я на эту свою жизнь уже иначе, чем прежде. Я понимал, что ничего этого скоро уже не будет, и потому каждый прожитый день имел особую цену.

Когда-то, очень-очень давно, почти мальчишкой я провожал Локтева, Александрова, потом Фирсова, Рагулина, Мишакова... Тогда мне казалось, что сам я буду играть вечно. Ветераны в моем представлении были пришельцами из другой эпохи. Брежнева я называл «дядя Володя». А теперь незаметно сам стал ветераном, самым старшим по возрасту в ЦСКА, и уже ко мне новички обращаются на «вы».

Как это странно, что многие из сегодняшних новобранцев ЦСКА никогда не видели на льду ни Фирсова, ни Рагулина, ни Мишакова...

Я ухожу потому, что очень устал. Пятнадцать лет в ЦСКА и в сборной. Без замен. Дублеры приходили и уходили. Три поколения полевых игроков сменилось. Четыре Олимпиады прошло. Все ответственные матчи с профессионалами сыграны мною. Все чемпионаты мира. Все призы «Известий»...

Сейчас можно признаться: мне было очень тяжело 15 лет оставаться первым вратарем. Это такой груз... Десять лет назад меня спросили: «Ну, а если бы все сначала – пошел бы снова в эту шахту?» Все сначала... Тогда я не знал, что ответить. А теперь?... Я не жалею об оставшихся за спиной годах – они были прекрасны, о таком можно только мечтать. Но все сначала? Нет, даже холодок по коже пошел, когда я представил себе...

Я не жалею, я сам этого хотел. Это была моя жизнь. Но в последнее время в перерывах между периодами я с трудом доплетался до раздевалки: кружилась голова, ноги становились ватными. Вы этого не видели. Вы видели, как я отбивал шайбы. Так и должно быть – ведь мы играем не для себя, а для вас.

Я прощался со старым парком в Архангельском. Ровно 16 лет назад я впервые с робостью переступил порог деревянного одноэтажного павильона, где жили тогда армейские хоккеисты (сейчас там клуб и администрация санатория).

Каждый уголок этого старинного парка мне знаком. Вот здесь, на берегу Москвы-реки, я любил сидеть с удочкой, замороженно наблюдая за поплавком. Плотва, подлещики, а в запруде карпы – рыба тут знатно клевала. Однажды с Колей Адониным удили на живца. И поверите, такой судак у меня с крючка сорвался, что в азарте я сам за ним в реку полетел!

А вот эта горка памятна другим. Здесь Тарасов проводил тренировки по атлетизму. Утопая по пояс в снегу, бегали вверх-вниз.

Сюда, в Архангельское, любили приезжать артисты, наши верные армейские болельщики. С нами много лет дружат космонавты, писатели, ученые. Перед трудными поединками армейцев напутствуют ветераны войны, легендарные герои нашей Родины.

Это тоже была часть жизни в Архангельском. И очень важная! После таких встреч хотелось трудиться еще ответственной. Неверно думать, что именитые гости только лишь расширяли наш кругозор – нет, это не так. Общение с истинно интересными, яркими людьми всегда духовно обогащает, заставляет внутренне подтягиваться, еще строже относиться к своему делу.

Но вернусь в своих воспоминаниях на те тропинки знаменитого парка, которые вновь выведут нас к старому деревянному павильону. Там – истоки. Там – все, из чего потом выросла моя биография.

Обычно все эти годы я жил в одной комнате с кем-то из вратарей. И только в последнее время эта традиция стала нарушаться. Руководство команды старалось поселить меня в одноместном номере, без соседей. Это вовсе не дань заслугам, как может показаться. Я никогда не просил для себя никаких привилегий, да и жить вдвоем веселее, чем одному. Но наш доктор решил, что так мне легче настраиваться на матчи. Доктор видел, как сдают мои нервы...

В Архангельском теперь многое изменилось. Хоккеисты живут в трехэтажном кирпичном доме, где есть и сауна, и медицинские кабинеты, и видеомагнитофон. Но традиции времен

Локтева и Фирсова остались прежними, и в этом – одна из причин стабильных успехов клуба.

Уже давно рядом не было никого из тех, с кем я начинал. Это тяжело, особенно когда выпадали часы отдыха. У молодых ребят свои интересы, свои любимые фильмы и мелодии. Меня уже не радовали ни рыбалка, ни шахматы, ни кино... Обычно коротал время в разговорах с массажистом Сергеем Чекмаревым – он ближе по возрасту. Или уходил в гости к политработнику Юрию Евгеньевичу Данилову, который когда-то помогал мне подготовиться к экзаменам в Военно-политической академии.

...Да, пора было повесить коньки на гвоздь. Пусть другие теперь пройдут этот путь по дорожкам старинного парка.

Я не верил в то, что все лучшее уже прошло. Жизнь не кончается с последним финальным свистком. Напротив... Вышневолоцкий дед, о котором я уже рассказывал, выразился однажды по этому поводу очень определенно.

– На льду, – сказал он, – ты показал себя неплохо. Не поскользнулся. Но это была игра. А теперь ты кем будешь? Политработником? Эта должность, думаю, поважнее...

...Прощай, хоккей. Рано или поздно это должно было случиться, но лучше, чтобы это произошло и не рано, и не поздно. Я ухожу со льда потому, что уже не нахожу в себе тех сил, которые положено иметь первому вратарю. А вторым я никогда не был.

Я покидаю лед с сознанием выполненного долга. И дело даже не в тех наградах, которые завоеваны. А дело в том, что все эти годы я честно и добросовестно служил своему клубу, своей сборной, нашему советскому спорту.

Я много раз был участником торжественных церемоний, когда в честь наших побед над стадионом разных стран взвивался алый стяг и звучал величавый Советский гимн. В эти минуты мы ощущали свою принадлежность к великой Советской стране, великому нашему народу, земле нашей – вот где черпали мы силы для славных побед.

Рядом всегда были друзья, и это тоже великое счастье – быть соучастником коллективных свершений.

Судьба подарила мне талантливейших наставников: все они – от А. В. Тарасова до В. В. Тихонова – оставили значительный след в моем спортивном и человеческом становлении.

Низкий поклон болельщикам, которые все эти годы тепло поддерживали меня, как бы делились со мной своей силой, верой, оптимизмом. Кто бы я был без всех вас, друзья!

...Я всматривался в свое прошлое, перебирал в памяти эпизоды ярких хоккейных поединков, вновь ощущал на губах соленый пот «невидимых миру» тренировок. Все было, и все это навсегда останется со мной.

Лед согревает сердца

22 декабря 1984 года я в последний раз вышел на лед и занял место в воротах. Это был необычный матч – прощальный. Большой хоккей провожал защитника Валерия Васильева, нападающего Александра Мальцева и меня, вратаря. Мы почти одновременно стали играть в командах высшей лиги и в сборной страны. Знали друг друга больше 15 лет. И теперь вместе расставались со льдом. Естественно, каждый из нас волновался. Все-таки это был наш последний матч! И поэтому очень хотелось сыграть на уровне, блеснуть мастерством. А соперники у нас были очень серьезные. Впервые против советских хоккеистов выступала сборная Европы, составленная из лучших мастеров национальных команд континента, участвовавших в московском международном турнире на приз «Известий».

Мы знали, что нам предстоит играть в этом матче всего десять минут чистого времени. Потом игру остановят, и состоятся официальные проводы. В воротах я не стоял уже почти полгода. И чтобы теперь быть в форме, упорно тренировался несколько дней по индивидуальному плану. Ведь, что ни говори, шайба маленькая, юркая – влетит в ворота и не заметишь. Сами понимаете, что остаться в этой последней игре «сухим», непробиваемым было для меня делом особой чести.

В раздевалке побыстрее надел хоккейную маску, чтобы товарищи по команде не видели, что я волнуюсь больше обычного. Диктор по стадиону объявил: «Ворота защищает Владислав Третьяк. В защите – Валерий Васильев. В нападении – Александр Мальцев».

И вот шайба вброшена. Волчком закрутилась она на льду. Я сразу стал спокойнее. Окончательно обрел уверенность, когда отразил приличную атаку. Как ни старались наши соперники загнать шайбу в мои ворота – не смогли.

Васильев и Мальцев в этом последнем матче тоже не уронили марку. Валерий всегда был для нас образцом хоккейной силы. Знаменитый Бобби Халл как-то признался, что когда к нему приближался Васильев, хотелось побыстрее избавиться от шайбы. А Александр? «Если бы Мальцев стал футболистом, а не хоккеистом, он, наверное, был бы знаменит не меньше „Летучего голландца“ Круиффа», – заметил однажды заслуженный тренер СССР А.И.Чернышев. В том последнем матче мы снова увидели их такими, какими знали всегда. Во второй половине десятиминутки Валерий Васильев, организовав оборону, «припечатал» к бортику настырного нападающего из сборной Европы и, отобрав у него шайбу, быстро по прямой отдал точный пас Мальцеву. Нам очень хотелось, чтобы Мальцев «взорвался», перехитрил защитника и обязательно открыл счет. Он «взорвался», перехитрил защитника. Но вместо броска по воротам неожиданно отдал шайбу Светлову, который находился в более выгодной позиции. Даже вратарь соперников не ожидал такого поворота событий. И вскоре диктор по стадиону объявил: «С подачи Валерия Васильева и Александра Мальцева счет открыл Сергей Светлов». Трибуны долго аплодировали Мальцеву. Даже в последнем матче он не изменил себе – сыграл на партнера. И эта шайба была как эстафета, которую мы передавали нашим молодым хоккеистам.

Когда десять минут истекли, известный советский арбитр В. Домбровский, для которого этот матч тоже был последним, остановил игру. Команды покинули лед, и мы втроем остались в центре площадки. Нам были вручены почетные награды ЦК ВЛКСМ, спорткомитета СССР и Спорткомитета Министерства обороны СССР, Центрального совета «Динамо», Исполкома Моссовета, Советского фонда мира, Международной федерации хоккея на льду. Нас приветствовали дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. Аксенов, трехкратный олимпийский чемпион пловец Владимир Сальников.

Потом слово предоставили мне. Я заранее подготовил речь, выучил ее наизусть. Но когда остался перед микрофоном на лужниковском льду, почувствовал, что нельзя в такой момент выступать по-заученному. И я решил говорить именно то, что переполняло мою душу, пусть это было и не так гладко.

Мы простились с хоккеем. Наш прощальный матч закончился победой советской команды над сборной Европы со счетом 7:3. Значит, есть кому продолжать боевые традиции.

Весь сбор от матча был передан в Советский фонд мира.

...Ну вот и все. Так закрылась последняя страница моей спортивной биографии. Я сижу над чистым листом бумаги. Стоит ли продолжать дальше эту книгу? Будет ли мой рассказ о жизни после хоккея интересен читателям?

Уже почти два года я не вратарь. Совсем другая жизнь. Другая? Да, ее содержание стало иным, но смысл, цель, назначение все те же: работа на благо и во славу советского спорта, воспитание высоких нравственных качеств у спортсменов.

Меня до сих пор спрашивают, не жалею ли я о том, что расстался с хоккеем, тянет ли снова на лед? Отвечаю: нет! Я ни разу не испытал желания опять надеть вратарскую маску. Пресытился хоккеем? Может быть. Я и сейчас не научился отдыхать, глядя на игру. Переживаю за ход поединка не только как болельщик. После таких «болений» чувствую знакомую усталость в мышцах, будто сам играл. Сожаление возникает лишь тогда, когда нет удовлетворения от сделанной работы.

Недавно на одной встрече меня спросили:

– Сколько у вас спортивных наград?

– Около сотни, – ответил я.

– А точнее? – не унимался дотошный болельщик. Пришлось признаться, что точной цифры я не знаю. Не вел наградам бухгалтерский подсчет. Воспринимал их, так сказать, как одну огромную медаль. Но все-таки вопрос этот запал в душу. Возвратился домой – любопытство разгорелось. Дай, думаю, подсчитаю. Но считать медали оказалось куда труднее, чем рыбу после успешной рыбалки. Что ни награда, то волна воспоминаний. Чуть ли не половину выходного дня просидел над медалями. Так и не подсчитал... Говорят, что хоккей –

это целая жизнь. Согласен. Но жизнь многообразнее, интереснее и тяжелее моей любимой игры. Острое, незабываемое чувство: когда ушел со льда, неожиданно понял, как сильно истосковался по обычным человеческим радостям. Думал, теперь будет много свободного времени. Смогу заниматься тем, что мне нравится, в чем я себе отказывал ради хоккея. Больше бывать дома, воспитывать детей, ходить в театр, кино, на рыбалку... Ведь раньше часто приходилось отлучаться из дома. О рождении дочери узнал во время турне по Америке. Помню, когда приходил домой и спрашивал сына: «Где твой папа?» – он вел меня к телевизору или к моей фотографии. Почему он не любит хоккей? Может быть, в раннем детстве ему не хватало отцовского внимания, и он невзлюбил то, что мешало нам чаще бывать вместе? И хотя Дима на нашем родительском настоянию все же занимается баскетболом, особого интереса к этой игре я, к сожалению, у него не замечаю. Да и характер у него слишком мягкий, покладистый, не приспособленный к жесткой спортивной борьбе. А вот из Иришки спортсменка могла бы получиться хорошая. Настойчивая, боевая девчонка. Но так вышло, что она стала заниматься в подготовительной группе Московского хореографического училища. Может, когда-нибудь станет балериной. Во всяком случае, уже сейчас, в 9 лет, балет она смотрит с огромным удовольствием. Кстати, я тоже стал настоящим балетоманом. За последние полтора года мы с женой посмотрели чуть ли не весь репертуар Большого театра.

И все же времени по-прежнему не хватает. Вихрь новых дел закружил меня на земле еще сильнее, чем на льду.

Уже летом 1984 года Виктор Васильевич Тихонов попросил меня помочь подготовить к очередному Кубку Канады вратарей сборной СССР. Я с радостью согласился, потому что считал: с моей стороны было бы в высшей степени эгоистично, удалившись с арены, похоронить в себе опыт и знания, накопленные за многие годы.

Старался научить ребят всему, что делал сам, передать им все свои секреты, все упражнения и приемы. Рассказывал, к примеру, как по глазам нападающего угадать, что он сделает в следующую секунду. Делился тонкостями психологической подготовки. Говорил об интуиции, без которой вратарь не может рассчитывать на успех. Ребята тренировались охотно и быстро усваивали мои уроки. Я потом очень радовался за Володю Мышкина, признанного лучшим голкипером Кубка Канады.

Потом Тихонов еще не раз обращался ко мне с подобными просьбами. И я всегда был рад помочь родной команде.

Как-то на одну из таких тренировок заглянул мой знакомый. Посмотрел и сказал:

– Здорово получается. А почему бы тебе серьезно не заняться тренерской работой?

Среди любителей спорта нередко бытует такое мнение: вчерашний чемпион непременно завтра станет хорошим тренером. Увы, жизнь доказывает, что это далеко не так. Мало кто из известных спортсменов вырос в известного тренера. Я не хочу, чтобы, глядя на меня, болельщики с сожалением вздыхали: «Каким он был хорошим вратарем, а каким плохим педагогом стал...» Согласитесь, именно так чаще всего в жизни и бывает.

Как-то в одном из учебных пособий я прочитал высказывание М. И. Калинина, которое мне показалось очень актуальным: «Спорт – хорошее дело, он укрепляет человека, но спорт – это подсобная вещь, и превращать его в самоцель, в голое рекордсменство не годится... Спорт надо подчинять общим задачам коммунистического воспитания. Мы ведь развиваем и готовим не узких спортсменов, а граждан советского строительства, у которых должны быть не только крепкие руки, хороший пищеварительный аппарат, но в первую очередь очень широкий политический кругозор и организаторские способности». Замечательные слова!

Как только я оставил лед, мне почти сразу предложили работу в политотделе ЦСКА. Согласился без раздумий. Сначала исполнял обязанности старшего инструктора по международным связям, затем был назначен замполитом отдела спортивных игр. Оба поста, может, и невелики в масштабах нашего армейского спорта, но, могу вас заверить, очень ответственные.

Первое время я по двенадцать часов крутился, помогая обеспечить проведение международных соревнований. Пусть это и не отвечало профилю моей «академической» подготовки политработника, но грех было жаловаться: многочисленные и разнообразные обязанности старшего инструктора по международным связям позволяли глубоко вникнуть в

спортивно-организационные проблемы, овладеть обширным кругом практических навыков, без которых мне впоследствии пришлось бы очень туго. Тогда же решил всерьез заняться английским языком, по вечерам мчался к преподавателю; исправно зубрил новые слова и правила. Сколько раз во время зарубежных поездок я жалел о том, что не знаю языка! А почему раньше не учил? Тут не лень. Углубление в чужой язык требует концентрации внимания, я же тогда был целиком сосредоточен на хоккее, он отнимал все силы без остатка.

Спустя несколько месяцев мои обязанности стали несколько другими. Замполит отдела спортивных игр несет ответственность за всю политико-воспитательную работу среди спортсменов-игровиков. А эти виды спорта, как говорится, на виду. Один футбол чего стоит... В 1984 году армейские футболисты были вынуждены покинуть высшую лигу. Не сумели поправить положение и в следующем сезоне. Таков был итог кризиса, в котором длительное время пребывала команда. Теперь дело надо исправлять.

В апреле 1985 года я был командирован на юг, где футболисты завершали свою подготовку к сезону. Мне хотелось пожить вместе с ребятами, увидеть их вблизи, почувствовать сильные и слабые стороны команды. Точнее сказать, это пока была еще не команда в том значении, в котором я привык воспринимать родной хоккейный коллектив – с его многолетними традициями, преемственностью поколений, трепетным отношением каждого игрока к чести армейского клуба. Большинство футболистов в том сезоне впервые надели майки с эмблемой ЦСКА, они пришли к нам из многих городов. Теперь этим, таким разным парням предстояло сплотиться в коллектив, который должен возродить былую славу армейского футбола. Общим у них было пока только одно – молодость (средний возраст команды – 22 года), да и мастерством, пожалуй, каждый не обделен. Но будь хоть все они мастерами под стать Пеле, игра в команде не пойдет, если в ней не сложится настоящий коллектив.

Вера нужна: игроков – друг в друга, тренеров – в игроков, а всей команды – в большую цель. Без веры как без души.

Тогда, на юге, я и пытался как мог разжечь огонек этой веры. Конечно, больше всего рассказывал ребятам о хоккейных традициях. Об уроках Тарасова, о наших комсомольских собраниях перед главными испытаниями, о стенгазете, встречах с болельщиками, дружбе нашей, умении терпеть боль и биться до последнего. Я видел: особое впечатление на футболистов производят рассказы о мужестве моих товарищей. Когда я вспоминал о том, как, бывало, ребята сражались на льду с тяжелыми травмами – с переломами, ушибами, разрывами связок, как после некоторых матчей сразу по нескольку человек в госпиталь увозили, порой недоверие читал в глазах у своих слушателей: дескать, не может такого быть. Но это было! И если молодые армейские футболисты не только поверят мне, но и сделают соответствующие выводы лично для себя, тогда и им станут рукоплескать трибуны.

В 1985 году ЦСКА, считаю, успешно отыграл в первой лиге – занял второе место. А вот в переходном турнире армейцы выступили неудачно. Им бы еще один сезон в таком составе поиграть...

Сезон 1984/85 года трудно сложился и для хоккейной команды ЦСКА. Из-за травмы не выступал Фетисов. Травмы преследовали Дроздецкого, Васильева, Зубкова, Герасимова, Бабинова. С другой стороны, у армейцев появился весьма грозный соперник в лице столичных динамовцев, которых стал тренировать наш бывший наставник Ю. Моисеев. Юрий Иванович первым делом подтянул там дисциплину, вселил уверенность в игроков, сумел разжечь их самолюбие. Моисеев прошел школу Тарасова и Тихонова, для него в хоккее нет тайн, а своих новых питомцев он нацеливал только на первое место.

Борьба между ЦСКА и «Динамо» получилась интригующей. Динамовцы лидировали все время и были как никогда близки к золотым наградам первенства СССР. Но на финише их не хватило. Все же потенциал у нас повыше. ЦСКА свел с ними вничью (2:2) предпоследний матч, а через два дня буквально разгромил динамовцев – 11:1. Я по-человечески очень сочувствовал Мышкину: он стабильно отыграл весь сезон – и вот такой финал... Свои игроки оставили его прямо-таки на растерзание армейцам. Для вратаря такой счет может обернуться тяжелой психологической травмой.

Решающий поединок состоялся в Киеве. Для того чтобы стать чемпионами СССР,

армейцы должны были обязательно победить местный «Сокол». Я был с командой и видел, как все волнуются. Длинная дистанция чемпионата осталась позади. Только один матч... И этот матч все решает. Давненько ЦСКА не оказывался в такой острой ситуации на финише первенства СССР.

После первого периода армейцы проигрывали со счетом 1: 3. Но потом заиграли по-чемпионски – в тот хоккей, которым всегда славился наш клуб: вихревой, комбинационный, смелый... После матча моих товарищей фотографировали на площадке как чемпионов Советского Союза. Впервые за много лет без меня.

В следующем сезоне армейцы извлекли уроки из соперничества с московским «Динамо», улучшили подготовку и сразу возглавили турнирную таблицу. За шесть туров до конца чемпионата они выиграли его. И тут в некоторых газетах и журналах стали появляться публикации, упрекающие армейцев в том, что они... хорошо играют. Будто бы все беды нашего хоккея происходят от ЦСКА. Якобы армейские тренеры обескровили другие команды и поэтому с чемпионом никто на равных соревноваться не может.

Я категорически не согласен с таким мнением. Во-первых, воспитанники армейского хоккея сейчас играют во многих других клубах страны – их десятки, если не сотни. Во-вторых, не только ЦСКА, но и все другие столичные команды давно приглашают к себе иногородних хоккеистов. Но, как ни странно, публично обвиняют в этом только ЦСКА. Давайте посмотрим на проблему по-другому: а смогли бы стать звездами многие сегодняшние армейские хоккеисты, останься они в своих прежних командах? Я убежден: нет! Армейская школа – это своего рода академия нашего хоккея. Нет ничего удивительного в том, что сюда хотят попасть многие хоккеисты из других клубов. И потом, кто мешает создать такую же академию динамовцам, спартаковцам?...

Как политработник, я контролирую и корректирую планы воспитательной работы в командах. Свою задачу вижу в том, чтобы физическое воспитание сделать составной частью воспитания коммунистического, цель которого – формирование нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Помню, с каким оживлением в наших командах обсуждались статьи, посвященные борьбе с пьянством и алкоголизмом. Очень актуальный и болезненный вопрос для всех нас, в том числе и для спортсменов. Скольких подающих надежды сгубил «зеленый змий»... Горько вспоминать...

Сразу после создания Всесоюзного добровольного общества трезвости я был избран от спортсменов страны членом правления этого общества.

Но если алкоголизм наш явный враг, то есть пороки, которые распознать в человеке не так-то легко. Прежде всего это тщеславие, меркантильность, эгоцентризм. Один знакомый журналист рассказал мне такой случай. Он поехал встречать в аэропорту наших стрелков, выигравших мировое первенство. В командном зачете ребята выступили хорошо, а вот в личном одного из лидеров нашей команды постигла неудача. Журналист выразил ему сожаление по поводу осечки. Заметил: очень жаль, что он возвратился домой без награды.

– Без награды? – самодовольно и вызывающе возразил стрелок и указал на ящик с японской радиоаппаратурой. – Вот моя главная награда.

Стыдно становится за таких людей, дельцов от спорта. Благороднейшее из занятий они сделали предметом наживы.

Очень ответственна моя профессия – политработник армейского спортклуба. Спортсмены, по сути дела, находятся на самом переднем крае идеологической борьбы двух социальных систем. Наши атлеты постоянно должны доказывать, что они не только самые сильные и умелые, но – и это главное – что за ними стоит сила коммунистических идеалов, всепобеждающая правда нашей советской морали.

Недавно партийная организация нашего армейского клуба доверила мне очень важное и ответственное поручение: готовить достойных к приему в ряды Коммунистической партии. Стараюсь основательно поговорить с каждым человеком, написавшим заявление о приеме в партию. Хочу понять, какие действительные причины побудили спортсмена сделать этот важнейший шаг в жизни, сможет ли он достойно представлять нашу партию коммунистов.

Как-то один из моих знакомых, с которым мы некоторое время играли в одной команде,

спросил не без удивления:

– Скажи, Владик, какое удовольствие ты находишь от встреч с болельщиками? Никогда не отказываешься от выступлений. А ведь к каждому из них надо готовиться. Лишние волнения...

Я тогда ему ответил и сейчас повторю, что в этом случае в счет идет не личное удовольствие, а чувство долга перед страной, перед любителями хоккея. Ведь они верят в нас, равняются на спортсменов, своим самоотверженным трудом создают прекрасные условия для наших тренировок и соревнований.

Это наш гражданский долг, если хотите. И я стремлюсь выполнять его как можно лучше.

Я бережно отношусь к запискам, которые приходят из зала. Ответив на них, приношу домой, анализирую – это помогает изучать интересы аудитории и соответственно корректировать свои выступления. Труднее всего выступать перед детьми. Им я обычно рассказываю, как пришел в хоккей, как тренировался, какие интересные истории случались со мной на льду. Специально не говорю о том, как учился. Обязательно жду вопроса. И он приходит всегда, причем не один, а несколько подобных. Тогда я подробно рассказываю о том, что учился хорошо, иначе отец никогда не пустил бы меня на тренировку. Однажды под конец встречи кто-то из мальчишек мне такую записку прислал: «А я думал, настоящие хоккеисты только из хулиганов получаются, и не записался в хоккейную секцию, потому что драться не люблю. Теперь запишусь и буду играть, как вы».

И еще об одной стороне моей послехоккейной жизни надо обязательно рассказать. Впрочем, почему послехоккейной? Речь идет о работе, направленной на укрепление мира и взаимопонимание между народами, – разве все прежние годы не были посвящены этому? Хоккейный лед сближает людей, это теплый лед.

...Международный аэропорт Шереметьево-2. Я сижу в мягком удобном кресле в зале вылетов и прислушиваюсь к объявлениям по радио. Приземляются самолеты различных авиакомпаний мира – из Праги, Вены, Монреаля, Франкфурта-на-Майне, Стокгольма... Я даже удивляюсь, как много на нашей планете городов, с которыми у меня связаны хоккейные воспоминания. Но предаваться воспоминаниям пет времени. Через десять-пятнадцать минут начнется посадка и на мой рейс – в Цюрих.

– Мистер Третьяк? – Я отрываю взгляд от газеты и вижу перед собой двух немолодых людей: мужчину и женщину, которые приветливо улыбаются мне. – Здравствуйте, Владислав!

Я привык к тому, что меня узнают незнакомые люди, здороваются со мной. Поднимаюсь с кресла и тоже приветливо пожимаю руки мужчине и женщине. Судя по акценту, они иностранцы, и скорее всего канадцы или американцы.

– Вы, конечно, нас не помните, Владислав, – говорит мужчина. – Мы брали у вас автограф в Ванкувере после матча с лучшими звездами НХЛ в 1972 году. Игра сборной СССР нас тогда потрясла. Мы любим хоккей и поэтому решили с женой изучать русский язык. Мечтаем лучше знать вашу страну, ваш хоккей. Вот прилетели в Москву по туристической путевке. А как выживаете? Где ваша маска, клюшка?

– Я не буду больше играть. Ушел со льда.

– Да-да, мы слышали. Канадские газеты сообщали об этом печальном факте. Мы знаем также, что вас приглашали играть в НХЛ. Обещали заплатить несколько миллионов долларов. Вы отказались?

...Тут надо, по-видимому, объяснить, откуда взялись слухи о моем возможном контракте с «Монреаль канадиенс». Эта тема почти два года не сходила со страниц канадских газет. Дошло даже до того, что однажды за океаном меня спросили, в какой команде НХЛ я бы захотел играть, если бы мне вдруг представилась такая возможность. Вопрос был чисто гипотетическим, поэтому я и ответил, не придавая этому серьезного значения: «В „Монреаль канадиенс“». А дальше случилось вот что. Видимо, журналист, бравший у меня интервью, оказался, мягко говоря, недобросовестным человеком, и в газетах появилась следующая «сенсационная новость»: «Владислав Третьяк после окончания своей хоккейной карьеры мечтает играть в Монреале». Сами понимаете, что ничего подобного я и в мыслях не держал! Канадцам был заявлен протест. Но где там!... Пресса закусила удила. И вот что удивительно: газетчикам поверило руководство монреальского клуба. Серж Савар уже потирал руки и говорил о сделке как о чем-то вполне решенном.

Газета «Торонто стар» 17 января 1984 года предостерегала директора «Канадиенс» от чрезмерного оптимизма, однако сам Савар заявлял корреспонденту: «Мой опыт участия в скачках научил меня тому, что нет шансов выиграть, если вы в них не участвуете». Более того, в июне 1983 года, во время набора в клубы НХЛ игроков-любителей, Савар включил мою фамилию в список «Монреаль канадиенс» – это было сделано, чтобы опередить возможных конкурентов из других клубов. В общем, делили шкуру неубитого медведя.

А я и в мыслях не держал играть за НХЛ. Не пристало мне, офицеру, советскому человеку, носить форму профессионального североамериканского клуба.

Еще какое-то время продолжалась эта шумиха, до меня доходили слухи о том, что предполагаемый гонорар достиг таких сумм, каких никогда не сулили ни одному профессиональному хоккеисту. Потом поняли, что дело это безнадежное...

И вот где аукнулась та история – в московском аэропорту, при встрече с болельщиками.

– У меня другие планы и заботы. Я – член комиссии спортсменов Международного олимпийского комитета и сейчас вылетаю в Швейцарию для участия в очередной сессии МОК.

– Счастливого пути! Мы тоже за мир и дружбу, – говорят мне новые знакомые и берут на прощание автограф.

Приятная все-таки встреча! Вроде ничего особенного мы не сказали друг другу. Но почему-то тепло, очень тепло стало у меня на душе. Раньше, когда играл в хоккей, знал, что наша игра помогает укреплению дружбы между народами, но по-новому посмотрел на это сейчас, став членом комиссии МОК.

В 1981 году мне впервые пришлось выступать перед видными деятелями Международного олимпийского движения – участниками XI олимпийского конгресса в Баден-Бадене.

Я говорил о том, как важно сохранять олимпийские традиции, беречь атмосферу праздника дружбы, позволяющую людям встречаться друг с другом, обмениваться взглядами, обсуждать общие проблемы.

Я был начинающим игроком, когда наши спортсмены открывали хоккейную Америку. И могу сказать, как недружелюбно, иронично воспринимали сначала наших хоккеистов за океаном. Ненависть к нашему социальному строю жителям капиталистических стран внушается еще с младенчества. Мне запомнился глупый мультфильм, который я смотрел по американскому телевидению. Представьте себе небольшой земной шар, по которому через горы и океаны из дикой России бежит страшный бешеный медведь. На лбу у него горят серп и молот, а в лапах – атомные бомбы и ракеты. Чтобы спастись от такого зверя, нужно вооружиться и убить его.

Вспоминаю и одну из первых встреч с любителями хоккея в Северной Америке. Однажды на улице Монреаля ко мне подошли двое канадских граждан и спросили:

– О вашей стране ходит много разных слухов. Говорят, будто вы организуете международный терроризм, провоцируете западный мир на войну и агрессию. Вы – первый советский человек, которого мы встречаем. Скажите, пожалуйста, есть ли правда в этих слухах?

Что ответить на такой вопрос людям, которые раньше не слышали о нашей стране ничего хорошего? Я улыбнулся и, в свою очередь, спросил:

– Как вы думаете, я похож на террориста?

– Вы не похожи, – смутившись, ответили канадцы.

– Ну вот. Если бы видели других моих соотечественников, остались бы того же мнения. А за войну сейчас могут ратовать только безумцы.

Этот разговор длился не более двух минут. Но запомнился, наверное, канадским парням надолго.

Еще одно наблюдение. После первой игры профессионалы отказались пожимать нам руки. В клубах НХЛ, даже в товарищеских матчах, рукопожатия, видите ли, были не приняты. Теперь, под влиянием наших хоккеистов, у профессионалов тоже появилась традиция доброго отношения друг к другу независимо от результата игры.

Как вы помните, первая серия матчей 1972 года между сборной СССР и лучшими звездами НХЛ состояла из восьми игр. Половина из них проходила в Канаде другая половина – в Москве. Я уже говорил, что канадский вратарь Кен Драйден выпустил за океаном книгу своих

впечатлений о тех встречах. Записки Драйдена в основном посвящены перипетиям самой игры. Но когда Драйден описывает московские матчи, в его рассказ органично вплетаются впечатления от прогулок по нашей столице. Канадский вратарь подробно рассказывает о посещении Красной площади, Кремля, Ленинских гор, Большого театра. Он невольно восхищается красотами огромного современного города, перед поездкой в который им рассказывали столько небывлиц. «Наш номер в „Интуристе“ оказался вполне приличным. Всей команде тут же предложили поужинать в отведенном для нас зале на втором этаже. К нашему удивлению, подали отличный бифштекс...»

Прогуливаясь по Москве менаду играми и тренировками, Драйден делает одно приятное открытие за другим. Оказывается, у русских есть магазин (ГУМ), который можно назвать одним из самых крупных торговых центров в мире. «Мы увидели огромную Царь-пушку, – пишет автор и тут же добавляет: – Слишком большую, чтобы из нее можно было палить». Как вы думаете, будут ли верить канадские болельщики, прочитав эту книгу, идиотским мультфильмам о диких медведях из России? Думаю, что нет. А ведь хоккеем в Канаде интересуются почти все жители, многие из которых наверняка прочитали честную книгу своего голкипера.

Гостеприимная Москва в тот год заставила канадских профессионалов – я уже не говорю о болельщиках – по-иному взглянуть и на свой хоккей. В чемпионате НХЛ грубость считалась чуть ли не главным достоинством игроков. Драйден же рассказывает о грязной игре канадцев на московском льду с чувством некоторой вины. И добавляет в конце книги, что тренерская установка на такую игру была ошибочной.

А помните, как почтительно замирали трибуны, когда перед матчами в Канаде известные певцы на русском языке исполняли Гимн Советского Союза? После встреч полицейские с трудом сдерживали натиск желающих получить автограф, пожать руку кому-нибудь из наших спортсменов. «Трудно победить сильную команду, но еще труднее завоевать при этом симпатии ее болельщиков», – писала по поводу нашей победы одна филадельфийская газета.

Перед отелями, где мы жили, всегда дежурило по несколько десятков любителей хоккея. К нам подходили на улице, в самолетах, поздравляли с победами, утешали после поражений, благодарили за хорошую игру, желали новых успехов. Однажды руководители НХЛ попросили нашу команду провести открытую тренировку в монреальском «Форуме». Зал заполнился почти до отказа. Пришли 12 тысяч человек. И мы тренировались под их аплодисменты. Причем перед занятием каждого из нас представляли, как на игре. А после тренировки мы разошлись по площадке и еще около часа раздавали желающим автографы.

Мне запомнился любопытный случай в Калгари. Почти вся команда уже собралась в автобусе, но в этот момент к старшему тренеру нашей сборной Тихонову подбежала женщина с двумя маленькими ребятишками и принялась объяснять, что ей нужен Третьяк. Пусть он пожмет руку детям, чтобы они росли такими же талантливыми. Я вышел из автобуса и взял мальчишек на руки. Рядом оказался фотокорреспондент крупной газеты. На следующий день в ней был помещен огромный снимок с надписью: «Дети в надежных руках».

Могу вас заверить, что очень многие канадские болельщики уважают советскую сборную, наш хоккей. Лучший пример проявления добрых чувств – это, конечно, история с Кубком Канады. Как вы помните, в 1981 году в финальном матче сборная СССР буквально нокаутировала хозяев площадки – 8:1. Сразу после этой игры нам вручили главный приз соревнований – кубок в форме разрезанного пополам кленового листа. Кубок был сделан из чистого никеля и весил 49 килограммов. Мы унесли приз со льда в раздевалку и стали обсуждать, как лучше доставить его в Москву, чтобы показать нашим болельщикам.

Вдруг к нам приходит один из руководителей НХЛ, Аллан Иглссон, и заявляет, что кубок должен остаться в Канаде, в Музее хоккейной славы.

– Почему? – удивились мы. – Ведь все переходящие призы должны находиться у команды-победительницы до следующего розыгрыша.

Но аргументов наших слушать никто не стал. Выход из раздевалки нам уже преграждали дюжие полицейские. Пришлось отдать приз не очень-то гостеприимным хозяевам.

Не успели мы возвратиться домой, как из Канады пришла приятная весть. Некто Джордж Смит, канадский бизнесмен, который сейчас хорошо известен всем любителям хоккея,

обратился через газету к болельщикам Канады с призывом сделать для советской команды точно такой же кубок. Для этого он попросил всех желающих прислать не больше доллара. Денег было собрано почти на два кубка Канады. И вскоре этот приз навечно был вручен победителям – сборной СССР. Журналисты справедливо назвали его Кубком канадцев. Замечу, что эта награда дорога нам вдвойне. Во-первых, потому, что мы завоевали ее в честной борьбе, а во-вторых, потому, что кубок подарили нам тысячи канадских болельщиков. Искренне, от чистого сердца.

Кстати, с тех пор Снеговик – организатор международного хоккейного турнира на приз «Известий» – каждый год приглашает Джорджа Смита и его семью на свои соревнования. Смит с радостью принимает приглашения. И всегда привозит с собой сотни теплых писем от канадских болельщиков, которые желают всего наилучшего советским любителям хоккея. Такая переписка тоже укрепляет дружбу. В 1982 году тот же Джордж Смит организовал поездку в Москву ветеранов канадского хоккея, которые встретились с нашими хоккейными асами прошлых лет.

– Я бы с удовольствием привез на этот турнир и лучших наших профессионалов, однако я не так богат, как НХЛ, которая в погоне за сверхприбылями не желает нарушить календарь игр и послать в Москву настоящую команду, – сказал как-то Смит в одном из своих интервью.

Болельщики меня часто спрашивают: «А есть ли у вас друзья среди зарубежных хоккеистов?» «Конечно, есть», – отвечаю. Называю чехословацких вратарей, игроков сборных Швеции и Финляндии. Во время турниров мы, случается, бываем в гостях друг у друга, а то и вместе проводим свободное время. И со многими из канадских профессионалов мы нашли общий язык – об этом я упоминал уже. С Бобби Кларком, Бобби Халлом, Уэйном Гретцки...

Лучший бомбардир НХЛ последних лет Гретцки чем-то напоминает нашего Игоря Ларионова. Худенький, подвижный, совершенно не похожий на профессионального ледового гладиатора. Почти каждый год он обновляет список рекордов НХЛ. И знаете, почему ему это удается? Он играет в наш хоккей – творческий, комбинационный, богатый неожиданностями. Его любимый нападающий – Валерий Харламов. Он считает, что выучился хоккею, глядя на Харламова и Якушева.

В 1982 году Уэйн впервые приехал в Москву – сниматься в документально-художественном фильме о хоккее. Вместе с Уэйном в нашу столицу прибыла вся его семья: мать, отец, который работает хоккейным тренером, три младших брата, невеста и даже мама невесты. И конечно же съемочная группа. Фильм, который они задумали снять, назывался «Чемпионы». В нем хотели показать теплые, дружеские отношения между лучшим форвардом НХЛ и лучшим советским вратарем.

Можно сказать, что Гретцки приехал в Москву с дипломатической миссией: у него было письмо от премьер-министра Канады Трюдо с просьбой оказать поддержку в создании фильма. В письме подчеркивалось, что этот фильм будет укреплять дружбу между Канадой и Советским Союзом. И мы старались помочь ему, чем могли.

Уэйну хотелось побольше узнать о нашей стране. И обязательно показать в фильме все красоты Москвы и памятные места, дорогие сердцу каждого советского человека. Мы возлагали венки к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, к Мавзолею Владимира Ильича Ленина. Знакомились с достопримечательностями Кремля, были в Большом театре, где смотрели балет «Спартак». Потом поговорили с артистами. А какую теплую встречу устроили нам в цирке! Нас даже пригласили на арену во время представления.

Дальше по сценарию было знакомство с московским метро, которое по праву считается одним из лучших в мире. Сначала Уэйн почему-то испугался метро. Прямо как ребенок. Но потом чуть осмелел. Кинооператоры сняли станцию метро «Маяковская». Я говорю Уэйну:

– Давай проедем на поезде. Я покажу тебе другие красивые станции – настоящие произведения искусства.

Но Гретцки категорически отказался. Может быть, сработал стереотип: ведь в Северной Америке метро считается одним из самых опасных мест – там орудуют шайки убийц, грабителей и насильников.

Мы были в Лужниках, в спорткомплексе «Олимпийский» на проспекте Мира, в Олимпийской деревне, на велотреке в Крылатском. Велотрек особенно понравился Уэйну. В

фильм вошло много кадров, где мы с ним – на велосипедах.

Однако прежде всего это был фильм о хоккеистах. Гретцки захотелось побывать на московском льду. Я предложил провести показательную тренировку с нашими мальчишками. Уэйн и его братья тут же выразили желание в ней тоже участвовать. Любопытный момент: у Гретцки на льду никак не получался кувырок через голову, а вот наши мальчишки делали его без особых усилий. Я показал, как тренируюсь сам, объяснил, зачем делаю то или иное упражнение.

Затем тренировку проводил отец Уэйна. Когда-то он работал почтальоном. Самостоятельно изучил методику хоккея по книге А. В. Тарасова. Сначала сам тренировал Уэйна, теперь занимается с младшими сыновьями.

Вечером мы все вместе поехали ко мне домой. Встречали гостей по русскому обычаю – хлебом-солью. Разговор о книгах и картинах Гретцки не заинтересовал. Он как-то безразлично оглядел библиотеку, которой я горжусь. Кстати, ранее он отказался от предложения посетить Третьяковскую галерею. Гретцки оживился лишь тогда, когда увидел мои награды. Бережно взял в руки орден Ленина и попросил оператора обязательно снять этот момент. Я показал ему другой свой орден – Дружбы народов. И заметил, что если он чаще будет приезжать к нам в Москву, рассказывать правду о нашей стране и вести борьбу за мир, то он тоже может заслужить такую награду. Гретцки улыбнулся и сказал, что постарается.

Младшие братья Уэйна так сдружились с моими детьми, что, когда пришла пора расставаться, ребята даже заплакали. Жаль, что оператор не снял эту сцену прощания.

Вскоре фильм «Чемпионы» вышел на экраны Северной Америки и имел большой успех. Конечно, многое из отснятого не попало в фильм. И все же, я думаю, он должен был получиться удачным. Потому что в нем была передана атмосфера дружбы, теплоты и доверия, которая сопутствовала нашей встрече. После возвращения из Москвы Гретцки устроил несколько пресс-конференций, на которых очень хорошо отозвался о наших хоккеистах и Советской стране. Вскоре Гретцки был признан «лучшим спортсменом года» в США и Канаде.

Да, спорт способен сближать народы.

Вспоминаю нашу встречу в Филадельфии с местной командой «Флайерс» во время турне по Северной Америке в 1979 году. Мы знали, что этот город – один из основных центров международного сионизма. Здесь особенно враждебно относятся к советским людям. Организаторы соревнований, чтобы избежать инцидентов, выделили сборной СССР в Филадельфии дополнительную охрану. Нас предупредили: выходить на улицы города в любое время дня небезопасно. Едва мы поужинали и поднялись в свои гостиничные номера, как наши охранники – сотрудники ФБР – сразу же блокировали все входы и выходы на нашем этаже. Незадолго до начала матча нам по телефону позвонил какой-то «доброжелатель» и предупредил: «На игру не выходите, раздевалка сборной СССР заминирована».

Полиция попросила нас подождать, пока они не проверят, так ли это. Искали мину. Ничего не найдя, разрешили готовиться к матчу, но оставили для охраны несколько вооруженных снайперов. Сейчас эта история кажется дешевым маскарадом, а тогда она здорово потрепала нам нервы. Однако вывести нас из равновесия хозяевам так и не удалось.

Вышли на хоккейную площадку, и я сразу понял: зал не просто будет болеть против нас – он будет нас ненавидеть. Мы играли, стараясь не обращать внимания на реакцию трибун. Играли четко, грамотно и по возможности красиво. И заслуженно победили. Вы не поверите – болельщики Филадельфии, которые перед началом матча готовы были разорвать нас на части, после игры провожали советских хоккеистов аплодисментами. На следующий день местная газетка не без злой иронии писала, что за 60 минут русские смогли сагитировать и переубедить несколько тысяч жителей Филадельфии.

Нашим спортсменам во время поездок за рубеж часто приходится чуть ли не пресс-конференции проводить для местных журналистов. Вопросы задают отнюдь не самые безобидные. Вот, например, один из них: «Скажите, а правда, что участие ваших представителей в спортивных федерациях ставит своей целью проникновение коммунистической идеологии в эти федерации?» Смешно? Но отвечать-то надо. Наш ответ звучал примерно так:

– Вряд ли международные спортивные федерации, избирая советских представителей

своими президентами, вице-президентами, руководителями различных комиссий, комитетов или просто членами, допускали, что под их влиянием он станут «красными». Можете не сомневаться, что на заседаниях исполкома Международной федерации гимнастики ее президент Юрий Титов не проповедует идеи марксизма, а ставит на обсуждение исключительно вопросы, касающиеся сегодняшнего дня и перспектив развития спортивной гимнастики в мире. А если советские представители в МСФ борются, за чистоту олимпийских идеалов, выступают, например, за изгнание из международного спорта расистов ЮАР, исключенных из олимпийского движения, то в этом с ними солидарны все прогрессивные силы мира.

Как всполошились в США средства массовой информации, когда узнали о первом турне советских хоккеистов в Северную Америку! Писали, что вместе с хоккеем мы якобы завезем к ним в страну коммунистическую идеологию, будем убеждать их в преимуществах нашего образа жизни. Хочу сказать, что идеологических диверсий мы не ведем. Что касается пропаганды нашего образа жизни, то мы, естественно, рассказываем правду о нашей стране, правду, которая, к сожалению, кому-то на Западе колет глаза. Величие личности советского спортсмена как раз в том, что его слава, его успех – это успех его команды, его сограждан, чаяния которых он не обманул. Как-то в одном из сборников, посвященных советским олимпийцам, я прочитал такие замечательные слова о нас, спортсменах: «...успехи большого спорта говорят прежде всего о моральном и материальном благополучии страны, а также о высоком культурном уровне населения, о массовости развития спорта, о мощном развитии наук о человеке. Наш советский спортсмен – полномочный представитель великой Родины, и по его успехам тоже судит мир о нас!»

Последние годы моей хоккейной карьеры совпали с резким ухудшением советско-американских отношений. По вине администрации США были свернуты или сведены до минимума экономические, торговые, культурные и спортивные контакты. Наши хоккеисты были в числе немногих представителей Советского Союза, которые постоянно все это время поддерживали связь с американскими коллегами. И я рад, что этот маленький огонек добрых отношений двух великих народов – советского и американского – не погас.

Помню, как когда-то в Канаде после серии матчей сборной клубов СССР с клубами НХЛ на праздничном вечере, организованном в честь нашей победы, один из канадцев сказал: «Лед на хоккейной площадке необычный. Он согревает сердца людей». Хочу добавить: «Он помогает понимать друг друга».

...Я завершал работу над этой книгой в те дни, когда в стране проходил XXVII съезд КПСС. Как и все советские люди, по утрам я с нетерпением раскрывал свежие газеты. Съезд заставил всех нас пересмотреть с самых требовательных позиций все наше отношение к жизни.

Чтобы социально-экономическое ускорение стало реальностью (а оно станет реальностью!), надо начать перестройку с себя, с мобилизации собственных резервов.

Кто должен повести людей на решение важнейших задач, поставленных съездом? Мы, коммунисты, и в первую очередь бойцы идеологического фронта, к коим относятся и армейские политработники.

Для делегатов съезда по традиции был устроен большой спортивный праздник в спорткомплексе «Олимпийском». Мне же, признаюсь, в тот воскресный мартовский день было не то чтобы грустновато, но как-то не по себе. Впервые я вышел на спортивную арену в колонне ветеранов. Стоял рядом с другими прославленными чемпионами, имена которых знает весь мир, нам щедро аплодировали трибуны. А думал о том, что лучшими в моей жизни были те дни, когда ступал я на лед не в парадном костюме, как теперь, а в тяжелых вратарских доспехах и проливал на этот лед свой пот. И больно было, и тяжело до тошноты, но все искупалось счастьем побед.

Какое же это великое счастье!